

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

**ГАМЛЕТЪ
ПРИНЦЪ ДАТСКИЙ**

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ
Вилліама Шекспира

**ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Н. А. ПОЛЕВОГО**

С дополненіями и вариантами по переводамъ Вронченко, Кронеберга, Кетчера и Соколовскаго и характеристиками Гамлета — Гёте, Шлегеля, Джонсона, Кольриджа, Мезьера и др.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА**

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmnl@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 іюня 1887 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Гамлетъ» — у насъ наиболѣ популярная и наиболѣ любимая пьеса Шекспира *). Русская публика познакомила съ ней по переводу Н. А. Полевого, а удивительная игра Мочалова, разбору которой у Бѣлинскаго посвящены краснорѣчивыя страницы, содѣйствовала укрѣпленію этой трагедіи на сценѣ. Переводъ Полевого не точенъ и не полонъ, но онъ прекрасно примѣненъ къ сценѣ. Слѣдуетъ ли примѣнять къ сценѣ трагедіи Шекспира — теперь совсѣмъ не вопросъ даже: никто уже не споритъ о томъ, что пьесы Шекспира будто бы необходимо давать въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ написаны. Уже Гёте въ романѣ своемъ «Вильгельмъ Meisterъ» рѣшалъ этотъ вопросъ въ смыслѣ необходимости примѣнять Шекспира къ условіямъ современной сцены и съ того времени взглядъ этотъ утвердился. Полевой, какъ мы сказали, необыкновенно сценично сдѣлалъ свой переводъ; многія слова и выраженія сдѣлались намъ такъ же близки, какъ цитаты изъ «Горя отъ ума» и «Ревизора», напр., «женщины — ничтожество вамъ имя», «за челоуѣка страшно» и мнѣ проч., хотя въ подлинникѣ этихъ фразъ или нѣтъ или онѣ переиначены. «За челоуѣка страшно мнѣ» — этой фразы нѣтъ у Шекспира, но она въ сокращенномъ видѣ прекрасно и сильно передаетъ тѣ несколько строкъ въ подлинникѣ, которыя выражаютъ собою состояніе души Гамлета.

*) Вилліамъ Шекспиръ, великій англійскій поэтъ,
род. въ маленькомъ городкѣ Страдфордѣ-на-Авонѣ
23 апр. 1564 г., умеръ въ 1616 г. въ день своего рожденія.

Мы, однако, не ограничиваемся перепечаткою перевода Полевого: въ концѣ книги мы возстановляемъ всѣ пропуски, сдѣланные Полевымъ ради сценическихъ условій, до переводамъ Вронченко, Кетчера, Кронеберга и Соколовскаго, и, кромѣ того, нѣкоторые монологи («Быть или не быть» и др.) и цѣлыя сцены воспроизводимъ, для сравненія, по нѣсколькимъ переводамъ.

Вслѣдъ за «Гамлетомъ» мы напечатаемъ точно такимъ же образомъ «Короля Лира», «Отелло» и нѣкоторыя другія пьесы Шекспира.

Какъ была создана Шекспиромъ трагедія «Гамлетъ» и въ какомъ году?

Легенда объ Амлетѣ или Гамлетѣ въ первый разъ встрѣчается въ «Исторіи Даніи», написанной по латыни Саксономъ Грамматикомъ, уроженцемъ Эльсинора, въ концѣ XII-го столѣтія, но напечатанной только въ 1515 г. Около пятидесяти лѣтъ послѣ изданія этой исторіи французъ Бельфоре въ собраніи повѣстей, вышедшихъ подъ заглавіемъ «Трагическія исторіи» (Histoires Tragiques), помѣстилъ и «Исторію о Гамлетѣ», заимствовавъ ее изъ Саксона Грамматика, причемъ онъ выпустилъ нѣсколько грубыхъ и нелѣпыхъ подробностей и прибавилъ кое-что свое. Полный англійскій переводъ этихъ «Исторій» вышелъ въ 1596 г., но отдѣльные рассказы были распространены въ

публикѣ еще ранѣе и между ними «исторія о Гамлетѣ». Правда, дошедшій до насъ экземпляръ этой повѣсти относится къ 1608 г., но полагають обыкновенно, что она появилась раньше. Если эта «Исторія» была единственнымъ источникомъ, изъ котораго Шекспиръ почерпнулъ матеріаль для созданія «Гамлета», то всѣ достоинства этой удивительной трагедіи составляютъ его неотъемлемую собственность. Одинъ изъ комментаторовъ Шекспира замѣчаетъ, что «ни одно изъ выраженій повѣствованія «Исторіи» не вошло въ произведеніе Шекспира за исключеніемъ того, когда Гамлетъ, прокалывая занавѣсъ и убивая Полонія, восклицаетъ: «Мышь, мышь!» Но изъ нѣкоторыхъ намековъ старыхъ писателей, кажется, можно заключить, что, прежде чѣмъ Шекспиръ дожилъ до 24-хъ лѣтняго возраста, «исторія о Гамлетѣ» была передѣлана въ драму, въ которой являлся духъ отца Гамлета; поэтому Шекспиръ могъ скорѣе что нибудь заимствовать изъ этой драмы, чѣмъ изъ исторической датской легенды, въ которой нѣтъ и помину о духѣ. Колльеръ въ своемъ изданіи «Шекспира» говоритъ: «Мы не имѣемъ права рѣшительно утверждать, отличалась ли чѣмъ эта драма отъ датской легенды и насколько Шекспиръ могъ воспользоваться этой драмой». Есть критики, которые эту драму считаютъ первоначальной редакціей Шекспировскаго же «Гамлета».

По всѣмъ вѣроятіямъ «Гамлетъ» былъ написанъ Шекспиромъ не позже 1602 г. и не ранѣе 1589 г., когда поэту было только 25 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ первое изданіе этой трагедіи было въ 1603 г.; существуетъ всего два экземпляра этого изданія: одинъ былъ найденъ въ 1825 г. и купленъ за 250 фунт. стерл. (2500 р.) герцогомъ. Девонширскимъ, другой находится въ Британскомъ музеѣ. Это изданіе называется «воровскимъ», ибо оно воспроизводило «Гамлета» въ той редакціи, которая во время появленія этого изданія была уже брошена Шекспиромъ и существовалъ уже тотъ «Гамлетъ» который извѣстенъ намъ теперь. Вслѣдствіе этого въ 1604 г. появилось новое изданіе «Гамлета», сообразно послѣдней и окончательной отдѣлкѣ пьесы Шекспиромъ. Отъ этого изданія сохранилось всего 3 экземпляра.

Литература о Шекспирѣ огромная. Перечень изданій его, книгъ и статей о немъ и о его пьесахъ занимаетъ въ изданіи «Shakspeariana» 1872 г. 118 страницъ большого формата и убористаго шрифта. Но ни одна пьеса Шекспира не создала такой литературы, какъ «Гамлетъ». Цѣлая масса книгъ, брошюръ и статей написана на всѣхъ языкахъ о «Гамлетѣ», болѣе всего, кажется, на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ въ Германіи, какъ и у насъ, пьеса эта любимая. Чуть не каждый стихъ подвергся толкованіямъ. Мы, разумѣется, можемъ указать только на нѣкоторыя изслѣдованія, отрывки изъ которыхъ приводимъ ниже; ничего не беремъ изъ Гервинуса, такъ какъ его сочиненіе о Шекспирѣ достаточно извѣстно въ русскомъ переводѣ. Замѣтимъ, что во всѣхъ пьесахъ Шекспира сосчитано число стиховъ разныхъ стопъ, съ римами и безъ римовъ, число строкъ и прозы и проч. Въ «Гамлетѣ» всѣхъ строкъ прозы и стиховъ — 2068, въ томъ числѣ прозы 509 строкъ, бѣлыхъ стиховъ 1462, римованныхъ пятистопныхъ 54, короткихъ римованныхъ 43 и проч. Въ русской литературѣ

мало работъ о Шекспирѣ вообще и о «Гамлетѣ» въ особенности. Есть небольшія изслѣдованія Тимофеева и Ярославцева, статья Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», статья Гнѣдича о постановкѣ «Гамлета», въ «Русск. Вѣстн.» 1882 г., апрѣль, и нѣк. друг.

Мнѣнія разныхъ авторовъ о «Гамлетѣ»

Во главѣ всѣхъ мнѣній о «Гамлетѣ» необходимо поставить мнѣніе Гёте, высказанное имъ въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ». Труппа актеровъ собирается ставить «Гамлета» и члены ея, собираясь вмѣстѣ, толкуютъ о постановкѣ и характерахъ пьесы. Слѣдующее мнѣніе о характерахъ Гамлета и Офеліи вложено великимъ нѣмецкимъ поэтомъ въ уста своего героя, Вильгельма Мейстера:

«Представьте себѣ принца. Отецъ его умираетъ. Его не тревожитъ ни честолюбіе, ни властолюбіе: онъ довольствуется своимъ положеніемъ принца, королевича; и вдругъ онъ вынужденъ обратить вниманіе на то разстояніе, которое отдѣляетъ короля отъ подданнаго. Право на корону не было наслѣдственнымъ, но все же, если бы отецъ его прожилъ подольше то права и надежды его единственнаго сына на корону получили бы, конечно, болѣе возможности, упрочиться. А между тѣмъ онъ видитъ, что его дядя, не смотря на его кажущіяся обѣщанія, можетъ быть навсегда исключаетъ его отъ престолонаслѣдія; и онъ вдругъ почувствовалъ себя лишеннымъ и надежды, и имущества, и чуждымъ всему, что онъ отъ ранней юности привыкъ считать своею исконною собственностью. Тутъ характеръ его получилъ впервые грустное настроеніе. Онъ почувствовалъ, что онъ не болѣе, даже менѣе cadaго изъ дворянъ; онъ принужденъ заискивать во всѣхъ, онъ не просто ласковъ и снисходителенъ со всѣми, — нѣтъ, онъ даже опустился и сталъ жалокъ. На прошедшее состояніе свое смотрѣлъ онъ не иначе, какъ на исчезнувшее сновидѣніе. Напрасно дядя старается его развеселить, выставляя ему положеніе его съ другой стороны; сознаніе ничтожества не покидаетъ его.

«Второй ударъ, поразившій его, оскорбилъ его еще болѣе и еще болѣе придавилъ его: то было замужество его матери. У него, какъ у преданнаго и нѣжнаго сына, по смерти отца, еще оставалась мать; онъ надѣялся, что будетъ вмѣстѣ съ нею почитать память почившаго героя; но и мать свою онъ тоже теряетъ, и эта потеря для него чувствительнѣе, нежели если бы смерть ее похитила у него. Пропадаетъ въ немъ то довѣріе, съ которымъ каждый благовоспитанный ребенокъ относится къ родителямъ своимъ; и отъ покойнаго отца не можетъ онъ ждать себѣ помощи, и у живой еще матери не можетъ искать себѣ опоры: она для него является тоже *только женщиною*, и подъ общимъ именемъ *ничтожности*, которое онъ даетъ всѣмъ женщинамъ, онъ разумѣетъ и ее.

«Только тутъ впервые онъ чувствуетъ себя униженнымъ и вполнѣ осиротѣлымъ, и ужъ никакое счастье въ свѣтѣ не можетъ замѣнить ему утраченнаго имъ. Непечальный и незадумчивый отъ природы, онъ несетъ на себѣ печаль и задумчивость, какъ тяжкую ношу.

«Вообразите себѣ этого принца, этого королевича какъ можно живѣе, представьте себѣ его положеніе и наблюдайте за нимъ послѣ того, когда онъ

узнаетъ, что тѣнь его отца стала являться. Представьте себя около него въ ту ужасную ночь, когда почтенная тѣнь сама является передъ его очами. Неслыханный ужасъ овладѣваетъ имъ; онъ начинаетъ говорить съ дивнымъ видѣніемъ, видитъ, что оно его манитъ вслѣдъ за собою, слѣдуетъ за нимъ и слышитъ... ужаснѣйшее обвиненіе противъ дяди раздается въ ушахъ его, онъ слышитъ воззваніе къ отмщенью и настоятельно повторяемую просьбу: «помни обо мнѣ!»

«И когда духъ исчезъ, кого же мы передъ собою видимъ? Молодого ли героя, воспламененнаго враждою мщенія? прирожденнаго ли принца, который считаетъ за счастье для себя возможность выступить противъ похитителя его короны? — Нѣтъ. Смущеніе и изумленіе овладѣваютъ одинокимъ принцемъ; онъ жолчно высказывается противъ улыбающихся злодѣевъ, клянется не забывать усопшаго и заканчиваетъ весьма многозначительнымъ сожалѣніемъ:

«— Время вышло изъ колеи своей. Горе мнѣ, рожденному для того, чтобы снова заставить его идти прежнею колеёю!» Въ этихъ словахъ, какъ мнѣ кажется, находимъ мы объясненіе всего поведенія Гамлета, и мнѣ становится ясно то, что Шекспиръ хотѣлъ изобразить: великое дѣло, возложенное на человѣка, которому не дано отъ природы силъ къ совершенію его. И этотъ-то именно смыслъ и проникаетъ, какъ я вижу, всю пьесу. Дубъ посаженъ въ дорожную вазу, въ которой бы слѣдовало расти только милымъ цвѣточкамъ. Корни дуба распространяются во всѣ стороны — и ваза разсыпется вдребезги.

«Прекрасное, чистое, благородное, въ высшей степени нравственное существо, не обладая нравственными силами героя, падаетъ подъ тяжестью, которой оно ни снести, ни сбросить съ себя не можетъ; всякая обязанность для него свята, но эта — ужъ черезчуръ обременительна. Отъ него требуютъ невозможнаго, не по существу своему, а только для него невозможнаго. И вотъ онъ путается, изворачивается, пугается, то дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, то нѣсколько шаговъ назадъ; а между тѣмъ все напоминаетъ ему о его обязанности, онъ самъ напоминаетъ себѣ о ней, и наконецъ, даже почти позабывъ о своемъ намѣреніи, все же не возвращается къ своему прежнему веселію!

«Объ Офеліи говорить много не приходится: весь ея характеръ заключается въ немногихъ, мастерски набросанныхъ чертахъ. Все существо ея служить выраженіемъ сладостнаго, вполне созрѣвшаго чувственнаго стремленія. Ея склонность къ принцу, на руку котораго она можетъ до нѣкоторой степени рассчитывать, высказывается такъ сильно, доброе сердце ея до такой степени предается влеченію своему, что и отецъ, и братъ ея — оба опасаются, оба одновременно и даже довольно круто предостерегаютъ ее. Приличія также настолько же не помогаютъ ей скрыть ея сердечнаго влеченія, насколько легкой флеръ не можетъ скрыть трепета ея дѣвственной груди — необходимость соблюдать приличія даже еще болѣе выдаетъ Офелію. Ея воображеніе настроено, тихая нѣжность ея дышетъ пламеннымъ желаніемъ, и стоитъ только услужливой богинѣ «Случайности» тряхнуть деревцомъ, чтобы плодъ тотчасъ

же свалился съ него. Когда она видитъ себя покинутою, отвергнутою и осмѣянною, когда въ душѣ ея безумнаго любовника все переворачивается вверхъ дномъ, и онъ ей, вмѣсто кубка любви, подноситъ горькій кубокъ страданій — тогда сердце ея разрывается, всѣ основы ея существованія поколеблены; а тутъ еще на нее же обрушается смерть ея отца, и прекрасное зданіе это разрушается окончательно».

Нѣмецкій критикъ **Эдъце**, написавшій біографію Шекспира и много отдѣльныхъ статей объ его произведеніяхъ, такъ резюмируетъ взгляды нѣмецкой критики на Шекспира:

«Со времянь Гёте Шекспировскому Гамлету пришлось пройти въ Германіи черезъ двѣ стадіи литературнаго развитія — стадію романтической поэзіи и эстетики (Шлегель, Тикъ, Зольгеръ и т. д.) и стадію философской критики (Гегель, Гансъ, Ульрици и т. д.); впрочемъ, онъ раздѣлялъ эту участь со всѣми остальными трагедіями Шекспира, причемъ не занималъ такого выдающагося положенія, благодаря которому стоило отдѣлить его исторію отъ исторіи всѣхъ вообще твореній Шекспира. Романтикамъ (Шлегелю) мы обязаны, какъ извѣстно, нашимъ переводомъ Шекспира, далеко оставившимъ позади всѣ другіе переводы и сдѣлавшимъ Шекспира нѣмецкимъ классикомъ. Но и сочиненіями своими по эстетикѣ эти авторы чрезвычайно много способствовали болѣе полному и глубокому пониманію великаго англійскаго драматурга. Въ этомъ отношеніи важная заслуга принадлежитъ лекціямъ Шлегеля о драматическомъ искусствѣ и литературѣ, Шлегель говоритъ о Шекспирѣ съ глубокимъ знаніемъ и величайшимъ восхищеніемъ. «Гамлета» онъ находитъ единственнымъ въ своемъ родѣ; онъ называетъ его трагедіей мыслей, внушенной непрерывнымъ и неудовлетвореннымъ размышленіемъ о человѣческихъ судьбахъ, о мрачной путаницѣ міровыхъ событій, и предназначенной вызвать именно такое же размышленіе въ зрителяхъ. Онъ сравниваетъ Гамлета съ тѣми ирраціональными уравненіями, гдѣ всегда остается дробь неизвѣстныхъ величинъ, которую никакимъ образомъ нельзя разрѣшить. Нерѣшительная осторожность, коварная измѣна, пылкая ярость — все здѣсь одинаково идетъ на встрѣчу гибели, и виновные и невинные захватываются общей катастрофой. Судьба человѣчества является тамъ въ видѣ исполинскаго сфинкса, грозящаго увлечь въ бездну сомнѣнія всякаго, кто не въ состояніи разрѣшить ея страшной загадки». (Shakespeare's Hamlet. Herausg. von Karl Elze. Leipzig. 1867).

Strachey, англійскій критикъ, говоритъ:

«Гамлетъ — единственный сынъ короля Даніи въ тотъ періодъ ея исторіи, когда она была могущественной державой въ военномъ отношеніи, борющейся съ Англіей на морѣ, съ Польшей на сушѣ, а съ Норвегіей на морѣ и на сушѣ, когда короли, несмотря на право наслѣдственности, часто смѣнялись и избирались и когда наслѣдникъ престола долженъ былъ заботиться о томъ, чтобъ выказывать свои способности и талантъ въ глазахъ народа. Выказывать эти способности нужно было не въ одномъ военномъ дѣлѣ, потому что нація была уже на нѣкоторой степени цивилизаціи и должна была поддерживать свое достоинство настолько же политикой, насколько и оружіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, войны, договоры, государственный совѣтъ, суды, церковные обряды, театры, извѣстное развитіе простого народа, воспитаніе знатныхъ молодыхъ людей, кончавшихъ курсъ въ германскихъ университетахъ или во французской столицѣ — все это доказываетъ, что Данія была въ полномъ ходу національнаго развитія, подобномъ тому, въ которомъ находилась Англія при жизни Шекспира. — Существовало ли когда нибудь въ дѣйствительности такое общественное положеніе Даніи? — вопросъ неважный, ибо одно изъ неотъемлемыхъ правъ романтической драмы заключается въ томъ, что она свободна отъ законовъ времени и мѣста и, несмотря на то, что сюжетъ драмы взятъ изъ дѣйствительной жизни, фантазія поэта можетъ измѣнить его сообразно законамъ творчества.

«Наши критическія изслѣдованія о Гамлетѣ могутъ быть сведены къ двумъ первоначальнымъ источникамъ — Гёте и Кольриджу. Гёте, по своему обыкновенію, высказываетъ свои мысли съ необыкновенной ясностью, каждое слово его исполнено смысла и безстрастнаго спокойнаго созерцанія, онъ какъ будто разсматриваетъ Гамлета *извнѣ*. Кольриджъ, напротивъ, разсматриваетъ его какъ бы *изнутри* и результатъ показываетъ преимущество его метода. Сущность анализа Кольриджа заключается въ слѣдующемъ:

«Я полагаю, говоритъ онъ, что характеръ Гамлета есть слѣдствіе глубокихъ и точныхъ свѣдѣній Шекспира въ философіи разума. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ характеръ долженъ былъ имѣть связь съ основными законами нашей природы, чтобъ Гамлетъ сдѣлался любимцемъ каждой страны, куда только англійская литература проникала. Для того, чтобы постигнуть Гамлета — необходимо разсмотрѣть состояніе нашего собственнаго ума. Человѣкъ отличается отъ животнаго въ той степени, въ какой его мысль преобладаетъ надъ чувствами; въ здоровомъ процессѣ ума равновѣсіе постоянно поддерживается между наплывомъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутренними дѣйствіями ума; если перевѣсъ окажется на сторонѣ мыслительной способности, то вслѣдствіе этого въ человѣкѣ является преобладающимъ свойствомъ — размышленіе и способность къ дѣйствію уменьшается. Замѣтимъ, что одинъ изъ приемовъ Шекспира создавать характеры заключается въ томъ, что онъ воображалъ какую нибудь нравственную или интеллектуальную способность человѣка въ болѣзненно-напряженномъ состояніи и этого человѣка проводилъ сквозь строй данныхъ обстоятельствъ. Въ Гамлетѣ онъ, кажется, хотѣлъ пояснить

примѣромъ нравственную необходимость должнаго равновѣсія между нашимъ воспріятіемъ впечатлѣній внѣшняго міра и созерцаніемъ дѣйствій нашего ума, — должнаго равновѣсія между міромъ реальнымъ и воображаемымъ. Въ Гамлетѣ это равновѣсіе нарушено: его мысли и образы его фантазіи гораздо ярче дѣйствительныхъ ощущеній, его истинныя ощущенія, проходя черезъ строй его мышленія, пріобрѣтали форму и окраску, не свойственную имъ въ дѣйствительности. Отсюда мы замѣчаемъ въ Гамлетѣ большую, почти чудовищную умственную дѣятельность и, соразмѣрно этому, отвращеніе отъ активной дѣятельности со всѣми обычными симптомами и послѣдствіями. И такой-то характеръ Шекспиръ ставитъ въ положенія, гдѣ онъ принужденъ дѣйствовать рѣшительно и быстро. Гамлетъ не страшится смерти, но онъ дрожитъ отъ чувствительности, медлитъ въ безконечныхъ размышленіяхъ и теряетъ способность поступать энергично. Такимъ образомъ эта трагедія представляетъ полный контрастъ съ трагедіей «Макбетъ»: въ одной драма развивается постепенно съ крайней медленностью, — въ другой — съ быстрой и, такъ сказать, съ задыхающею скоростью.

«Картина этого перевѣса силы воображенія прекрасно изображается вѣчнымъ высиживаніемъ и чрезмѣрной дѣятельностью ума Гамлета, который, будучи выбитъ изъ колеи здороваго мышленія — исключительно занятъ внутреннимъ міромъ и совершенно отвлеченъ отъ міра внѣшняго; призраки и фантазіи онъ облекаетъ въ плоть, а все дѣйствительно существующее покрыто для него непроницаемой мглой. — Неопредѣленность лежитъ въ природѣ мышленія — опредѣленность составляетъ принадлежность внѣшнихъ образовъ. Поэтому представленіе о возвышенности предметовъ является у насъ не вслѣдствіе чувственнаго воспріятія внѣшнихъ образовъ, а вслѣдствіе отвлеченнаго размышленія о нихъ. Рѣдко кто, видя въ первый разъ прославленный водопадъ, не испытываетъ нѣкотораго разочарованія; красоту явленія онъ постигаетъ только тогда, когда оно всецѣло проникнетъ въ его умъ и по ассоціаціи идей вызоветъ цѣлый рядъ величественныхъ представленій. — Гамлетъ испытываетъ нѣчто подобное. Его чувства постоянно болѣзненно напряжены и на предметы внѣшняго міра онъ смотритъ, какъ на іероглифы. Его монологъ «О, еслибъ крѣпко созданное тѣло» проникнуть страстнымъ стремленіемъ къ непостижимому, чего постигнуть нѣтъ возможности, но къ чему постоянно стремится умъ генія.

«Думая разбить цѣпи, онъ только опутываетъ себя ими, медлитъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе становится уже бесполезнымъ, и умираетъ жертвой обстоятельствъ и случайности». (Coleridge, Literary Remains).

«Этотъ тонкій взглядъ на характеръ Гамлета не нуждается въ моихъ комментаріяхъ и считается по сію пору лучшей характеристикой Гамлета. Но хотя Кольриджа поддерживаютъ Шлегель, Гёте и всѣ извѣстные комментаторы въ его утвержденіи, что Гамлетъ «медлитъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе становится уже ненужнымъ и умираетъ жертвою обстоятельствъ и случайности» — однакоже я не рѣшаюсь помириться съ такимъ заключеніемъ.

«Чувствуя, насколько самонадѣянно съ моей стороны возстать противъ такихъ авторитетовъ, я все же рѣшаюсь предположить, что Гамлетъ, будучи совершенно такимъ характеромъ, какимъ изобразилъ его Кольриджъ, — въ концѣ концовъ беретъ верхъ надъ главнымъ недостаткомъ своего характера и умираетъ не жертвой — а мученикомъ, побѣждая то зло, отъ котораго онъ умираетъ. Я полагаю также, что въ этомъ заключается основная мысль трагедіи и что Шекспиръ имѣлъ цѣлью не только — пояснить примѣромъ нравственную необходимость должнаго равновѣсія между нашими воспріятіями извнѣ и дѣятельностью нашего ума и изобразить печальную судьбу жертвы «недостатка этого перевѣса», но и нѣчто болѣе возвышенное, болѣе нравственное, болѣе практическое, болѣе англійское — хотѣлъ показать, какъ хорошій человѣкъ можетъ одержать побѣду, хотя бы и черезъ смерть, надъ однимъ изъ самыхъ злѣйшихъ враговъ своихъ — надъ болѣзнью внутренней жизни, предательски сговорившейся съ обстоятельствами, чтобы погубить его». (Stracliey's Analysis of Hamlet).

Слова Д-ра Конолли:

«Монологъ «О, еслибъ крѣпко созданное тѣло», гдѣ Гамлетъ въ первый разъ высказывается вполнѣ, привлекаетъ особенное вниманіе тѣхъ, которые слѣдятъ съ живымъ интересомъ во время игры за состояніемъ духа Гамлета. Здѣсь ясно изображено состояніе его ума и уже существующее смятеніе его души, доходящее до болѣзненности. Его разсудокъ настойчиво занятъ одной мыслью; неприличная женитьба его дяди на его матери завладѣла всѣмъ его вниманіемъ. Болѣзненное состояніе его духа зашло уже слишкомъ далеко: онъ потерялъ всѣ свои радости и веселость; онъ утомленъ привычками и занятіями свѣта, онъ усталъ жить. Въ это время онъ ничего не слышалъ еще о появленіи духа своего отца и никакое подозрѣніе объ убійствѣ не могло придти ему въ голову; но онъ и теперь уже смущенъ и потрясенъ такъ сильно, что его разсудокъ близокъ къ разстройству. Объясненія этому, кажется, должно искать въ его исключительномъ положеніи. Онъ окончилъ образованіе и проводитъ время въ праздности, онъ много размышляетъ и ничего не дѣлаетъ, событія возмущаютъ его, но не побуждаютъ дѣйствовать. На дворѣ и придворныхъ онъ не обращаетъ вниманія; государству угрожала неминуемая опасность, онъ даже не шевельнулся; оскорбляютъ его собственную особу, онъ раздражается только страстными монологами и желаніе отдѣлаться отъ жизни не оставляетъ его. Гамлетъ много читалъ и размышлялъ, проводилъ пріятные часы съ Офеліей и жилъ по большей части въ очарованномъ кругу фантазіи и чувства. Его уму недоставало того качества здороваго мозга или разсудка, которое можно назвать *эластичностью*; обладай онъ этимъ качествомъ, всѣ превратности и случайности перемѣнчивой судьбы переносились бы имъ безъ особаго ущерба и съ должной стойкостью». (Dr. Conolly's Study of Hamlet).

Слова Рида:

«Гамлетъ мимоходомъ намекаетъ своимъ друзьямъ о «желаніи представлять изъ себя помѣшаннаго» и приводитъ это намѣреніе въ исполненіе; отсюда критики заключаютъ, что все его безуміе притворно. Другіе, напротивъ, подмѣчая черты его страннаго поведенія, говорятъ, что онѣ немогутъ быть объяснены иначе, какъ тѣмъ, что датскій принцъ дѣйствительно сошелъ съ ума. Но человѣческій умъ не такой простой механизмъ и Шекспиръ слишкомъ хорошо зналъ это, чтобы обходиться съ нимъ такимъ образомъ. Истина, насколько я могу судить о столь важномъ предметѣ, заключается, кажется, въ томъ, что вслѣдствіе различныхъ вліяній умъ Гамлета былъ въ состояніи крайней воспріимчивости и неестественнаго возбужденія и затѣмъ сильно потрясенъ сверхъестественнымъ явленіемъ духа отца. Это видимое и слышимое общеніе съ мертвецомъ такъ потрясло всѣ его нравственныя силы, всѣ силы души, что онъ вдругъ почувствовалъ самъ, что владычество его разума находится въ большой опасности, и это сознаніе — боязнь лишиться разсудка, — внушило его дѣятельному уму мысль притвориться сумасшедшимъ — стать въ такія условія, которыя доставили бы ему большую свободу и въ то же время дали бы ему возможность слѣдить за собой и управлять своимъ разсудкомъ съ обычной ему интеллектуальной силой. Отсюда слѣдуетъ, что въ умѣ Гамлета разстройство существовало и умственное потрясеніе его разсудка представляло нѣчто большее, чѣмъ то, которое у него обнаруживалось; но если этотъ вопросъ о безуміи неизбѣжно влечетъ за собой вопросъ о томъ, потерялъ ли разсудокъ Гамлета власть надъ его волею, то, конечно, отвѣтъ можетъ быть только отрицательный». (Reed's lectures on tragic Poetry. **Ридъ**).

Слова Гензе:

«Королевскій сынъ, Гамлетъ является предъ на-ми не какъ государственный человѣкъ, призванный царствовать, который, убѣдившись и узнавъ отъ духа отца своего, что все пришло въ упадокъ въ государствѣ Даніи, — принимается за дѣло, чтобы помочь злу; нѣтъ, онъ съ особенной любовью погружается въ область размышленія и мечтаній; это по преимуществу ученый, — онъ получилъ образованіе въ Виттенбергѣ и охотнѣе всего вернулся бы туда; онъ усвоилъ много изреченій изъ книгъ и можетъ цитировать на память цѣлыя страницы изъ драмъ. Онъ ведетъ записныя книги съ ученой цѣлью, онъ знатокъ въ драматической поэзіи, онъ даетъ актерамъ указанія и совѣты, дѣлающіе честь его тонкому эстетическому вкусу. Не менѣе того любитъ онъ примѣнять свои идеи и размышленія къ обстоятельствамъ жизни и нравственности; онъ

выражаетъ свои наблюденія въ замѣчаніяхъ, поражающихъ психологической глубиной и пытливостью ума. Гамлетъ восторженный любитель драматической поэзіи; онъ понимаетъ ее въ высшемъ смыслѣ и убѣжденъ, что она должна имѣть высокое нравственное вліяніе; онъ это и высказываетъ въ часто цитируемомъ мѣстѣ о задачахъ театральнаго искусства (3 актъ, 2 сцена). Онъ даже самъ не лишень актерскаго таланта и склонности къ сценѣ, этимъ объясняется роль мнимаго сумасшедшаго, которую онъ беретъ на себя и играетъ съ какимъ-то горькимъ удовольствіемъ. Силы фантазіи въ немъ могущественнѣе, нежели склонность къ практической жизни; жить своей внутренней жизнью для него бтльшая потребность, нежели дѣйствовать: душа его настроена лирически и его поэтически-фантастическое дарованіе во всей полнотѣ сказывается въ монологахъ. Нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица въ драмахъ Шекспира, которое произносило бы такъ много монологовъ, какъ Гамлетъ; но его поэтическое дарованіе изливается не только въ богатствѣ монологовъ, но и вообще въ высококомъ паѳосѣ его краснорѣчія, напимѣръ, въ образцовой и грозной рѣчи, обращенной къ матери”.

Тотъ же критикъ говоритъ слѣдующее о сумасшествіи Офеліи:

«То, что всѣ, даже противники, болѣе всего цѣнятъ въ произведеніяхъ Шекспира, и именно многостороннее знаніе человѣческой души, ея стремленій, побужденій и страстей — обнаруживается и въ правдивости, съ которою поэтъ изобразилъ разстройства и болѣзни души. Различныя формы душевныхъ болѣзней знакомы ему, быть можетъ, вслѣдствіе личныхъ наблюденій, а еще болѣе, вѣроятно, вслѣдствіе его природной геніальной прозорливости; безуміе и меланхолія изображены имъ съ такой жизненной правдой, съ такой полнотой, какъ никѣмъ изъ другихъ поэтовъ.

«Изображеніе душевныхъ болѣзней имѣетъ у Шекспира не самостоятельное и господствующее значеніе, а второстепенное и вспомогательное. Оно служитъ высшимъ цѣлямъ нравственной правды, и безуміе является усиленнымъ выраженіемъ угрызений совѣсти. Это главный пунктъ, которымъ отличаются изображенія сумасшествія у Шекспира отъ дѣйствительнаго безумія, встрѣчающагося въ жизни. Въ послѣднихъ случаяхъ виновность не есть необходимая причина безумія; напротивъ того у Шекспира безумные непременно несутъ на себѣ бремя какой нибудь вины, сознаніе которой преслѣдуетъ ихъ неустанно. Эта вина бываетъ большей или меньшей. Такіе характеры, какъ Лиръ и Лэди Макбетъ, совершили великую вину, Офелія меньшую.

«Но въ чемъ же вина этой поэтической дѣвушки? Во всякомъ случаѣ не въ томъ она виновна, въ чемъ обвиняютъ ее Тикъ и нѣкоторые другіе критики. Они видятъ въ ней падшую дѣвушку, которая, въ чаду страсти и преданности любимому принцу, давно отдалась ему, такъ что предостереженія Лаерта явились уже слишкомъ поздно. Но самый текстъ трагедіи защищаетъ прелестную дѣвушку отъ такихъ несправедливыхъ обвиненій; Фишеръ, въ своихъ критическихъ очеркахъ, въ горячихъ выраженіяхъ говоритъ въ пользу

Офеліи. Будь Офелія виновна, она не могла бы сказать своему отцу про Гамлета: «Онъ мнѣ въ любви своей признался почтительно и скромно и клятвой подкрѣпилъ свои слова». Еслибъ поэтъ предполагалъ, что она не сохранила чистоты, онъ не могъ бы сказать устами Лаерта на могилѣ Офеліи: «изъ дѣвственнаго праха фіалки выростутъ. Священникъ грубый, я говорю тебѣ: страдая въ адѣ, ты ангеломъ сестру мою увидишь» (V, 1). Лаертъ называетъ ее «майской розой» и говоритъ о ней: «Госку и грусть, страданья, самый адъ — все въ красоту она преобразила» (IV, 5). Королева осыпаетъ цвѣтами ея могилу со словами: «Цвѣты къ цвѣтку. Прощай. Ты будешь супругой Гамлета — мечтала я! не ранній гробъ твой — свадебное ложе твое, милое дитя, я думала убрать». Но виной мы называемъ то, что и она изъ дурно-понятаго послушанія отцу рѣшается на поступокъ, недостойный ея наивной, незлобивой души. Во всей драмѣ господствуетъ вообще какая-то нечистая атмосфера: таинственность, притворство, лицемѣріе, взаимное подслушивание, безхарактерная лесь. Этотъ пагубный недугъ, обуславливающийъ трагическую развязку, коснулся и Офеліи; она притворилась молящейся для того, чтобы помочь Королю и Полонію подслушивать Гамлета. За такое лицемѣріе Гамлетъ упрекаетъ Офелію; въ разговорѣ съ ней (III, 1) онъ какъ будто подставляетъ ей зеркало, чтобы она узнала въ немъ самое себя: «Слышала я и о вашей живописи, слышала довольно. Богъ даетъ вамъ лицо, вы дѣлаете другое. Вы таскаетесь, пляшете и поете; созданіямъ Божимъ даете имена въ насмѣшку; притворяетесь, будто все это отъ незнанія, а оно, просто, легкомысліе». Можемъ ли мы считать эти слова неимѣющими значенія? могла-ли сама Офелія позабыть о нихъ, подобно Гамлету, который поглощенъ своей ведикой задачей, и готовъ позабыть все остальное? Къ этому воспоминанію и относится фраза, произнесенная ею въ сценѣ сумасшествія (IV, 5) «Вотъ рута и для меня». Очевидно она себѣ предназначаетъ тоже этотъ символъ раскаянія — и это исповѣдь неспокойной совѣсти. Вотъ ключъ, открывающій намъ ея сердце и объясняющій происхожденіе ея безумія: при видѣ разстройства разсудка у Гамлета, которое она считаетъ дѣйствительнымъ, она называетъ себя самой несчастной, самой жалкой изъ женщинъ, — въ этотъ моментъ уже пошатнулся хрупкій строй ея умственныхъ способностей, чувство несчастной, безнадежной любви поражено самымъ жестокимъ ударомъ судьбы, смертью ея отца, котораго она нѣжно любила и который падаетъ жертвою «безумія» Гамлета. Сознаніе одиночества и сиротства терзаетъ ея душу. Но такъ какъ другіе больше грѣшили противъ нея, нежели она сама; то въ своемъ безуміи она (какъ и Лиръ) осуждаетъ и караетъ окружающихъ при помощи символовъ. Безумная Офелія является «фантастически украшенной травами и цвѣтами». Лиръ точно также изукрашенъ полевыми цвѣтами. Медицинскіе авторитеты говорятъ, что такого рода больные часто украшаютъ себя цвѣтами, раздаютъ ихъ окружающимъ и поютъ. Такъ «Офелія, говоритъ профессоръ Нейманъ, держитъ въ рукахъ цвѣты, причемъ говоритъ каждому какое нибудь полу-понятное, льстивое, любезное слово». Но въ самомъ дѣлѣ слова ея не льстивы, напротивъ ея безуміе

является карающимъ и осуждающимъ, съ помощью символовъ и цвѣтовъ: она подаетъ незабудки — «это на память», говоритъ она, розмаринъ — «въ знакъ вѣрности», и передаетъ цвѣтокъ брату; поднося королю и королевѣ тминъ, колокольчики, руту и маргаритки, она опредѣляетъ символически душевныя свойства обоихъ. Тминъ, по объясненію Л. Тика, «означаетъ лезвѣ, но также и чувственность, похоть; колокольчики принимаются въ разныхъ значеніяхъ, но чаще всего, какъ аллегорія невѣрности и необузданной чувственности». Можно ли удачнѣе обрисовать характеръ Короля, нежели этимъ символическимъ опредѣленіемъ? Руту и маргаритки Офелія даетъ Королевѣ, — руту, символъ раскаянія; прибавляя: «мы можемъ назвать ее праздничнымъ цвѣткомъ». Эти слова рисуютъ Королеву: съ помощью раскаянія она должна стараться получить помилованіе; мы помнимъ, какъ Гамлетъ въ разговорѣ съ матерью съ энергическимъ краснорѣчіемъ побуждалъ ея совѣсть къ раскаянію». (К. К. Hense. Shakespeare Untersuchungen und Studien. 1884).

Вотъ слова французскаго критика, **Мезьера**, о Гамлетѣ. Слова эти, какъ увидитъ читатель, частію резюмируютъ мнѣнія разныхъ критиковъ, приведенныхъ нами выше:

Изо всѣхъ драматическихъ произведеній древнихъ и новыхъ временъ нѣтъ ни одного, которое подвергалось бы такому всестороннему изученію и такимъ многочисленнымъ комментаріямъ, какъ трагедія «Гамлетъ», почти цѣликомъ созданная фантазіей поэта. Въ другихъ случаяхъ Шекспиръ слѣдуетъ тексту итальянской новеллы или легенды такъ близко, какъ будто это историческіе документы. Но въ «Гамлетѣ» онъ воспользовался безформенной канвой, гдѣ нѣтъ рѣчи ни о Лаертѣ, ни объ Офеліи. Извѣстно, что было уже два «Гамлета» раньше Шекспировскаго, одинъ между 1584 и 1589 годами, пересыпанный сентенціями во вкусъ Сенеки, другой въ 1594 г., но не знаютъ, вдохновлялся ли ими Шекспиръ для своего творенія.

«Очевидно, въ этомъ сюжетѣ его болѣе всего соблазнилъ характеръ самого Гамлета *). Онъ воспользовался случаемъ, чтобы излить въ одной роли всѣ философскія идеи и всю иронію, которыми переполнена была душа его; онъ съ любовью начерталъ портретъ этого молодого человѣка, такого нерѣшительнаго, такого мрачнаго, такого несчастнаго, но въ то же время такого великодушнаго и нѣжнаго; Шекспиръ трижды передѣлывалъ свое твореніе и всякій разъ прибавлялъ что-нибудь къ монологамъ Гамлета и къ его бесѣдамъ съ Гораціо.

*) Въ „Гамлетѣ“ находятъ также нѣкоторые намеки на событія, взятые изъ исторіи Англій. Общественное мнѣніе обвиняло графа Лейстера въ томъ, что онъ заключилъ въ тюрьму графа Эссекса, съ цѣлью жениться на его вдовѣ; дѣйствительно онъ и женился на ней нѣсколько дней спустя послѣ смерти ея мужа. Такимъ образомъ предполагаютъ, что графъ и графиня Эссексъ

послужили оригиналами для Клавдія и Гертруды, а знаменитый Робертъ Эссексъ, сынъ графини, служилъ оригиналомъ для Гамлета.

«Вообще характеры у Шекспира не обрисовываются исключительно въ виду одного драматическаго дѣйствія: герои, которыхъ онъ выводитъ на сцену, не обнаруживаютъ всѣхъ своихъ силъ и не прилагаютъ къ дѣйствию всего своего вниманія. Во французской драмѣ дѣйствующія лица обыкновенно являются намъ лишь въ связи съ ходомъ драмы, на англійской же сценѣ они раскрываютъ передъ нами всю ширь и сложность своихъ чувствъ. У нихъ свое самостоятельное существованіе; они живутъ внѣ трагедіи. Ни въ одномъ характерѣ не проявляется съ такой отчетливостью эта тенденція Шекспировскихъ твореній, какъ въ характерѣ Гамлета. Принцу Датскому нѣтъ надобности въ гнетѣ событій для того, чтобы размышлять и страдать. Недугъ, терзающій его, не зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ; какова бы ни была его судьба, онъ во всякомъ случаѣ чувствовалъ бы отвращеніе къ жизни и презрѣніе къ земнымъ наслажденіямъ. Еще прежде, чѣмъ онъ узналъ объ убійствѣ отца, вспомнимъ, что говоритъ онъ въ своемъ первомъ монологѣ. Какая горечь, какая грусть!

О, еслибъ крѣпко созданное тѣло
Мое могло рассыпаться росой!
Иль еслибы Творецъ не запретилъ
Самоубійства намъ! О, Боже, Боже,
Какъ пошло, пусто, тяжело и ничтожно,
Въ моихъ глазахъ, житье на этомъ свѣтѣ!

«Гамлетъ принадлежитъ къ тому разряду мрачныхъ умовъ, которые схватываютъ только дурную сторону вещей въ жизни; меланхолическій темпераментъ и слишкомъ тонкая проницательность дѣлаютъ ихъ болѣе чувствительными ко злу, которымъ надѣлена наша природа, нежели къ благамъ, выпадающимъ на долю людямъ. Эти романтическіе герои смолоду начинаютъ смотрѣть на жизнь съ ироническимъ презрѣніемъ или съ глубокимъ отчаяніемъ; разочарованные во всемъ, еще не успѣвъ даже извѣдать на себѣ несчастья, они приносятъ въ жизненную борьбу способность страдать, но не силу, чтобы укротить свою тоску.

«Еслибъ Гамлету и не явилось страшное видѣніе, открывшее ему преступленіе и взывающее ко мщению, — онъ все равно не былъ бы ни счастливымъ, ни спокойнымъ; и безъ этого онъ почувствовалъ бы; пылкое желаніе отрѣшиться отъ земли и унести въ области высшія, гдѣ сіяетъ болѣе чистый свѣтъ; и безъ того онъ терзался бы неутомными сомнѣніями, которыя смущаютъ его совѣсть и отравляютъ даже любовь его. Неустанная работа мысли, страстные размышленія утомляютъ его больную душу. Удовольствія юности уже не приносятъ ему никакого наслажденія; внѣшній міръ внушаетъ ему одно презрѣніе, одно отвращеніе. Еслибъ и не суждено ему было исполнить тяжелый долгъ, и тогда его карьера была бы коротка и несчастлива.

Тѣнь отца не рѣшаетъ его судьбы, она уже давно была рѣшена; страшный призракъ даетъ лишь новое направленіе его размышленіямъ.

«Просмотримъ первый актъ трагедіи; припомнимъ, какое впечатлѣніе произвело на молодого Гамлета то сверхъестественное видѣніе и до какой степени было поражено его воображеніе. Явленіе тѣни тѣмъ болѣе вѣроятно, что тотъ, кому она явилась, былъ уже подготовленъ вѣрить въ чудеса невидимаго міра, въ который безпрестанно погружаются его взоры. Гамлетъ, удаляющійся отъ общества, ищущій уединенія, бесѣдующій самъ съ собою на таинственномъ языкѣ, повидимому заранѣе готовъ разговаривать съ духами, и когда является ему тѣнь отца, — это лишь воплощеніе его обычныхъ видѣній. Съ той минуты смутная тоска, мучившая его, безпричинное безпокойство, постоянно преслѣдовавшее его, находятъ, наконецъ, реальную пищу. Онъ страдаетъ, не вѣдая тайныхъ мотивовъ своей печали; теперь же онъ знаетъ источникъ своихъ страданій. Отнынѣ имъ овладѣваетъ одна гнетущая мысль, одно сильное впечатлѣніе. Образъ убитаго отца безпрестанно рисуется передъ нимъ. Въ подобномъ положеніи трагической герой древности, напр. Орестъ, легко перешелъ бы отъ мысли къ дѣйствію; разъ преступленіе узнано и обнаружено, онъ тотчасъ же бы покаралъ виновниковъ, и не разсуждая нанесъ бы ударъ Клавдію, а можетъ быть и матери своей. Но Гамлетъ слишкомъ привыкъ размышлять, чтобы поступать такъ опрометчиво. Онъ не поддается сильному гнѣву, онъ размышляетъ о поведеніи, котораго долженъ держаться, а чтобы лучше наблюдать за виновными въ смерти своего отца и не подвергаться риску выдать свою тайну, — онъ притворяется безумнымъ. Въ этомъ состояніи онъ удобнѣе можетъ все слышать и все говорить. Въ то время, какъ окружающіе стараются разгадать причину его безумія и исцѣлить его, — онъ самъ, не переставшій владѣть своимъ разсудкомъ, зорко наблюдаетъ за всѣмъ, что дѣлается вокругъ и собираетъ улики противъ преступниковъ.

«Многіе удивляются, что Шекспиръ придалъ своему герою такую нерѣшительность и слабохарактерность. Я же, напротивъ, восхищаюсь разнообразіемъ характеровъ, которые онъ выводитъ. Изобразивъ множество личностей, увлекаемыхъ бурной страстью, онъ изучаетъ новую сторону человѣческой природы. вмѣсто того, чтобы показать намъ, какъ это часто дѣлали драматурги, чловѣка, поддающагося безъ размышленія первымъ порывамъ своей души, онъ описываетъ тревоги и сомнѣнія безпокойнаго духа, мало расположеннаго къ дѣйствію, болѣе способнаго разсуждать о событіяхъ, нежели управлять ими, побуждаемаго вдобавокъ долгомъ, который онъ не въ состояніи исполнить иначе, какъ совершивъ преступленіе.

«Гамлета слишкомъ много обсуждали съ точки зрѣнія древняго рока. Безъ сомнѣнія, еслибъ принцъ датскій повиновался непреодолимой силѣ, еслибъ онъ принадлежалъ къ проклятому роду, который начался съ преступленія и долженъ кончиться преступленіемъ, онъ болѣе походилъ бы на героя Эсхила; но это уже чловѣкъ другой эпохи и иной религіи. Орестъ наноситъ ударъ безъ

угрызения; онъ смѣло караетъ убійцу своего отца. Но въ глазахъ христіанина, мсть не является въ такой же степени справедливой и необходимой.

«Гамлетъ, въ качествѣ христіанина, естественно долженъ колебаться, прежде чѣмъ убить своего дядю, мужа своей матери, по одному только внушенію исчезнувшаго призрака, который можетъ быть не что иное, какъ плодъ его разстроеннаго воображенія. Непонятно развѣ, почему онъ колеблется? Ему и хотѣлось бы дѣйствовать, да онъ боится. Что, если онъ былъ жертвой иллюзіи чувствъ? Что, если виновные, указанные ему тѣню — въ сущности невинны! Эти сомнѣнія волнуютъ насъ; какъ только сильная нравственная борьба завязывается въ душѣ дѣйствующаго лица драмы, она всегда вызываетъ въ насъ глубокой интересъ. Именно эта нерѣшительность, эта честность Гамлета истинно трагичны. Онъ затягиваетъ положеніе, онъ замедляетъ развязку въ силу своей добродѣтели. Замѣтите, какъ во время безумія опъ внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не выдать себя и чтобы распознать истину, затаившуюся въ сердцахъ виновныхъ. Онъ посвящаетъ этому трудному изслѣдованію всѣ силы своего ума, а такъ какъ его умъ очень проницателенъ, то онъ находитъ почти вѣрное средство, чтобы смутить Клавдія и Королеву.

«Но почему же Гамлетъ не дѣйствуетъ, когда во время представленія актеровъ Клавдій выдаетъ себя? Почему, когда преступленіе уже явно, онъ не наказываетъ виновныхъ тотчасъ же? Надо вспомнить какая отвѣтственность тяготѣетъ надъ его головой и какія угрызения послѣдовали бы за такимъ поступкомъ, еслибъ онъ ошибся! Гамлетъ испытываетъ именно такое точно чувство, какъ присяжные, которые готовятся произнести смертный приговоръ, основываясь на простыхъ подозрѣніяхъ. Если въ этомъ случаѣ всѣ люди колеблются, если самые строгіе и самые твердые боятся нанести ударъ невинному, — что же долженъ испытывать юный принцъ, берущій на себя выполнить приговоръ, произнесенный имъ самимъ, — и вдобавокъ не надъ чужимъ постороннимъ человѣкомъ, а надъ братомъ своего отца, надъ мужемъ своей матери?

«Въ третьемъ дѣйствіи, когда, еще полный гнѣва, который вызвало въ немъ странное смятеніе дяди передъ актерами, онъ застаётъ его одного, погруженнаго въ молитву, и когда онъ могъ бы убить его, онъ не говоритъ намъ въ своемъ монологѣ истинной причины, остановившей его руку. Если онъ еще колеблется — то потому, что его великодушное сердце возмущается кровопролитіемъ, убійствомъ. Если надо было унижить преступника строгими словами, краснорѣчіемъ и горечью упрековъ, — то эта роль была бы ему болѣе подѣ-стать. Онъ, который не сумѣлъ наказать своего дядю, позже наказываетъ свою мать въ патетической сценѣ, гдѣ рисуетъ всѣ добродѣтели своего отца и преступность Клавдія; правда, онъ не возьметъ въ руки кинжала, какъ онъ самъ признается, но онъ растерзаетъ сердце Королевы. Онъ мститъ какъ можетъ, не доходя до рѣшительнаго дѣйствія.

«Слабость его поведенія зависитъ отъ упомянутыхъ выше причинъ; чѣмъ ближе подступаетъ моментъ, тѣмъ больше колеблется его рѣшимость. Онъ

желалъ бы, чтобъ событія пришли къ развязкѣ сами собою, безъ его участія, и это такъ и случается. Въ то время, какъ онъ колеблется, противъ него ведутъ заговоръ; онъ далъ своимъ врагамъ время оправиться, и вмѣсто того, чтобы угрожать, онъ самъ очутился въ опасности. Онъ отдается на произволь судьбы, предоставляетъ року разрѣшить вопросъ; и рокъ его разрѣшаетъ. Дѣйствительно, въ послѣдней сценѣ все возбуждаетъ наше удивленіе, все неожиданно отъ начала до конца. Королева выпиваетъ ядъ, не ей предназначенный; Лаертъ пораженъ шпагой, которую онъ отравилъ въ расчетѣ убить ею своего противника; наконецъ Король, разставившій козни, самъ погибаетъ жертвой своего коварства. Гамлетъ также гибнетъ. Развѣ это не единственная развязка, подходящая къ его характеру? Смерть избавляетъ его отъ всѣхъ сомнѣній. Еслибъ онъ пережилъ свою мать и своего дядю, онъ непременно лишилъ бы себя жизни. Лучше, что онъ умеръ и что смерть его усилила еще болѣе весь трагическій ужасъ положенія, запятнавъ однимъ лишнимъ преступленіемъ память Клавдія.

«Сложный характеръ Гамлета какъ будто принадлежитъ современной жизни. Это мечтатель нашего времени, заброшенный поэтомъ въ героическій вѣкъ, гдѣ только рѣшительное дѣйствіе имѣетъ цѣну и гдѣ онъ остается ниже своей роли, потому что не умѣетъ дѣйствовать. Онъ одаренъ всею чувствительностью романтиковъ. Найдется ли что нибудь меланхоличнѣе въ произведеніяхъ писателей XVIII и XIX вѣка, нежели сцена съ могильщиками и знаменитое восклицаніе: «Увы! бѣдный Іорикъ!» Здѣсь-то настоящій источникъ нѣмецкой и англійской мечтательности. Гамлетъ, по словамъ Гервинуса, открылъ плотину сантиментальному потоку, затопившему насъ въ концѣ истекшаго столѣтія».

«Нигдѣ романтизмъ, а слѣдовательно и трагедіи Шекспира, не произвелъ такого дѣйствія, какъ въ Германіи. Англичанъ предохранилъ отъ неудобствъ меланхоліи ихъ практической духъ; но нѣмцы были въ какомъ-то чаду; они повторяли вмѣстѣ съ поэтомъ: «земля — тюрьма», и предавались безпричинной тоскѣ уединеннаго размышленія, презрѣнію къ дѣятельности, безъ которой не могутъ жить ни отдѣльные люди, ни народы. Нѣтъ ничего опаснѣе для націи такой нравственной вялости. Вотъ почему романтическая школа плохо служила интересамъ германскаго отечества; подъ ея вліяніемъ нѣмцы предпочитали химеры поэзіи мужественной борьбѣ дѣятельной жизни. Давно уже за-рейнскіе политики начали бороться противъ этой тенденціи; до нихъ это уже дѣлалъ Гёте, насмѣхаясь надъ подражателями Вертера; выясняя пустоту сантиментальной литературы, эти политики превосходно успѣли излечить своихъ соотечественниковъ отъ недуга бездѣйствія». (Shakespeare. Ses oeuvres et ses critiques. Par A. Mozières. Ouvrage couronné par l'Académie française. 3 éd. P. 1882).

О характерѣ Полонія приводимъ мнѣніе д-ра **Джонсона**:

«Полоній — человекъ вскормленный при дворѣ, опытный въ дѣлахъ, съ большимъ запасомъ наблюдений, увѣренный въ своемъ искусствѣ, гордый своимъ краснорѣчіемъ, склонный къ слабоумію. Его манера ораторствовать очень талантливо изображена съ цѣлью осмѣять манеру того времени не говорить ничего просто и ясно, а начинать съ длиннѣйшихъ вступлений и выражаться какъ можно запутаннѣе. Эта сторона характера Полонія случайная, все остальное естественно. Это человекъ положительный и самоувѣренный, ибо онъ увѣренъ, что разсудокъ его твердъ и не подозрѣваетъ, что онъ уже начинаетъ слабѣть. Полоній отличается твердостью принциповъ и совершенно теряетъ, когда ему приходится примѣнять ихъ въ частности; онъ свѣдушъ во взглядахъ на прошлое и ничего не можетъ предусмотрѣть. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ полагается на свою память и можетъ выжать что нибудь подходящее изъ своей сокровищницы свѣдѣній, онъ произноситъ вѣскія сентенціи и даетъ полезные совѣты; но какъ умъ въ ослабленномъ состояніи не можетъ быть долго занятымъ и озабоченнымъ, то Полоній подвергается часто неожиданностямъ: когда способности вдругъ оставляютъ его, онъ теряетъ порядокъ и нить своихъ собственныхъ мыслей, запутывается въ нихъ до тѣхъ поръ, пока память не подскажетъ ему основного принципа и пока онъ снова не попадетъ на прежнюю дорогу. Идея о слабоуміи, овладѣвшемъ его разсудкомъ, объясняетъ всѣ странности характера Полонія».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавдій, король датскій.

Гертруда, супруга его.

Гамлетъ, сынъ ея, отъ перваго брака съ братомъ Клавдія.

Полоній, знатный чиновникъ при Дворѣ.

Лаертъ, сынъ его.

Офелія, дочь его.

Гораціо, другъ и соученикъ Гамлета.

Волтимандъ |

Корнелій |

Розенкранцъ } придворные.

Гильденштернъ |

Осрикъ |

Марцелло |

Бернардо } офицеры гвардіи.

Франциско |

Рейнольдо, служитель Полонія.

Фортинбрасъ, принцъ Норвежскій.

Тѣнь отца Гамлетова.

Придворные и придворныя, офицеры, солдаты, актеры.

Послы иорвежскіе, могпыдики, народъ.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ, столицѣ Датскаго королевства.

Представлень въ первый разъ на Императорскомъ Московскомъ театрѣ
22 января 1837 г., въ бенефисъ актера П. С. Мочалова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

Терраса передъ дворцомъ.

ФРАНЦИСКО (на стражѣ), БЕРНАРДО (входитъ).

Берн. Кто здѣсь?

Фран. Стой! Отвѣчай мнѣ: кто идетъ?

Берн. Да здравствуетъ король!

Фран. Бернардо?

Берн. Я.

Фран. Какъ ты пришелъ исправно къ смѣнѣ.

Берн. Полночь било. Ступай и спать, ложись.

Фран. За то спасибо. Холодъ рѣзкій.

Я нездоровъ.

Берн. Спокойно-ль все?

Фран. И мышъ не пробѣжала!

Берн. Хорошо. Ночь добрая!

Когда увидишь Гораціо, Марцелло,

Моихъ товарищей, поторопи ихъ.

(Гораціо и Марцелло входятъ).

Фран. Вотъ, кажется, они. Стой! Кто идетъ?

Гор. Друзья отечества.

Марц. И подданные короля.

Фран. Ну, добра ночь!

Марц. Послушай-ка, товарищъ!

А кто смѣнилъ тебя?

Фран. Бернардо.

Добра ночь!

(Уходитъ.).

Марц. Эй, другъ Бернардо!

Берн. Отвѣчай:

Гораціо?

Гор. Я за него.

Берн. Добро пожаловать, Гораціо, Марцелло!

Гор. Ну, что: являлся ли опять онъ въ эту ночь?

Берн. Я не видалъ здѣсь ничего.

Марц. Гораціо не вѣритъ; говоритъ, что все мечта,

Не вѣритъ ничему, что говорилъ я

Объ этомъ странномъ привидѣннѣ.

Вотъ для чего я пригласилъ его сюда;

Пусть онъ, когда опять мертвецъ придетъ,
Увидитъ самъ и говоритъ съ нимъ.

Гор. Вздоръ! онъ не придетъ!

Берн. Сядемъ, и опять я расскажу,
Чтобы ты понялъ хорошенько и повѣрилъ,
Что мы не бредимъ — видѣли два раза!

Гор. Пожалуй, сядемъ — расскажи, Бернардо.

Берн. Въ послѣднюю изъ этихъ ночь,
Когда вонъ та звѣзда, что тамъ восходитъ,
Стояла здѣсь, гдѣ и теперь, на этой части неба,
Я и Марцелло — полночь било...

(Бьетъ двѣнадцать часовъ).

Марц. Тише, посмотри — вотъ онъ...

(Входитъ тѣнь).

Берн. Онъ самъ — король покойный нашъ!

Марц. Ты ученый, Гораціо — поговори съ нимъ!

Берн. Смотри — ну, не похожъ ли онъ? Вглядись!

Гор. Да, я дрожу отъ удивленія и страха!

Берн. Поговори съ нимъ!

Марц. Говори, Гораціо!

Гор. Кто-бъ ни былъ ты, пришлецъ ночей,

Ты, въ гордой, величавой той осанкѣ,

Какою отличался нашъ король покойный,

Ты, приходящій къ намъ — тебя я заклинаю — говори!

Марц. Онъ оскорбился!

Берн. Онъ уходитъ — посмотри!

Гор. Стой, говори, я заклинаю — стой и говори!

(Тѣнь уходитъ).

Марц. Онъ ушелъ — онъ не хотѣлъ намъ отвѣчать!

Берн. Что съ тобой, Гораціо. Дрожишь ты, блѣдень?

Что выдумка ли привидѣнье, иль мечта?

Что скажешь ты?

Гор. Я не повѣрилъ бы рассказу,

Когда бы въ собственныхъ моихъ глазахъ

Онъ не явился!

Марц. Но похожъ ли онъ на короля?

Гор. Какъ на себяходишь ты. Онъ такъ былъ грозень,

Когда въ доспѣхъ бранномъ, въ битвѣ межъ врагами,

Водилъ къ побѣдѣ, царства покорялъ!

Непостижимо!

Марц. Вотъ уже вторично,

Съ такимъ же грознымъ видомъ онъ явился намъ.

Гор. Что это значить — я не постигаю,

Но — горе предвѣщаетъ намъ мертвецъ!
Марц. Да, не войну ли предвѣщаетъ онъ?
Скажи: къ чему вездѣ разставлены полки,
И пушки льютъ, готовятся запасы,
И корабли поспѣшно созидаютъ,
И день и ночь вездѣ работа?

Гор. Слышно,
Что нашъ король покойный — тѣнь его
Мы видѣли теперь — вы знать должны
Всѣ обстоятельства войны послѣдней,
Когда на гордый вызовъ Фортинбраса,
Норвежскаго властителя, отвѣтомъ
Былъ громъ оружія, и Фортинбрасъ
Палъ въ битвѣ. Предварительнымъ условьемъ было,
Что побѣдитель завладѣетъ царствомъ
Того, кто будетъ побѣжденъ, и нашъ король
Послѣ побѣды взялъ Норвегію себѣ.
Теперь, какъ будто смертью короля
На подвиги и битвы ободренный,
Сынъ Фортинбраса, юный принцъ норвежскій,
Толпу собралъ отважныхъ удалцовъ
И намъ грозить отмщеньемъ и войною.
Вотъ, говорятъ, причина, почему
Нашъ нынѣшній король готовить войско
И поспѣшаетъ заготовить корабли.

Берн. Вотъ это, вѣроятно, и причина,
Зачѣмъ изъ гроба грозный всталъ воитель:
Онъ предвѣщаетъ битвы и войну.

Гор. Но зачѣмъ тревожить насъ явленьемъ?
Когда во славѣ былъ великій Римъ
И Цезарю готовилась кончина,
Ужасныя видѣнья возмущали міръ:
По городамъ бродили мертвецы,
Кометы съ пламеннымъ хвостомъ являлись,
Кровавый капаль дождь, и тмилось солнце,
И звѣзды падали съ небесъ. Ужели
И въ наши дни подобныя явленья
Насъ возмутятъ и, бѣдствія предвѣстья,
Кровавыми дѣлами отзовутся?

(Тѣнь входитъ и идетъ медленно).

Онъ снова! Онъ идетъ! Пусть уничтожить
Онъ меня — я смѣло стану, я спрошу его!
Стой, привидѣнье! Если у тебя есть голосъ,

Когда ты можешь говорить, то говори —

Скажи:

Иль страждущей душѣ твоей поможетъ

Благое дѣло — я готовъ исполнить.

Скажи:

Иль вѣдаешь отчизны гибель

И упредить ее стремишься — говори,

О, говори!

И если ты сокровища зарылъ

И бродишь стражемъ ихъ, пока отважный

Не сыщется и не откроетъ ихъ —

Скажи, скажи мнѣ, отвѣчай!

Марцелло!

Загороди ему дорогу!

Марц. Стой!

Гор. Коли его, когда онъ отвѣчать не хочетъ!

Берн. Стой, стой!

Гор. Сюда, сюда!

Мауц. Ушель!

(Тѣнь уходитъ).

Мы оскорбили царственную тѣнь!

Его величественный прахъ смутился,

И что могли мы сдѣлать — невредимъ

Отъ нашихъ копьевъ и мечей онъ былъ!¹⁾

¹⁾ Эта и слѣдующія цифры указываютъ на соответствующія замѣчанія въ концѣ книги, гдѣ указаны пропуски или измѣненія оригинала, допущенныя Полевымъ. Мы ихъ возстановляемъ по другимъ переводамъ.

Гор. Да, оскорбили мы его безумствомъ.

Но вотъ ужъ вѣтъ утренней прохладой

И небо заалѣло на востокъ.

Друзья! на смѣну къ намъ идутъ

Сюда, и посовѣтуемъ о томъ: не должно-ль

Намъ все сказать Гамлету? Можетъ быть,

Онъ съ сыномъ станетъ говорить,

Ему откроетъ тайну появленья?

А между тѣмъ — храните тайну!

Пусть сокровеннымъ между нами будетъ

Явленье царственного мертвеца.

Марц. Согласны.

Мы тайну сохранимъ, но скажемъ

Объ ней Гамлету — пусть разсудитъ онъ,

Что дѣлать и что думать должно намъ.

Не медлите — я знаю, гдѣ его найдти,
И рассказать о томъ, что насъ тревожить.

ЯВЛЕНИЕ II.

Зала въ королевскомъ дворцѣ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНІЙ, ЛАЕРТЪ, ВОЛТИМАНДЪ,
КОРНЕЛІЙ, ПРИДВОРНЫЕ.

Кор. Сколько намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью, и прилично-бъ было
Предаться скорби объ его потерѣ,
Но благо общее и мудрость ваша
Заставили насъ поступать иначе
И скорбь и радость вмѣстѣ съединить.
Единымъ окомъ проливая слезы,
Другой къ веселью обратили мы:
Обрядъ печальный похоронъ едва свершился,
Какъ мы торжествовали новый бракъ
Съ женою брата, вашей королевой,
Возлюбленной теперь супругой нашей,
И съ нею раздѣляемъ нашу власть
Надъ Датскою великою землею.
Вашъ мудрый мы исполнили совѣтъ —
Примите благодарность нашу и привѣтъ.
Къ другому обратимся мы предъмету.
Извѣстно вамъ, что смѣлый Фортинбрасъ,
Не уважая силы нашей, можетъ быть,
Помысливъ, что кончина брата, короля,
Даетъ ему права быть дерзкимъ,
Прислалъ посольство къ намъ, и смѣетъ
Обратно требовать отца наслѣдство,
Приобрѣтенное войны закономъ. Мы
Собрали васъ и объявляемъ вамъ
На дѣло важное рѣшенъе наше:
Писали мы къ норвежскому владыкѣ,
Младого Фонтинбраса дядѣ, королю,
И требовали, чтобъ его велѣньемъ были
Прекращены всѣ замыслы вражды
И всѣ приготовленья Фортинбраса.
Васъ избираемъ мы, Корнелій, Волтимандъ:
Идите къ старому норвежскому владыкѣ.

Привѣтствіе ему отъ насъ, и если мы
Вамъ не даемъ довѣренности нашей
Окончить дѣло, тѣмъ не меньше будемъ
Надѣяться на мудрость вашу въ дѣлѣ.
Идите и поспѣшностью своей
Намъ докажите вѣрность вашу.

Корн. Смѣемъ
Увѣрить васъ, что долгъ исполнимъ мы
Приложимъ все старанье.

Кор. Вѣримъ,
Идите, и сердечное желаніе успѣха
Сопровождаетъ васъ въ пути и _въ дѣлѣ.

(Корнелій и Волтимандъ уходятъ).

Къ тебѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаертъ.
Мы слышали, что у тебя есть просьба къ намъ.
Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ
Исполнить, доказать тебѣ желая,
Что такъ, какъ голова доступна сердцу
И какъ рука служить готова рту,
Готовы мы исполнить всѣ желанья
Полоніева сына, друга и слуги
Намъ вѣрнаго.

Лаертъ. Позвольте, государь,
Отправиться во Францію мнѣ снова.
Я поспѣшилъ сюда, желая доказать
Усердіе при вашемъ торжествѣ
Восшествія на отческій престоль;
Теперь опять туда стремлюсь желаньемъ.

Кор. Но позволяетъ ли Полоній, твой родитель?

Пол. Онъ надоѣлъ мнѣ, государь, и я охотно
Печать къ его прошенью приложилъ,
То есть, позволилъ, но безъ вашей воли
Ему не ѣхать.

Кор. Если только воля
Моя потребна, я охотно позволяю:
Когда тебѣ угодно, можешь ѣхать,
Лаертъ. — Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!
Гам. (въ сторону) Немного больше брата, меньше сына.

Кор. Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?

Гам. Такъ близко къ солнцу радости — могу ли
Одѣть себя печали облаками, государь!

Кор-ва. Оставь печаль, Гамлетъ нашъ добрый. Обрати

Взоръ дружескій на короля. Зачѣмъ
Ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь
Во прахѣ твоего покойнаго отца!

Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирать.

Гам. Да, королева всѣмъ живущимъ умирать —
Таковъ нашъ жребій!

Кор-ва. Если такъ,
Зачѣмъ же смерть отца тебя печалить,
Какъ будто тѣмъ законъ природы измѣненъ?
Такъ кажется, смотря на грусть твою.

Гам. Не кажется, но точно такъ я мыслю.

Ни черная одежда и ни вздохи,
Ни слезы и ни грусть, ни скорбь,
Ничто ни выразить души смятенной чувствъ,
Какими горестно терзаюсь я — простите!

Кор. Мы видимъ доброе, Гамлетъ, въ твоей печали
И нѣжное въ любви сыновней сердце,
Но время есть всему — печали также время,
И безразсудство, грѣхъ великій даже,
Противъ судьбы роптанье, непокорство,
Хула противъ природы вѣчнаго закона,
Когда печаль продолжимъ мы и будемъ
Вѣкъ плакать объ умершихъ! Отложи
Печаль свою. Во мнѣ отца ты видишь,
Наслѣдникъ нашъ и нѣжный сынъ! Увѣрься,
Что мы любовью замѣнимъ тебѣ потерю.

Но на желаніе отъѣзда въ чуждый край,
Для продолженія наукъ, мы несогласны;
Останься съ нами, будь утѣхой намъ,
Гамлетъ, нашъ добрый братъ и сынъ нашъ добрый!

Кор-ва. Не тщетны будутъ просьбы матери, надѣюсь,
Ты согласишься здѣсь, Гамлетъ, остаться?

Гам. Во всемъ повиноваться вамъ — мой долгъ!

Кор. Такой отвѣтъ мнѣ сердце веселить.
Будь равенъ намъ, развеселись, утѣшься!
Твое согласіе остаться съ вами
Наполнило мнѣ радостью всѣ чувства,
И я хочу, чтобы въ весельи сердца,
При пирѣ нынѣшнимъ, задравный кубокъ
Пальбою пушечной сопровождаемъ былъ
За каждое здоровье! Громко будетъ
Возвѣщена утѣха наша свѣту,
И громъ земли подъ небесами грянетъ!

Добрый другъ — вотъ имя общее тебѣ и мнѣ.
Но что-жъ, зачѣмъ вы здѣсь, Гораціо, Марцелло?

Марц. Принцъ...

Гам. Радъ васъ видѣть — этому повѣрьте;
Но зачѣмъ вы бросили ученье, говорите?

Гор. Отъ лѣности, мой добрый принцъ.

Гам. Неправда —
Этого и врагъ твой о тебѣ не скажетъ:

Я знаю, ты лѣниться не охотникъ, Гораціо.

Нѣтъ, что нибудь другое васъ влекло сюда...

Или вы пьянствовать хотите научиться здѣсь?

Пожалуй, мы научимъ васъ — и скоро!

Гор. Принцъ! я хотѣлъ отдать послѣдній долгъ: пріѣхалъ
На погребенье вашего отца.

Гам. Не смѣйся

Надо мной, товарищъ — говори: спѣшилъ пріѣхать
На свадьбу вашей матери.

Гор. Да; правда, принцъ,
Одно послѣ другого не замедлило.

Гам. Такъ что-жъ?
Хозяйственное здѣсь распоряженье было:

Отъ похоронъ осталось много блюдъ,

Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили съѣсть...

О еслибъ въ адъ велѣли мнѣ идти,

Къ врагу лютейшему, все легче бы мнѣ было,

Чѣмъ видѣть этотъ день проклятый!.. Другъ!

Мнѣ кажется, еще отца я вижу...

Гор. Гдѣ,

Принцъ?

Гам. Въ очахъ души моей, Гораціо!

Гор. Я зналъ

Его, видалъ — король великій былъ онъ.

Гам. Человѣкъ онъ былъ... Изъ всѣхъ людей,

Мнѣ не видать уже такого человѣка!

Гор. Мнѣ кажется, его я видѣлъ въ эту ночь.

Гам. Видѣлъ? Кого?

Гор. Мой принцъ!

Я видѣлъ короля, родителя Гамлетова.

Гам. Отца моего видѣлъ?

Гор. Нетерпѣнье

Утишите, принцъ, я чудо расскажу я вамъ,

И вотъ они свидѣтелями будутъ.

Гам. О ради Бога, говори!

Гор. Вотъ, по двѣ ночи,
Бернардо и Марцель, на стражѣ стоя,
Въ завѣтный часъ полуночи, видали: кто-то,
На вашего родителя похожій, съ ногъ до головы
Вооруженный, по три раза каждой ночью,
Торжественно и тихо, величавый,
На разстояніи копья, не дальше,
Шель мимо нихъ. Они, въ испугѣ,
Облитые холоднымъ потомъ, рѣчь
Начать не смѣли, трепеща отъ страха.
Они открыли тайну мнѣ, и въ третью ночь
Я съ ними былъ на стражѣ. Въ часъ завѣтный,
И въ томъ же видѣ, какъ являлось прежде,
Явилось привидѣнье — я его узналъ:
То былъ родитель вашъ, и сходство
Разительное было между нимъ и тѣнью.
Гам. Гдѣ это было?

Мар. На террасѣ, гдѣ мы стражу держимъ.

Гам. Онъ съ вами говорилъ?

Гор. Нѣтъ, принцъ, ни слова.

Я рѣчь къ нему осмѣлился начать,
И онъ хотѣлъ какъ будто говорить,
Но утра часъ мгновенно наступилъ
И смутное исчезло привидѣнье.

Гам. Странно!

Гор. Но въ вѣрности разказа я ручаюсь,
И долгомъ мы доставили донестъ
Вамъ, принцъ.

Гам. Благодарю, благодарю, друзья,
Но я встревоженъ вѣстью вашей... Нынѣ
Вы будете-ль на стражѣ?

Встѣ. Будемъ, принцъ.

Гам. Онъ былъ вооруженъ?

Встѣ. Да, принцъ.

Гам. Вполнѣ?

Встѣ. Отъ головы до ногъ.

Гам. Но видно-ль было
Вамъ привидѣнія лицо?

Гор. Наличникъ шлема
Былъ поднять и мы видѣли его.

Гам. Онъ былъ угрюмъ?

Гор. Печалень больше, а не гнѣвень.

Гам. И блѣдень?

Гор. Страшно блѣдень!
Гам. Пристально-ль смотрѣль
На васъ онъ?
Гор. Очень пристально.
Гам. Зачѣмъ
Я не былъ съ вами!
Гор. Вы-бѣ изумились, принцъ!
Гам. Да, да, но долго-ль былъ онъ съ вами?
Гор. Врядъ ли сотню
Успѣешь насчитать, считая тихо.
Мар. и Бер. Дольше!
Гор. По крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ,
Когда я былъ — не дольше.
Гам. Въ эту ночь
На стражѣ съ вами самъ я стану. Можетъ быть,
Онъ вновь придетъ...
Гор. Повѣрьте, принцъ, придетъ.
Гам. И если я увижу образъ
Почтенный, родителя мнѣ драгоценный видъ,
Я стану говорить съ нимъ — хоть бы адъ,
Разверзнувъ челюсти, мнѣ воспрещалъ! Прошу васъ,
Когда вы скрыли тайну привидѣнья,
Хранить ее, хранить свое молчанье,
И что бы ни случилось въ эту ночь
Вамъ видѣть — языку не вѣрить ничего!
Любовь моя васъ наградить. Простите!
Мы тамъ, на мѣстѣ, свидимся опять,
Между двѣнадцати: часовъ и полуночи
Мы свидимся!
Встѣ. Почтенье наше, принцъ!
Гам. И дружба вамъ моя! Прощайте!

(Они уходятъ).

Тѣнь моего отца — въ оружіи! — Бѣдами
Грозитъ она — открытіемъ злодѣйства...
О еслибъ поскорѣе ночь настала!
До тѣхъ поръ — спи, моя душа!
Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
И если ты его землей закроешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и явится на свѣтъ!

(Уходитъ).

ЛАЕРТЬ И ОФЕЛИЯ (входят).

Лаертъ. Ужъ все мое на кораблѣ. — Прощай,
Сестра! Попутный вѣтъ вѣтеръ
И путь мой будетъ недалекъ. Смотри же,
Не полѣнись писать мнѣ!

Офел. Буду.

Лаертъ. А о Гамлетѣ и его любви
Забудь. Повѣрь, что это все мечта,
Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
Который пропадетъ, какъ тѣнь —
Не болѣе.

Офел. Не болѣе?

Лаертъ. Повѣрь же брату ²).

Не спорю, что Гамлетъ, быть можетъ,
Одушевленъ къ тебѣ любовью чистой,
Но онъ не властенъ въ жребіи своемъ,
Онъ долженъ жертвовать собой отчизнѣ
И ты ему подругой быть не можешь.
Подумай, что-жъ тебѣ въ его любовной пѣснѣ,
Въ мечтѣ опасной? Если чувство сердца
Ты дашь замѣтить принцу, кто порука,
Что онъ не увлечетъ тебя въ погибель?
Свѣтъ такъ безсмысленъ, люди такъ коварны...
И если клевета найдетъ причину,
Злословіе тебя погубить. Вѣрь,
Что опасенъ лучшая преграда
Отъ пылкой страсти и злорѣчья свѣта.

Офел. Совѣтъ хорошъ, я вѣрю, но, любезный братъ
Скажи: ты неходишь ли на тѣхъ,
Кто любить путь указывать къ добру,
А самъ идетъ дорогою окольной?

Лаертъ. Нѣтъ! вѣрь усердью брата и его любви!
Но вотъ идетъ отецъ нашъ. Мой родитель!
Мы съ вами ужъ простились, но случайно
Опять встрѣчаемся.

Пол. Да, что-жъ ты медлишь?

Попутный дуетъ вѣтеръ — добрый путь!
Ну, кстати я тебя еще благословлю
И вновь тебѣ благіе дамъ совѣты —
Запечатлѣй ихъ въ памяти, Лаертъ!
Не все то говори, что знаешь;
Подумай прежде, а потомъ исполни;

Будь ласковъ, но дружись подумавъ;
Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣрайся въ дружбѣ;
Не ссорься, а поссорившись, будь твердъ;
Все слушай, да не все болтай что слышишь;
Всѣхъ мнѣнія узнать старайся,
Но самъ соображай что думать должно;
Не будь скупцомъ, но не мотай безъ толку;
По платью насъ встрѣчаютъ, потому
Въ одеждѣ не показывайся скрягой,
Но роскоши остерегайся также;
Самъ не проси въ займы и не давай другимъ:
Ссудить, занять — повѣрь, то и другое
Ведетъ къ разрыву дружбы ³⁾. Вотъ
Что я хотѣлъ тебѣ сказать. Довольно!
Ну, Богъ тебя благослови, мой сынъ!
Лаертъ. Простите, мой почтеннѣйшій родитель!
Пол. Тебя вѣдь ждутъ — что медлить? Съ Богомъ!
Лаертъ. Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ!
Офел. Я заперла его на сердцѣ — ключъ
Возьми съ собой, *Лаертъ*.
Лаертъ. Простите!

(Уходитъ).

Пол. Какой совѣтъ, Офелія? Что это значитъ?
Офел. О принцѣ мнѣ Гамлетъ говорилъ онъ.
Пол. Кстати!
Вотъ слышалъ я, что будто бы Гамлетъ
Съ тобою ласковъ, и что будто ты сама
Съ нимъ что-то ласкова? Послушай:
Когда все это правда — знаешь —
Я, какъ отецъ и честный человѣкъ,
Скажу тебѣ... Признайся откровенно,
Что поводъ подаетъ къ такимъ рѣчамъ?
Офел. Не знаю, мой родитель. Принцъ
Мнѣ говорилъ, что онъ.... что онъ....
Ко мнѣ питаетъ чувство уваженья....
Пол. Ужъ эти уваженья мнѣ.... И ты могла,
Какъ глупая дѣвчонка, вѣрить вздорамъ?
Офел. Что думать мнѣ — сама не знаю я.
Пол. Такъ я тебѣ скажу, что ты глупа,
И за наличную берешь монету
Слова пустыя. Уваженья! Можетъ быть,
Ты уменьшаешь смыслъ... Пожалуй —

Онъ скажетъ, что влюбленъ, что любить,
Что обожаетъ, что не можетъ жить!
Офел. Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ...
Пол. Такъ что-жъ еще? Да, какъ же говоришь?
Поди — ты безтолковая дѣвчонка!
Офел. Онъ клялся мнѣ въ любви своей.
Пол. Вотъ-на!
Ну, принцъ Гамлетъ, ты ловко ловишь дичь!
Положимъ, если онъ и точно любить,
И страстью увлеченъ къ тебѣ, мой другъ,
Такъ это просто — свѣтитъ, да не грѣтъ,
И не огонь, а молнія и — только!
Впередъ старайся съ нимъ не говорить,
А особливо о любви и потихоньку.
Принцъ молодъ, и ему, какъ принцу,
Простительно — тебѣ, *Офелія*, никакъ!
И коротко, да ясно: ничему не вѣрь!
Знай: этотъ молодой народъ обманщикъ,
Прикинется такимъ, что будто чудо....
А въ самомъ дѣлѣ.... Ты не понимаешь,
Но я тебѣ однажды навсегда —
Ни говорить самой, ни слушать рѣчи принца
Объ этакихъ вещахъ не позволяю — слышишь?
Прошу припомнить и не забывать!
Офел. Всегда
Повиноваться вамъ мой первый долгъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Декорація перваго явленія.

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО, МАРЦЕЛЛО.

Гам. Какъ холодно! какой же рѣзкій вѣтеръ!
Гор. Да, холодно и вѣтръ пронзительный.
Гам. А часъ который?
Гор. Полночь скоро.
Марц. Полночь било.
Гор. А, такъ скоро часъ настанетъ,
Когда мертвецъ сюда приходитъ.

(Отдаленные звуки трубъ).

Что это такое?

Гам. Что? Веселый пиръ
Великаго властителя, и каждый разъ,
Какъ онъ стаканъ вина подноситъ ко рту,
Звукъ трубный возвѣщаетъ свѣту подвигъ
Героя-короля.

Гор. Таковъ обычай.

Гам. И не спорю ⁴⁾,
Да, зачѣмъ не кинуть намъ такой дурной обычай?
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ.
Пусть онъ ошибка, пусть привычка будетъ,
Зачѣмъ безславить намъ себя
И малаго пятна не постараться смыть,
Чтобы оно намъ чести не губило?
Гор. Смотрите, принцъ — вотъ онъ идетъ!

(Входитъ тѣнь).

Гам. О защитите насъ, святые духи неба!
Тѣнь праведная, иль мертвецъ проклятый,
Несешь ли ты намъ счастье или гибель,
Дыханье неба или адскій смрадъ!
Ты намъ предсталъ въ такомъ великомъ видѣ —
Я долженъ говорить тебѣ — отвѣтствуй,
Гамлетъ, король мой — мой отецъ!
Не дай погибнуть мнѣ въ незнаніи — скажи,
Зачѣмъ твои воздвиглись кости изъ гробницы?
Зачѣмъ ты разорвалъ свой саванъ гробовой?
Ты, трупъ безъ жизни, вновь въ стальной бронѣ,
Здѣсь бродишь въ мѣсячномъ сіяньи,
Стращаешь насъ, безумцевъ, и тревожишь
Такими мыслями, что бѣдный разумъ
Невольникомъ становится безумства!
Зачѣмъ ты здѣсь? Скажи, что дѣлать намъ?
Гор. Принцъ! онъ васъ манить, онъ васъ зоветъ,
Какъ будто тайну хочетъ вамъ открыть
Наединѣ...

Марц. Смотри, какъ дружески и тихо
Онъ васъ зоветъ съ собой — но, ради Бога,
Принцъ! не ходите!

Гор. Не ходите, принцъ!

Гам. Онъ здѣсь не говоритъ и я иду за нимъ!

Гор. Нѣтъ, принцъ!

Гам. Чего бояться?

Мнѣ жизнь моя ничтожна, а душѣ,
Что сдѣлать можетъ онъ душѣ безсмертной?

Смотрите — онъ зоветъ — иду, иду!
Гор. А если онъ васъ заведетъ въ пучину моря,
Иль на скалу, что тамъ стоитъ
На берегу морскомъ, склонясь на волны,
И въ страшномъ видѣ тамъ предстанетъ онъ,
И разумъ вашъ безумствомъ замѣнить?
Ужасень видъ одинъ ревущихъ волнъ
Подъ дикою скалой утеса...
Гам. Снова манитъ онъ — иди, я слѣдую — иду!
Марц. Вы не пойдете, принцъ!
Гам. Прочь отъ меня!
Гор. Опомнитесь!
Гам. Судьба зоветъ меня,
И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость
Могучихъ львиныхъ силъ — онъ вновь зоветъ!
Прочь отъ меня, прочь — я клянусь вамъ небомъ,
Что будетъ мертвецомъ, кто смѣетъ
Остановить меня — клянусь — иди, я слѣдую... иду!

(Онъ идетъ за тѣнью).

Гор. Онъ помѣшался, обезумѣлъ онъ!
Марц. Пойдемъ за нимъ — намъ долгъ велитъ идти!
Гор. Пойдемъ! Но что послѣдуетъ за тѣмъ!
Марц. Я бѣдствія отечества предвижу!
Гор. Да сохранить насъ небо!
Марц. Поспѣшимъ.
(Они уходятъ).

ТѢНЬ, ГАМЛЕТЪ (слѣдуетъ за нею).

Гам. Куда ведешь ты? Говори! Я далѣе неиду!
Тѣнь. Внимай мнѣ?
Гам. Говори!
Тѣнь. Ужъ скоро часъ ударить,
Когда мнѣ должно возвратиться въ тѣ мѣста,
При имени которыхъ грѣшникъ содрогнется.
Гам. Увы! отецъ мой!
Тѣнь. Не жалѣй о мнѣ — внимай, что буду
Я говорить — внимай!
Гам. Вниманье долгъ мой!
Тѣнь. И мщенье за меня твой неизмѣнный долгъ!
Гам. Что слышу?

Тьнь. Голосъ твоего отца,
Сужденнаго бродить во тьмѣ ночной,
И мучиться, пока грѣхи мои сторгятъ
Средь пламени терзаній адскихъ.
О еслибъ могъ я рассказать тебѣ —
Отъ одного бы слова кровь твоя застыла,
И очи выпали бы со слезами,
И каждый волосъ на главѣ твоей сталъ дыбомъ!
Но вѣчное молчанье печатлѣетъ мнѣ уста...

Гам. О небо!

Тьнь. Отмсти же смерть мою — убійство!

Гам. Какъ? Убійство!

Тьнь. Да, безчеловѣчное, свирѣпое убійство,
Злодѣйство безъ числа, и мѣры и предѣловъ!

Гам. Скажи мнѣ — будто мысль, иль помыслы любви,
Я полечу къ отмщенью!

Тьнь. Ты готовъ,
И еслибъ ты подобенъ былъ травѣ изгнившей,
Ты долженъ быть готовъ! Внимай мнѣ, сынъ мой:
Распространили слухъ, что сонный я
Ужаленъ былъ змѣею ядовитой.
Такъ говорили, но узнай, мой юный сынъ,
Что змѣй, ужалившій меня и погубившій,
Теперь вѣнецъ мой носить!

Гам. Дядя мой!

О ты, души моей предчувствіе сбылось!

Тьнь. Чудовище разврата и порока
Волшебствомъ разума и лестью нѣги
Умѣлъ прельстить мою супругу, королеву,
Гамлетъ! ты понялъ ли позоръ и стыдъ мой?

Она поверглась въ пропасти разврата
И обольститель восторжествовалъ ⁵⁾!
Но, слышу, вѣетъ утренней прохладой —
Мнѣ должно сократить рассказъ — въ саду
Я отдыхалъ, и съ чашей яда онъ подкрался,
И сонному мнѣ въ ухо влилъ ужасный ядъ,
Ядъ, отъ котораго кровь стынетъ
И тѣло падаетъ согнившимъ трупомъ.

И въ мигъ одинъ рукою брата
Я былъ лишень супруги, и вѣнца, и жизни,
Погибъ во тьмѣ грѣха, безъ покаянья!
О, ужась, ужась, ужась! Позабудь природы голосъ,

Избавь позора честь мою и тронъ!
Страшись вознестъ на матеръ руку,
Оставь ее терзаньямъ горести и скорби —
Отмсти убійцѣ!.. Червь свѣтящій меркнетъ
И утра часть мнѣ тяжкій возвѣщаетъ...
Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(Исчезаетъ).

Гам. (одинъ). О небо! И земля! И что еще?
Или и самый адъ призвать я долженъ?
Не бейся, сердце, и не старѣй, тѣло,
И укрѣпитесь въ новыхъ силахъ!
Помнить о тебѣ... Отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помнить о тебѣ... Да, я изглажу
Изъ памяти моей все что я помнилъ,
Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья, и ничто во вѣки
Не съединится съ ними! Небо и земля!
О мать моя! Чудовище порока...
Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:
„Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть!“
И что еще? Я запишу его слова:
„Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“
Клянусь — я помню!

Гор. (за сценою). Принцъ, принцъ!

Марц. (за сценою). Гдѣ принцъ Гамлетъ!

Гор. (за сценою). Храни насъ небо!

Гам. Да, я помню!

Марц. Принцъ! гдѣ, гдѣ вы?

Гам. Здѣсь, малютка, здѣсь! Сюда, сюда, я здѣсь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Марц. Что съ вами, принцъ?

Гор. Что новаго? Скажите!

Гам. О! чудеса!

Гор. Скажите, принцъ, скажите!

Гам. Нѣтъ!

Ты всѣмъ расскажешь!

Гор. Нѣтъ! Клянемся!

Гам. Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?
Ты все откроешь!
Гор. и Мариц. Нѣтъ! клянемся небоиъ!
Гам. Такъ знайте-жь: въ Даніи бездѣльникъ каждый
Есть въ то же время плутъ негодный. Да!
Гор. Намъ эту новость рассказать
Не стоило вставать изъ гроба...
Гам. Истинная правда, да, и потому что правда,
Давайте руки и разстанемся друзьями!
Идите вы, куда влекутъ желанья и дѣла —
У всякаго есть дѣло, есть желанье —
А я пойду, куда велитъ мой жалкій жребій,
Пойду — молиться...
Гор. Принцъ! что за слова
Разстройства и смущенья!
Гам. Жаль мнѣ, очень жаль,
Что оскорбляю васъ словами — право, жаль!
Гор. Тутъ оскорбленья нѣтъ.
Гам. Нѣтъ, есть, Гораціо,
И оскорбленіе большое! А объ этой тѣни
Я вамъ скажу, что тѣнь почтенная, повѣрьте!
О томъ же, что желали бы вы знать,
Что между нами было — постарайтесь
Какъ можно укротить желанье ваше!
Теперь, друзья мои, товарищи, позвольте
Къ вамъ маленькую просьбу...
Гор. Говорите, принцъ!
Гам. Ни слова никому, что было въ эту ночь!
Гор. и Мариц. Принцъ! никому!
Гам. Клянись!
Гор. За себя,
Клянусь!
Мариц. Я за себя, клянусь!
Гам. Нѣтъ! клятву на мечѣ моемъ!
Мариц. Мы вамъ клялись!
Гам. Что нужды! На мечѣ!
Тѣнь (подъ землею). Клянись!
Гам. А! онъ здѣсь, пріятель, здѣсь — что-жь? Выходи!
Вы слышали его: „Клянись“?
Гор. Повторяемъ клятву!
Гам. Никогда не говорить, что было здѣсь —
Мечемъ моимъ, мечемъ клянетесь ли?
Тѣнь (подъ землею). Клянись!

Гам. Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто —
Сюда, друзья!
Кладите руки ваши здѣсь, на мечъ мой,
Мечемъ моимъ клянитесь,
Никогда не говорить, что было здѣсь!
Тѣнь (подъ землею). Мечемъ его клянитесь!
Гам. Хорошо, подземный кротъ, ты роешь славно
И подъ землею такъ и бѣгаешь! Сюда,
Подальше отъ него, друзья, сюда!
Гор. Клянусь — невѣдомое чудо совершилось!
Гам. И постарайтесь, чтобъ оно невѣдомо осталось!
Гораціо, есть многое и на землѣ и въ небѣ,
О чемъ мечтать не смѣетъ наша мудрость!
Къ дѣлу!
И здѣсь, и тамъ, всегда, да будетъ Богъ свидѣтель,
Какъ странны ни казались бы мои поступки —
Быть можетъ, вздумается мнѣ, съ чего нибудъ,
Прикинуться безумцемъ —
Вы, что-бъ ни дѣлалъ я, вы никогда
Не сложите вотъ этакъ рукъ, и головою
Не покачаете вотъ такъ, и слова
Двусмысленнаго не произнесете — на примѣръ:
„Да, да, мы знаемъ," или „мы могли-бъ, когда хотѣли,"
Иль — „еслибъ говорить," иль — „можно бы узнать"...
Словомъ — ни одно и никакое слово,
И никакой намекъ, что вамъ извѣстно что нибудъ —
Клянитесь мнѣ — и сохрани васъ Боже
Нарушить клятву мнѣ!
Тѣнь (подъ землею). Клянитесь!
Гам. О успокойся, страждущая тѣнь! — Друзья!
Со всей любовью остаюсь я къ вамъ,
И какъ Гамлетъ ни бѣденъ жребіемъ своимъ,
Онъ дружбу и любовь свою докажетъ вамъ,
При Божьей помощи. Пойдемте вмѣстѣ,
И палецъ на губы и навсегда, прошу васъ!
Событіе внѣ всякаго другаго! Преступленье
Проклятое! Зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!
Но — въ путь, друзья мои! Пойдемте вмѣстѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворецъ.

ПОЛОНІЙ И РЕЙНОЛЬДО.

Пол. Ну, понялъ ли? Вотъ деньги и бумаги.

Рейн. Исполню твой приказъ.

Пол. Но прежде,
Какъ говорилъ я, подъ рукой развѣдать
Ты долженъ обо всемъ — ну, понимаешь?

Рейн. Да.

Пол. Люблю, какъ понимаютъ. Вотъ ты и начни
Издалика: кто земляки твои?

Какъ поживаютъ и что дѣлаютъ въ Парижѣ?

Гдѣ кто живетъ? съ кѣмъ водится?

А тамъ, какъ будто не нарочно,

И объ Лаертѣ, но искусно, поведешь ты слово.

Сперва скажи, что ты его не знаешь вовсе,

Или вотъ такъ: „Отца его я знаю,

Такъ, немного, и родню немного" — понимаешь?

Рейн. Да.

Пол. „Ну, и его немного", а потомъ:

„Не тотъ ли это, шалунъ, такой, сякой" —

И можешь многое сказать — лишь не дурное,

Боже сохрани — нѣтъ, нѣтъ, а знаешь,

Всякій вздоръ, что молодежи не грѣшно

И извинительно... Вотъ, вотъ...

Рейн. Ну, карты, напимѣръ?

Пол. Пожалуй — карты, вино, драчливость, ссоры,
Волокитство...

Рейн. Да не пороки-ль это?

Пол. Пороки! Все зависитъ отъ того,

Какъ станешь говорить. Не называя прямо,

Что онъ игрокъ, буянъ, представь его

На волѣ юношей, съ горячей кровью

И съ вольной головой... Тутъ надо такъ, искусно...

Ужъли не понимаешь?

Рейн. Но къ чему же это?

Пол. То есть, къ чему все это поведетъ?

Рейн. Да, я хотѣлъ бы

Знать ваши мысли.

Пол. А вотъ видишь,

Какой тутъ планъ — онъ, кажется, не дурень.

Хитеръ довольно! Вотъ, когда ты набросаешь

Твои намеки, примѣчай прилежно,
Что скажетъ, съ кѣмъ ты говоришь,
И будь увѣренъ, если только мало-мало
Есть основаніе всему, что ты сказалъ,
Твой собесѣдникъ такъ заговорить:
„Да, милостивый государь“, или „Да, другъ“, или
„Да, господинъ честной"... то есть, смотря,
Какъ говорится тамъ у нихъ...

Рейн. Положимъ,
Что говорится какъ нибудъ — онъ скажетъ...

Пол. Да, онъ скажетъ... скажетъ... Что бишь?
О чемъ шла рѣчь? Ты съ толку сбиль меня!
Я что-то говорилъ...

Рейн. Да, „онъ заговорить“,
Сказали вы...

Пол. Ну, да! Вотъ онъ заговорить:
„Я видѣлъ точно, этотъ господинъ
Вчера былъ тамъ, сегодня былъ онъ здѣсь;
Онъ здѣсь былъ хмѣлень — тамъ онъ проигрался —
Тамъ онъ подрался — тамъ онъ былъ"... Ты видишь,
Что твои намекъ былъ удочкой, и ты
Успѣешь правду поймать на эту уду!
Такъ, милый мой, мудрецъ и ловкій человѣкъ,
Сторонкой, да обходомъ, да уловкой,
Идти умѣеть прямо къ вѣрной цѣли,
И такъ поступишь ты и въ этомъ дѣлѣ
И правду мнѣ развѣдаешь объ сынѣ.
Понятно ли?

Рейн. Понятно.

Пол. Хорошо!
Путь добрый! Отправляйся съ Богомъ въ путь!

Рейн. Прощенья просимъ!

Пол. Между тѣмъ ты не забудешь
И самъ замѣтить?

Рейн. Да, конечно.

Пол. Между тѣмъ
Ему замѣтить не давай!

Рейн. Мое почтенье!

(Уходитъ).

Пол. Съ Богомъ!

(Входитъ Офелія).

Ну что, Офелія? Что новаго?

Офел. Ахъ! Боже мой! я вся дрожу отъ страха!

Пол. Что, что такое сдѣлалось? Скажи скорѣе!

Офел. Я въ комнатѣ своей сидѣла за шитьемъ,
Вдругъ принцъ Гамлетъ вошелъ ко мнѣ,
Безъ шляпы, весь растрепанъ, блѣденъ,
Дрожитъ, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
Какъ будто адскую узналъ онъ тайну...

Пол. Рехнулся отъ любви къ тебѣ?

Офел. Не знаю,

Но, кажется, онъ помѣшался.

Пол. Что такое

Онъ говорилъ?

Офел. Онъ за руку схватилъ меня
И крѣпко руку мнѣ пожалъ; другой рукой
Закрылъ глаза, вотъ такъ — и долго
Смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ
Такъ тяжело, будто съ этимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улетѣть. Потомъ
Онъ покачалъ три раза головой
И вонъ пошелъ, но не спуская глазъ съ меня,
Не думая куда идетъ.

Пол. Довольно,

Скорѣе къ королю. Безумство это —

Любовное безумство, понимаю!

Любовь всего скорѣй съ ума насъ сводить.

Жаль, очень жаль мнѣ принца! Вѣрно,

Ты грубо отвѣчала на его любовь?

Офел. Нѣтъ, только слѣдуя приказу,

Я писемъ отъ него не принимала больше

И запретила видѣться со мной.

Пол. Вотъ онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ жаль,

Что поступилъ я слишкомъ скоро, строго!

Да вѣдь я думалъ, что онъ шутить! Могъ ли

Предвидѣть слѣдствія... поторопился — глупо!

Все недовѣрчивость проклятая причиной —

Мы, старики, упрямы. Поспѣшимъ

Скорѣе къ королю и все расскажемъ.

Его не столько оскорбитъ любовь Гамлета,

Какъ то, когда мы истины не скажемъ.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Королевскій дворецъ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ,
ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Кор. И не могли вы ловкимъ разговоромъ
Узнать причину страннаго разстройства,
И что такое мирный умъ его
Повергло въ тяжкое, опасное безумье?

Розен. Онъ въ помѣшательствѣ своемъ сознался намъ,
Но не хотѣлъ сказать его причины.

Гильд. И намъ безвѣстною его осталась тайна.
Когда мы начинали рѣчь о томъ,
Онъ ловко такъ умѣлъ свернуть
Дурачество за глупость...

Кор-ва. Но пріемъ вашъ?

Розен. Былъ дружескій и ласковый пріемъ.

Гильд. Но что-то принужденное въ поступкахъ...

Розен. Скупъ на вопросы самъ, но ловко
Опъ отбивалъ вопросы наши.

Кор-ва. Вы успѣли-ль
Уговорить его развлечься?

Розен. Королева! намъ попались на пути
Актеры; мы ему о томъ сказали,
И, кажется, онъ очень былъ доволенъ
Пріѣздомъ ихъ. Они здѣсь во дворцѣ,
И получили, если я не ошибаюсь,
Приказъ представить вамъ комедію сегодня.

Пол. Точно такъ, и принцъ мнѣ поручилъ
Просить васъ удостоить посѣщеньемъ.

Кор. Я охотно буду. Очень радъ,
Что хоть на это есть еще его желанье.
Господа! прошу васъ постараться
Усилить склонность въ немъ къ такой забавѣ.

Розен. Исполнить постараемся.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Кор. Теперь, Гертруда,
Оставь насъ. Мы Гамлета приведемъ сюда
И будто случаемъ Офелію онъ встрѣтитъ.
Ея отецъ и я (обманъ позволенъ

Для добра) здѣсь спрячемся, и оба
Невидимые постараемся замѣтить
И разсудить потомъ по разговору —
Любовь ли къ ней его свела съ ума,
Иль что другое!

Кор-ва. Повинуюсь вамъ,
И, какъ бы я, Офелія, желала,
Чтобъ красота твоя была причиной
Гамлетова безумства! Я надѣюсь,
Что качества души твоей прекрасной
Его легко тогда бы навели на умъ
Взаимнымъ счастьемъ.

Офел. Еслибъ я могла...

(Королева уходитъ).

Пол. Офелія! ты какъ будто бы гуляешь здѣсь...

А если вашему величеству угодно
Укрыться здѣсь... Ты будто съ книгой,
И это будто бы причина
Твоей прогулки... Что ни говори,
А вещь рѣшенная, что съ постной рожей,
Прикинувшись смиреннымъ, даже чорта
Обманешь...

Кор. (въ сторону). О какая правда!
И какъ рѣчь его
Мою терзаетъ совѣсть! Женщины развратной
Лицо, покрытое поддѣльной краской,
Не столь ужасно, какъ мои дѣянья,
Прикрытыя цвѣтистыми словами!
О, бремя тяжкое!

Пол. Идетъ! Король! угодно-ль,
Здѣсь мы укроемся — пожалуйста — сюда...

(Они скрываются. Офелія въ сторонѣ).

Гам. (входитъ). Быть или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ!

Что доблестнѣе для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться противъ моря золь
И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
Умереть — уснуть, не больше, и окончить сномъ
Страданья сердца, тысячи мученій —
Наслѣдство тѣла: какъ не пожелать
Такого окончанья!... Умереть, уснуть...
Уснуть — быть можетъ, грезить? Вотъ и затрудненье!
Да, въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья

Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
Вотъ остановка, вотъ для чего хотимъ мы
Влачиться лучше въ долгой жизни...
И кто бы перенесъ обиды, злобу свѣта,
Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,
Любви отверженной тоску, тщету законовъ,
Судей безстыдство, и презрѣнье это
Заслуги терпѣливой за дѣянья чести,
Когда покоемъ подарить насъ можетъ
Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго,
Съ проклятіемъ, слезами, тяжкой жизни...
Но страхъ: что будетъ *тамъ?* — тамъ,
Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
Нѣтъ пришельцовъ... Трепещетъ воля
И тяжело заставляетъ насъ страдать,
Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно.
Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло... Тише!
Милая Офелія! О нимфа!
Помяни грѣхи мои въ молитвахъ! ¹⁰⁾
Офел. Принцъ,
Здоровы-ль вы?
Гам. Благодарю покорно — здоровъ!
Офел. Принцъ! я давно хотѣла возвратить вамъ,
Что вамъ угодно было мнѣ вручить
На память, и позвольте мнѣ...
Гам. Нѣтъ, нѣтъ!
Тебѣ я ничего и никогда не подарилъ,
Офелія!
Офел. Вы, вѣрно, позабыли, принцъ,
И всѣ подарки ваши вы сопровождали
Такими милыми словами, что они
Мнѣ были дороги; перемѣнились вы —
Возьмите ихъ обратно — для души и сердца
Подарокъ драгоцененъ отъ души и сердца.
Вотъ, принцъ, подарки ваши.
Гам. Ха, ха, ха! Ты честная дѣвушка, Офелія?
Офел. Принцъ!
Гам. И красива?
Офел. Что вамъ угодно сказать, принцъ?

Гам. То, что если ты честная и хорошенькая дѣвушка, такъ не заставляй красоты своей торговаться съ добродѣтелью.

Офел. Но кто можетъ быть лучшимъ товарищемъ красотѣ, если не добродѣтель?

Гам. Правда, да только та бѣда, что скорѣе красота сдѣлаетъ добродѣтель плутовствомъ, нежели добродѣтель подкрѣпитъ красоту. Въ этомъ я сомнѣвался прежде — теперь не сомнѣваюсь! Я любилъ тебя прежде...

Офел. Я вѣрила этому, принцъ.

Гам. Напрасно, потому что добродѣтели не прививаютъ къ старому дереву — прошедшаго нѣтъ болѣе... я — не любилъ тебя!

Офел. Я ошибалась...

Гам. Удались отъ людей, Офелія! Къ чему умножать собой число грѣшниковъ? Вотъ я еще порядочный человѣкъ, а готовъ обвинить себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше не родиться! Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, готовъ на зло, и только воли у меня недостаетъ сдѣлать все злое, что могу придумать злого. Что изъ такого человѣка, который ползетъ между небомъ и землею! Мы всѣ бездѣльники, всѣ — никому не вѣрь. Удались отъ людей! Гдѣ твой отецъ?

Офел. Дома, принцъ.

Гам. Запри за нимъ двери и не выпускай его — пусть онъ дурачится дома. Прощай!

Офел. Милосердый Боже! помоги ему.

Гам. Если ты пойдешь замужъ, я дамъ тебѣ въ приданое вотъ какое проклятіе: будь бѣла, какъ снѣгъ, будь чиста, какъ ледъ — людская клевета очернитъ тебя. Удались отъ людей, либо выходи за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ нихъ дѣлаете. Прочь отъ людей — поскорѣе! Прощай!

Офел. Исцѣлите его, силы небесныя!

Гам. Я знаю, какъ вы себя раскрашиваете. Богъ даетъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себѣ другое — вы пляшете, прыгаете, злословите, и будто все по незнанію. Прочь — ни слова болѣе — это свело меня съ ума! Никому не жениться болѣе; кто женился — пусть живутъ — кромѣ одного.... Удались отъ людей!

(Уходитъ).

Офел. (одна). Какой погибъ великій человѣкъ,
Надежда царства, честь его, утѣха!
Погибъ, погибъ! И мнѣ судьба велѣла,
Мнѣ, пламенной любви его предмету,
Мнѣ видѣть обезумѣвшимъ его —
Что былъ онъ и что сталъ, о Боже! ¹¹).

КОРОЛЬ И ПОЛОНІЙ (входятъ).

Кор. Нѣтъ! это не любовь, и то, что говорилъ онъ,
Какъ ни было нескладно — не безумство!
Въ душѣ его таится что-то, и его печаль
Скрываетъ гибель — мы должны ее предупредить.
Такъ, рѣшено — онъ въ Англiю поѣдетъ!
Тамъ дани требовать мы поручимъ ему,
И, можетъ быть, прогулка, развлеченье
Разсѣютъ грусть его, умъ возвратятъ ему.
Какъ думаешь объ этомъ ты, Полонiй?
Пол. Мнѣ кажется, что вы придумали прекрасно.
Но все увѣренъ я — его безумству
Любовь была началомъ! Намъ не нужно,
Офелiя, рассказывать, что было
Говорено Гамлетомъ — мы все слышали оттуда.
Извольте поступать, мой повелитель,
Какъ вамъ угодно будетъ — мой совѣтъ:
Послѣ комедiи звать принца къ королевѣ,
И пусть она его разспроситъ. Между тѣмъ,
Когда позволите, я разговоръ услышу:
Я спрячусь тамъ, и если ничего
Мы не откроемъ, въ Англiю тогда
Отправьте принца, или заключите,
Куда почтетъ приличнымъ ваша мудрость.
Кор. Да, мы увидимъ — надобно рѣшиться.
Безумцу сильному опасно дать свободу.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНIЕ II.

Другая зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И НѢСКОЛЬКО АКТЕРОВЪ (входятъ).

Гам. Говори все это просто, свободно; руками не руби воздуха и въ самой страсти соблюдай мѣру и умѣренность, да и не переслащивай! Такъ дѣлай, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствию, а дѣйствiе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы: представь добродѣтель въ ея истинныхъ чертахъ, а порокъ въ его безобразiи: Идите и будьте готовы ¹²).

(Актеры уходятъ).

Гам. (Полонiю, который входитъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ).

Ну, что? Угодно ли королю быть въ комедiи?

Пол. Да, и королева и вся свита ихъ будутъ.

Гам. Такъ велите же имъ приготовиться поскорѣе.

(Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Гам. (Входящему Гораціо). А, это ты, Гораціо!

Гор. Меня вы звали.

Гам. Да, я хочу потребовать услуги

И отъ тебя, Гораціо, да, отъ тебя.

Гор. Любезный принцъ!....

Гам. Нѣтъ! я не льщу тебѣ —

И изъ чего я стану льстить? Ты бѣдѣнь,

Незнатѣнь ты. Предъ богачемъ и знатнымъ

Людей колѣна гнутся, съ языка

Медъ каплетъ — я за то тебя люблю,

Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастья,

Въ несчастья равѣнь ты, Гораціо!

Я въ сердцѣ дамъ приютъ такому человѣку ¹³).

Но, довольно, — здѣсь комедію представятъ:

Въ одномъ явленіи здѣсь изобразятъ,

Точь-въ-точь, смерть моего отца. Мой другъ!

Прошу тебя — когда явленье это будетъ,

Внимательно ты наблюдай за дядей,

За королемъ — внимательно, прошу.

Когда въ минуты эти онъ не обнаружитъ

Смятенья — призракъ былъ проклятый адскій духъ;

Онъ искушалъ меня; на преступленье

Меня онъ велъ! Внимательно, мой другъ!

Я глазъ моихъ не отведу отъ дяди,

И мы увидимъ...

Гор. Ни одно движенье

Его не скроется отъ наблюденья моего!

Гам. Идутъ! Мнѣ беззаботнымъ должно показаться.

А ты, Гораціо! на стражу — ступай!

Маршъ. КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ,
ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ И ПРИДВОРНІЯ

Кор. Здоровъ ли, любезный нашъ принцъ?

Гам. Превосходно! Какъ хамелеонъ, я живу воздухомъ и толстѣю отъ обѣщаній. Ваши каплины похудѣли бы отъ этого.

Кор. Я ее понимаю тебя, Гамлетъ. Это не мой языкъ.

Гам. И не мой. (Полонію) Кажется, Полоній, ты игрывалъ комедіи? Въ университетѣ?

Пол. Да, принцъ, и слылъ добрымъ актеромъ.

Гам. А что ты игралъ?

Пол. Юлія Цезаря. Меня зарѣзалъ Брутъ, въ Капитоліи.

Гам. Настоящій былъ онъ брутъ, когда успѣлъ зарѣзать такого капитальнаго теленка! Ну, что ваши актеры?

Розен. Они ждутъ повелѣнія начать.

Кор-ва. Сядь подлѣ меня, любезный Гамлетъ.

Гам. Нѣтъ, маменька — тутъ есть магнитъ, который тянетъ меня къ себѣ.

Пол. (Королю). Замѣчайте!

Гам. (Садится у ногъ Офеліи). Можно ли прикоснуться къ вашимъ колѣнамъ?

Офел. Нѣтъ, принцъ.

Гам. То есть, головой только?

Офел. Можно, принцъ.

Гам. А вы ужъ Богъ знаетъ что подумали!

Офел. Я ничего не думаю, принцъ.

Гам. А какое наслажденіе покоиться на колѣнахъ прелестной дѣвушки!

Офел. Что вы хотите сказать?

Гам. Ничего.

Офел. Вы веселы, принцъ?

Гам. Кто? Я?

Офел. Да, вы, принцъ.

Гам. Да, я иду въ ваши шуты. Чего лучше, какъ не веселиться? Посмотрите на мать мою — какая она веселая! А отецъ мой умеръ за два часа!

Офел. Развѣ за два мѣсяца.

Гам. Такъ давно уже? Хорошо — я самъ ношу трауръ потому, что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! Два мѣсяца и еще не забыть! Стало быть можно надѣяться на полгода людской памяти, а тамъ все равно, что человѣкъ, что овечка —

Схоронили,

Позабыли!

(Трубы. Поднимается занавѣсъ внутри театра. Пантомима. Король и королева входят; нѣжное прощанье; онъ ложится отдыхать; входитъ злодѣй, беретъ его корону и вливаетъ ему ядъ въ ухо. Является опять королева, видитъ, что король мертвъ; плачетъ. Злодѣй утѣшаетъ ее. Уносятъ тѣло короля. Злодѣй предлагаетъ королевѣ свою руку и корону. Она принимаетъ то и другое; весело уходятъ. Трубы).

Офел. Что это такое, принцъ?

Гам. Чего отъ людей ждать! Какая нибудь мерзость!

Офел. Но, вѣроятно, это показываетъ содержаніе комедіи?

(Входятъ актеры).

Гам. А вот этот молодецъ вамъ расскажетъ. Вѣдь это *Прологъ*.

Акт. (зрителямъ). Для нашего представленія

Просимъ вашего снисхожденія.

Не потеряете терпѣнія.

(Кланяется и уходитъ).

Гам. Понятно ли?

Офел. Нѣтъ! это очень коротко.

Гам. Какъ женская любовь ¹⁴).

Комедія, которую играютъ актеры. Входятъ

КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА.

Кор. Уже въ тридцатый разъ свершили кони Феба
Свой круголѣтній бѣгъ въ поляхъ лазурныхъ неба,
И тридцать разъ звѣзда ночей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцать мѣсяцовъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ Любви и Гименея
Сердцами соединилъ, какъ токи водъ Алфея
Со Аретузою въ одно соединены.

Кор-ва. Да будутъ тридцать лѣтъ еще совершены,

Пока въ любви своей мы узримъ измѣненье.

Но душу грустное мрачитъ мнѣ подозрѣнье:

Съ печалью вижу я, смущенная душой,

Что скорбью тайною супругъ проникнуть мой.

Слабѣешь ты — прости, что радость возмущаю —

Отъ сильныя любви сильнѣй я страхъ питаю,

И невниманіе могло бы показать,

Что сильный огонь любви перестаетъ пылать.

Я каждый мучусь день тревогой роковою,

И горести она и слезъ моихъ виною!

Кор. Увы! что дѣлать мнѣ! Прости, дражайшій другъ!

Я чувствую въ крови дряхлѣнія недугъ.

Разстаться должно намъ, и скоро — кто узнаетъ?

Переживи меня! Пусть радость обитаетъ

Съ тобой, и пусть тебя вторичная любовь

Счастливитъ...

Кор-ва. Что ты рекъ! Застыла въ жилахъ кровь

Отъ словъ ужасныхъ сихъ! — Пускай небесны громы

Казнятъ преступницу, злой фуріей несомы,

Когда въ другой любви я счастье обрѣту!

Убийство легче мнѣ....

Гам. (Офелии). Это кажется ей горьче полыни!

Кор-ва. (на сценѣ). Я казни не найду,

Которой бы отмстить за то довольно было,

Когда-бъ вмѣсто тебя другого я любила,

И все равно, когда-бъ къ другому духъ пылалъ,

Что въ грудь твою вонзить блистающій кинжалъ....

Кор. (на сценѣ). Приятна рѣчь твоя и искренна, я вѣрю,

Но кто исчислитъ намъ отъ времени потерю?

И замысль смертнаго и память — все мечта!

Сначала тверды столь, потомъ — о суета!

Плодъ зрѣлый падаетъ однимъ прикосновеньемъ,

И человекъ, увы! скрывается забвеньемъ.

Чѣмъ радость пламеннѣй, сильнѣе тѣмъ печаль,

И слезы, падая на времени скрижалъ,

Отъ дуновения Сатурна исчезаютъ.

Чего супруги намъ, чего не обѣщаютъ!

И ты, подруга дней счастливейшихъ моихъ,

Коль я умру....

Кор-ва (на сценѣ). Пускай тогда лучей дневныхъ

Мой не увидитъ взоръ, печальный и смятенный,

Пусть буду ввѣкъ страдать безславной и презрѣнной,

Пусть жизнь моя течетъ, какъ тинистый потокъ,

Пускай страданія сберетъ жестокой рокъ,

Всего лишитъ меня, и самыя надежды,

Когда печальныя покину я одежды

И къ алтарю съ другимъ супругомъ подойду!

Гам. (Офелии). Что если она солжетъ?

Кор. (на сценѣ). Се клятвы страшныя! Страхись навлечь бѣду!

Но, чувствую, покой мнѣ сладокъ вождельный,

И я здѣсь отдохну, дражайшій другъ, безцѣнный!

Кор-ва (на сценѣ). Спокойся, мой супругъ, на подкрѣпленье силъ.

О еслибъ никогда насъ рокъ не разлучилъ!

(Король ложится и засыпаетъ.

Королева уходитъ).

Гам. (Королевѣ). Какъ вы находите комедію, королева?

Кор-ва. Мнѣ кажется, она слишкомъ много надавала обѣщаній.

Гам. О, да вѣдь она ихъ сдержитъ!

Кор. Извѣстно ли тебѣ содержаніе комедіи? Нѣтъ ли тутъ чего нибудь оскорбительнаго?

Гам. Ничего, ничего! Тутъ немножко отравляютъ, такъ, для шутки!

Кор. А названіе какъ?

Гам. Мышеловка. Почему? спросите вы. Это риторическая фигура, метафора. Представляется убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи. Старика зовутъ Гонзаго, а королеву Бапטיста. Вы тотчасъ увидите — самое гадкое дѣло, да что намъ до того? У васъ и у меня совѣсть чиста и до насъ дѣло не касается. Кричи тотъ, кого это щекочетъ!

(На сцену входитъ злодѣй).

А, вотъ и молодецъ явился! Это Луціанъ, племянникъ стараго короля.

Офел. Вы, какъ суфлеръ, все знаете.

Гам. Хотите, я перескажу, какъ любовница обманываетъ своего любовника, будто мимоходомъ?

Офел. Это колко, принцъ!

Гам. Да вѣдь я только царапаю — другіе рѣжутъ!

Офел. Ваши рѣчи загадка.

Гам. Какъ выборъ мужей дѣвушками. Да, что-жъ злодѣй-то не начинается!

И врана крикъ зловѣщій раздается

И мщеніе злодѣю онъ зоветъ!

Акт. (на сценѣ). Благопріятный часъ: кипящій ядъ готовъ!

Изъ травъ зловредныхъ самъ собиралъ я средь луговъ.

Геката адская мнѣ зелья указала

И на погибель ихъ измѣна заклінала.

Волшебный ядъ! спѣши докучну жизнь пресѣчь,

И порази его, какъ будто вражій мечъ!

(Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго короля).

Гам. Онъ отравляетъ его, пока тотъ спалъ въ саду, чтобы завладѣть его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это былъ — я самъ читалъ ее по-итальянски. Вы тотчасъ увидите, какъ убійца успѣетъ овладѣть сердцемъ вдовы отравленнаго короля.

(Король встаетъ съ своего мѣста въ смущеніи. Общее смятеніе).

Офел. Король встаетъ съ своего мѣста!

Гам. Что онъ? Испугался чегонибудь?

Кор-ва. Что съ тобою сдѣлалось, мой супругъ?

Пол. Прекратите комедію!

(Занавѣсъ надъ сценою закрывается).

Кор. Посвѣтите мнѣ — пойдёмъ!

Пол. Огня, огня, огня!

(Всѣ въ безпорядкѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Горацио).

Гам. (вскакиваетъ).

Оленя ранили стрѣлой —

Тотъ охаетъ, другой смѣется;

Одинъ хохочетъ — плачь другой,

И такъ на свѣтѣ все ведется!

За эти стихи, стоит только одѣться въ платье комедіянта, меня примутъ въ лучшіе актеры!

Гор. На половинное жалованье?

Гам. Нѣтъ! на полное!

Быль у насъ въ чести немалой
Левъ, да часть его пришелъ —
Счастье львиное пропало,
И теперь въ чести... пѣтухъ!

Гор. Послѣдняя рифма не годится, принцъ.

Гам. О добрый Гораціо! теперь слова привидѣнія я готовъ покупать на вѣсь золота! Замѣтилъ ли ты?

Гор. Очень замѣтилъ, принцъ.

Гам. Только что дошло до отравленія...

Гор. Это было слишкомъ явно!

Гам. Ха, ха, ха! Эй, музыкантовъ сюда, флейтщиковъ!

Когда король комедій не полюбитъ,
Такъ онъ — да, просто, онъ комедіи не любитъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гам. Эй! музыкантовъ сюда!

Гильд. Позвольте, принцъ, сказать вамъ нѣсколько словъ.

Гам. Извольте — хоть цѣлую исторію!

Гильд. Король...

Гам. Ну, что король?

Гильд. Онъ удалился отсюда, и теперь...

Гам. Пьянъ?

Гильд. Нѣтъ, прішщъ, разгнѣванъ.

Гам. Такъ вы поступите умно, когда посовѣтуетесь съ его лекаремъ. Можетъ быть, если я примусь лечить его, ему еще хуже сдѣлается.

Гильд. Прощу васъ, принцъ, разговаривать порядкомъ и не удаляться отъ дѣла.

Гам. Хорошо. Говорите.

Гильд. Королева, родительница ваша, глубоко огорченная, послала меня къ вамъ.

Гам. Ну, добро пожаловать!

Гильд. Это привѣтствіе совсѣмъ не кстати, принцъ. Если вамъ угодно отвѣчать мнѣ благоразумно, я исполню препорученіе вашей родительницы, а не то — извините — я уйду и тѣмъ все кончится.

Гам. Но, видите, я не могу.

Гильд. Чего не можете, принцъ?

Гам. Отвѣчать вамъ благоразумно. Мой умъ боленъ. Но такой отвѣтъ, какой я могу, только прикажите — если вамъ, или матери моей угодно, къ услугамъ вашимъ. Да, что до этого! Маменька моя, говорите вы...

Гильд. Она изволила сказать мнѣ, что ваше странное поведеніе изумляетъ и удивляетъ ее.

Гам. О, такъ я чудный сынъ, если могъ удивить мать свою! Но за ея удивленіемъ не было ли еще чего нибудь? Продолжайте.

Гильд. Она желаетъ говорить съ вами и проситъ васъ пожаловать къ ней.

Гам. Повинуюсь, такъ повинуюсь, какъ будто она десять разъ родила меня. Ч.то еще вамъ отъ меня угодно?

Розен. Принцъ! прежде вы любили меня.

Гам. Бездѣльникъ буду, если и теперь не люблю.

Розен. Что-жъ такое причиною вашего разстройства? Не довѣряя печали вашей дружбѣ, вы затворяете дверь вашему выздоровленію.

Гам. Видите: меня не пускаютъ впередъ.

Розен. Какъ такъ, принцъ, когда вы наслѣдникъ послѣ вашего дяди!

Гам. Такъ, правда! Но, „пока травка подростетъ, воды много утечетъ" — эта поговорка немного заплѣсневѣла...

(Входятъ музыканты).

Ахъ! вотъ и флейтчики! Подай мнѣ твою флейту. (Гильденштерну). Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною?

Гильд. Повѣрьте, принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ королю.

Гам. Я что-то не совсѣмъ это понимаю. Сыграй мнѣ что нибудь! (Подаетъ ему флейту).

Гильд. Не могу, принцъ.

Гам. Сдѣлай одолженіе!

Гильд. Право, не могу, принцъ!

Гам. Ради Бога, сыграй!

Гимд. Да я совсѣмъ не умѣю играть на флейтѣ

Гам. А это такъ же легко, какъ лгать. Возьми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграетъ!

Гильд. Я вовсе не учился.

Гам. Теперь суди самъ: за кого же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже чего нибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считай меня чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!

(Полоній входитъ)

Мое глубокое почтеніе!

Пол. Королевѣ угодно говорить съ вами, и немедленно.

Гам. (смотря кверху). Что это такое? точно облако, и какъ похоже на верблюда!

Пол. (глядитъ). Да, принцъ, и на верблюда ужасно походить!

Гам. Охъ! нѣтъ быть — на хорька! Не правда ли?

Пол. Позвольте. Въ самомъ дѣлѣ — точный хорекъ!

Гам. А я такъ думаю, что это китъ!

Пол. Дайте разглядѣть. Ахти, и въ самомъ дѣлѣ — портретъ кита!

Гам. Скажите королевѣ, что я тотчасъ приду. Уйди отъ нихъ... съ ними задумайся не шутя, въ самомъ дѣлѣ... Иду, скажите королевѣ.

Пол. Исполню.

(Уходитъ).

Гам. Исполнить! Да, легко сказать! — Друзья! простите!

(Идетъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.

Гамлетъ возвращается).

Теперь насталъ волшебный ночи часъ.

Съ кладбищей мертвецы въ разбродѣ. Адъ,

Адъ ужасами дышетъ — часъ насталъ упиться кровью

И совершить дѣла, которыхъ день

И видѣть не посмѣетъ, — Тише — къ ней иду!

Сердце! напоминай мнѣ, что я сынъ —

Жестокимъ, но не извергомъ я буду —

Я уязвлю ее словами... мечъ мой — нѣтъ!

Не подыму руки моей на мать!

Что демонъ злобы не шепчи —

Душа! не соглашайся рѣчь его исполнить!

(Уходитъ).

КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ

(входятъ).

Кор. Нѣтъ! кончить должно, и безуміе его

Опасно намъ становится. Готовы будьте.

Я васъ немедленно отправлю съ нимъ

И въ Англію его вы увезете.

Мнѣ долгъ владыки не позволитъ больше

Терпѣть его зловреднаго безумства,

Таить змѣю за пазухой...

Гильд. Мы поспѣшимъ,

Мы долгомъ нашимъ почитаемъ — все на жертву

Принести за короля.

Розен. Простолюдинъ обязанъ защищаться,

Но съ жизнью королей соединена

Жизнь государства, и мы жизнь свою положимъ

За безопасность вашу¹⁴).

Кор. Приготовьтесь

Скорѣй, я васъ прошу, къ отъѣзду — должно

Остановить грозящую опасность.

(Розенкранцъ и Гидьденштернъ уходятъ)

Пол. (входитъ). Онъ къ матери придетъ, и за коврами
Я спрячусь тамъ и разговоръ услышу.

Она его, конечно, побранить —

Но, какъ изволили сказать вы, и сказать премудро,

Тутъ посторонній долженъ быть и слышать...

Мать, женщина умѣетъ ли быть строгой!..

Слышать весь разговоръ. Потомъ почту я долгомъ

Вамъ обо всемъ подробно донести,

Все что услышу, все...

Кор. Благодарю.

(Полоній уходитъ).

Кор. (одинъ). Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,

Достигъ небесь. Ужасно преступленье,

Мной совершенное... первоначальный грѣхъ...

Злодѣйство Каина... убійство брата!

Я не могу молиться, хоть порывы

Раскаянья терзають душу мнѣ —

Вина моя раскаянья превыше,

И будто человѣкъ двойнымъ обѣтомъ,

Раскаяньемъ, грѣхомъ — я связанъ,

И неподвиженъ, и не знаю что начать!

Но еслибы моя проклятая рука

И болѣе была покрыта кровью брата,

Ужель росы небесной нѣтъ омыть ее

И убѣлить бѣлѣ снѣга? И прощенье для чего,

Когда оно въ борьбѣ съ грѣхомъ не будетъ?

И для чего молитва? Зло предупредить

И — смыть его, когда оно свершилось!

Осмѣлимся — подыдемъ взоры къ небу —

Грѣхъ совершенъ! Но какъ молиться мнѣ?

Какую Богъ вонметъ молитву? Какъ молиться?

Прости убійцѣ? — Нѣтъ! я обладаю всѣмъ,

Что принесло мнѣ страшное убійство —

Короной, почестями, королевой...

Простится-ль грѣхъ, когда я въ немъ коснѣю?

Передъ людьми, предъ ихъ судомъ ничтожнымъ,

Рукою позлащенной, преступленье

Остановить легко дерзаетъ судъ

И подкупить законъ — но *тамъ* не такъ!

Нѣтъ подкупа, и страшно преступленье

Передъ судомъ стоитъ обнажено!

Что-жь дѣлать мнѣ? Что остается мнѣ?

Что можетъ покаянье? Но — чего оно не можетъ!
Все, если можетъ человекъ покаяться...
О мысль спасенья! О совѣсть черная моя!
Душа преступная, въ болотѣ
Грѣховъ погрязнувшая, чѣмъ стремится больше
Изникнуть, тѣмъ страшнѣе тонеть... Помогите
Мнѣ, ангелы! Молитву вашу испытайте!
Гнитесь, колѣна непреклонныя! Ты, сердце,
Размягчись, какъ у едва рожденнаго младенца!
Богъ милосердъ!

(Онъ медленно склоняется на колѣни и погружается въ задумчивость).

Гам. (входитъ тихо). Теперь его отправить — легко... онъ молится...
Теперь его отправить...

(Вынимаетъ кинжалъ).

И съ молитвой

Погибнетъ онъ? Отмщенье-ль это будетъ?
Остановись, подумай. Твоего отца
Зарѣзалъ онъ. Ты сынъ, ты, мститель смерти,
Въ раскаяннѣ засталъ его, и смерть теперь
Ему благодѣянье, но не мщенье будетъ —
Нѣтъ! не мщенье!...

Онъ брата погубилъ въ грѣхахъ,
Въ безпечномъ усыпленнѣ чувства,
И тяжекъ былъ погибшему разсчитать.
Отмщу ли я, когда молитвой онъ
Готовъ на путь далекий, невозвратный?
Нѣтъ! нѣтъ!

(Влагаетъ кинжалъ въ ножны).

Въ ножны, мститель! Твой ударъ ужасенъ будетъ,
Когда его застану пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
И въ нечестивомъ пиршествѣ грѣха,
Въ игрѣ, въ божбѣ, въ такомъ души порывѣ,
Когда погибель за могилою вѣрна.
Тогда — ударъ его повергнетъ вверхъ пятами,
Чтобъ съ кровью черною душа его упала
Въ адъ, темный, какъ грѣхи его темны!
Мать ждетъ меня — живи, но безъ надежды,
Чтобъ жизнь твоя продлилась — ты мертвецъ!

(Уходитъ).

Кор. Слова на небо — мысли на землѣ!
Безъ мысли слово недоступно къ Богу!

(Уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНИЕ III.

Комнаты Королевы.

КОРОЛЕВА И ПОЛОНІЙ.

Пол. Онъ явится немедленно. Съ нимъ будьте строги;
Скажите, что его безуміе несносно;
Скажите, что однѣ лишь просьбы ваши
Гнѣвъ короля утишили. Не смѣю больше
Совѣтовать, но твердость въ дѣлѣ вамъ
Необходима.

Кор-ва. Положитесь на меня.

Я знаю, что мнѣ говорить — уйдите — это онъ!

(Полоній прячется за коверъ).

Гам. (входитъ). Что вамъ угодно, мать.моя? Скажите.

Кор-ва. Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

Гам. Мать моя! отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

Кор-ва. Ты говоришь со мной какъ сумасшедшій.

Гам. А вы со мной какъ злая мать.

Кор-ва. Гамлетъ! что говоришь ты?

Гам. Что угодно вамъ?

Кор-ва. Ты позабылъ, кто я?

Гам. Нѣтъ! не забылъ, клянусь!

Вы королева, вы супруга дяди,

И — о зачѣмъ мнѣ должно досказать!

Вы — мать моя...

Кор-ва. Я говорить съ тобой заставляю

Другихъ; они твое безумство укротятъ.

Гам. Нѣтъ, нѣтъ! Сядь, и съ мѣста

Ты не сойдешь, пока тебѣ я не представлю

Такого зеркала, гдѣ всѣ души твоей изгибы

Наруже будутъ!

Кор-ва. Что ты дѣлаешь, мой сынъ!

Ты хочешь умертвить меня... О! помогите,

Помогите!

Пол. (за ковромъ). Помогите!

Гам. Что тамъ? Мышь!

(Онъ ударяетъ шпагою въ коверъ).

Убить! Червонецъ объ закладъ — убить!

Пол. Охъ! умираю!

(Падаетъ).

Кор-ва. Ахъ! что ты сдѣлалъ, сынъ мой!

Гам. Что? Не знаю!

Король?

(Подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія).

Кор-ва. О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

Гам. Кровавый? — Чѣмъ же, маменька, онъ хуже

Того — убить супруга и съ убійцей обвиняться?

Кор-ва. Убить супруга!

Гам. Да, я говорю тебѣ — убить!

А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Прости меня —

Я думалъ, что тутъ спрятался другой, умнѣе, — обвиняй

Судьбу свою — ты видишь, что услуга

Другимъ не безъ опасности бываетъ...

Зачѣмъ ломать такъ руки? Успокойтесь, сядьте...

Я сердце ваше изломаю... я расшевелю его,

Когда оно еще не вовсе стало камнемъ

И навыкомъ на зло не обратилось въ сталь,

Когда ему доступно хоть одно,

Какоенибудь чувство...

Кор-ва. Что я сдѣлала такое,

За что ты такъ жестокъ ко мнѣ?

Гам. Такое дѣло,

Которымъ погубила скромность ты!

Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство; цвѣтъ любви

Ты облила смертельнымъ ядомъ; клятву,

Предъ алтаремъ тобою данную супругу,

Ты въ клятву игрока преобратила;

Ты погубила вѣру въ душу человѣка;

Ты посмѣялась святости закона;

И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горить!

Да, видитъ ли, какъ все печально и уныло,

Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

Кор-ва. Ахъ! что такое? говори! Что хочешь

Ты высказать въ безумномъ изступленьи?

Гам. А вотъ онъ, вотъ два портрета — посмотри:

Какое здѣсь величїе, краса и сила,

И мужество и умъ — таковъ орелъ,

Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу

Направить — совершенство Божьяго созданья —

Онъ былъ твой мужъ! — Но, посмотри еще —

Ты видишь ли траву гнилую, зелье,

Сгубившее великаго — взгляни, гляди...

Или слѣпая ты была, когда

Въ болото смрадное разврата пала?
Говори: слѣпая ты была?
Не поминай мнѣ о любви: въ твои лѣта
Любовь уму послушною бываетъ!
Гдѣ же былъ твой умъ? Гдѣ былъ разумокъ?
Какой же адскій демонъ овладѣлъ
Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ — зрѣньемъ просто?
Стыдъ женщины, супруги, матери забыть...
Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что-жъ юности осталось? Страшно,
За человѣка страшно мнѣ!..¹⁵⁾

Кор-ва. Мой сынъ!
Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души,
И я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ,
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ — нѣтъ спасенья!

Гам. И для чего-жъ ты поддалась пороку,
Любви искала въ безднѣ преступленья?

Кор-ва. Ахъ! замолчи! Какъ острые ножи,
Слова твои мнѣ сердце растерзали!
Умолкни, милый сынъ, Гамлетъ!

Гам. Убійца,
Злодѣй, рабъ, шутъ въ коронѣ, воръ,
Укравшій жизнь, и братнюю корону
Тихонько утащившій подъ полой,
Бродяга...

Кор-ва. Ахъ! Гамлетъ! ни слова больше!

Гам. И злодѣю ты могла...

(Гѣнь отца входитъ).

Спасите,

Крылами вашими меня закройте,
Вы ангелы небесъ... Скажи, чего ты хочешь,
Страдалецъ?

Кор-ва. Онъ съ ума сошелъ!

Гам. Или явился ты

Упреками осыпать сына

За медленность его въ отмщеньи? Говори! ¹⁶⁾

(Молчаніе).

Что съ вами, королева?

Кор-ва. Что съ тобой, Гамлетъ?

Зачѣмъ твой взоръ блуждаетъ въ пустотѣ?

Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухѣ пустомъ?

И вся душа въ твоя переселилась очи,

И дыбомъ волосы твои! Мой милый сынъ!

Утишь порывы чувствъ. Кого ты видишь?

Гам. Его, его! Смотри, какъ блѣдень онъ!

Его ужасное явленье

И въ камень чувства передасть!

Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально,

Поколебать мою рѣшимость можешь ты,

И я не кровью стану мстить — слезами!

Кор-ва. Съ кѣмъ говоришь ты?

Гам.

Или ты не видишь!

Кор-ва. Я никого не вижу, хоть и вижу все.

Гам. И ничего не слышишь?

Кор-ва.

Ничего.

Гам. Гляди, гляди — вотъ онъ, отецъ мой, онъ,

И какъ живой! Гляди — вотъ онъ уходитъ —

Ушедъ...

(Тѣнь уходитъ).

Кор-ва. Мечта воображенья, сынъ мой!

Ты забываешься и видишь привидѣнья!

Гам. Мечта?

Но пульсъ мой бьется такъ же,

Какъ у тебя... я вижу, слышу... мой разсудокъ

Со мной — я расскажу тебѣ слова его,

А можетъ ли безумный рассказать

Въ порядкѣ, стройно? Это ли безумство?

Мать, мать моя! не погуби спасенья

Души твоей коварной ложью, будто

Здѣсь говоритъ безуміе мое,

А не твои грѣхи и преступленья!

Ты сердца ранъ не исцѣлишь, ты скроешь

Ихъ въ глубину души, и страшно тамъ

Онѣ сожгутъ ее мученьемъ ада!

Съ раскаяньемъ прибѣгни къ Богу — кайся,

Молись за прошлое, грядущаго страшись,

И ядъ безчувствія страшись считать отрадой!

Я умоляю, падаю къ ногамъ....

Въ развратный вѣкъ не преступленье,

Но добродѣтель, добродѣтель умолять должна

Прощенья въ томъ, что смѣетъ возносить

Молитвы голось за его спасенье!

Кор. Гамлетъ, мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ сердце!

Гам. Отбрось его гнилую часть, отбрось

И съ чистой половиною останься!

Разстаться намъ должно.... Не оскверняй

Себя прикосновеньемъ дяди!
И если ты не добродѣтельна — притворствуй,
Притворись, что добродѣтель любишь!
Чудовище привычка, но добра губитель
Намъ ангеломъ-спасителемъ быть можетъ
И къ добродѣтели насъ можетъ приучить.
Сегодня тяжко намъ бываетъ воздержанье,
Но на другой день легче, и по малу
Къ добру оно насъ можетъ приучить!
Прощай — мать моя, прощай! И если хочешь
Благословенія небесъ, скажи мнѣ —
Приду къ тебѣ просить благословенья!

(Обращается къ Полонію).

А ты, пріятель, извини — мнѣ жаль тебя.
Судьбѣ угодно было такъ, чтобъ ты
Былъ мной наказанъ, а тобою я.
За смерть твою я буду отвѣчать.
И разъ еще — о мать моя! Прости мнѣ —
Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,
Но я хотѣлъ, я долженъ быть таковъ,
Чтобъ матери отдать вновь чувства человѣка...
Да, слова два....

Кор-ва. Скажи, что дѣлать мнѣ?
Гам. Что?... Ничего не дѣлай, и не вѣрь
Тому, что говорилъ я. Пусть Король
Опять тебя въ свои объятія приметъ;
Открой ему всю тайну, расскажи,
Что не безумецъ въ самомъ дѣлѣ сынъ твой,
Но сумасшедшимъ только притворился....
И какъ же вамъ, прекрасной, умной, доброй
Счастливой Королевѣ, не сказать
Летучей мыши этой, жабѣ,
Совѣ полуночной, какъ не сказать всего!
Такая вѣсть его обезопаситъ,
Порадуетъ — а тамъ, что нужды,
Когда сама себѣ ты шею повихнешь!
Кор-ва. Нѣтъ! я клянусь тебѣ, что скрою все,
Все, что ни говорилъ ты мнѣ, Гамлетъ!
Гам. Извѣстно-ль вамъ? Я въ Англію поѣду.
Кор-ва. Ахъ! я забыла.... Это рѣшено.
Гам. Да, грамоты уже готовы, и два друга,
Которымъ я, какъ ящерицамъ, вѣрю,
Сопроводить меня назначены въ пути

И довести до самой западни. Пускай —
Счастливый путь — поѣдемъ, поглядимъ,
Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ!
Противъ подкопа поведу подкопъ,
И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
Когда умы работаютъ людскіе
На гибель друга, будто лютой звѣрь!
А этого я спрячу молодца...
Спокойной ночи!

Что ты молчаливъ,
Такъ скромень, такъ угрюмъ, скажи, пріятель,
Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
Пойдемъ — съ тобой, что много толковать

(Тащить Полонія).

Спокойной ночи, Королева!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворецъ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Кор. Есть причина этой скорби, этихъ вздоховъ.

Я долженъ знать ее. Скажи мнѣ —

Гдѣ твой сынъ?

Кор-ва. Оставьте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Ахъ, государь! ужасн эта ночь был!

Кор. Что, Гертруда? Что сдѣлалъ сынъ твой?

Кор-ва. Безумень, бѣшенъ, будто буря въ спрѣ

Съ могучимъ океаномъ, и въ безуміи своемъ

Услышалъ онъ, чо за ковромъ есть кто-то,

Мечъ выхватилъ, вскричалъ: „Мышь, мышь!“

И въ сумасшествіи ударилъ, и убилъ,

Безумецъ, нашего совѣтника и друга...

Кор. Я могъ быть тамъ, я могъ погибнуть!

Ему свободу дать опасно, губительно. Тебѣ,

Мнѣ, всѣмъ опасень онъ.

Увы! кто отвѣчаетъ за эту кровь?

Мы — мы предвидѣть бы могли

И удалить должны бы отъ людей

Безумца, но любовь къ нему такъ велика,
Что мы забыли долгъ нашъ.
Такъ, если тяжкая болѣзнь кого терзаетъ,
Страшась послѣдствій, онъ ее таитъ
И гибнетъ. Гдѣ-жъ теперь твой сынъ?
Кор-ва. Онъ потащилъ убитаго Полонія куда-то.
Среди безумія, какъ искры злата
Средь грубой смѣси рудъ — сверкаютъ въ немъ
И умъ и сердце — онъ рыдаетъ — поздно!...
Кор. Пойдемъ, Гертруда. Прежде чѣмъ лучи
Померкнутъ солнца на вершинахъ горъ,
Корабль къ его отъѣзду изготовятъ.
Его безумное убійство скроемъ мы.
Придумаемъ причины. — Гильденштернъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Мои друзья! возьмите стражу. Принцъ Гамлетъ
Убилъ Полонія въ безумномъ изступленьи
И утащилъ его бездушный трупъ.
Подите, съ нимъ поговорите, отыщите тѣло
И честному предайте погребенью —
Спѣшите!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Я иду собрать совѣтъ,
Скажу что сдѣлалось, спрошу, какъ должно
Теперь намъ поступить, чтобъ клевета,
Такъ быстро пролетающая свѣтъ,
Какъ выстрѣлъ пушечный летитъ до цѣли,
И отравляющая все въ пути, на насъ
Не излила бы ядовитой мести,
Разсѣялась, исчезла. — Поспѣшимъ...
Душа моя полна тревоги и сомнѣній.

(Уходитъ).

Гам. (выбѣгаетъ). Славно спрятанъ!

Розен. и Гильд. (за сценою). Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гам. Тише! Что за шумъ? На что вамъ Гамлета? Они идутъ...

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

Розен. Что сдѣлали вы, принцъ, съ тѣломъ Полонія?

Гам. Отдалъ его родинѣ — землѣ отдалъ я его.

Розен. Гдѣ же оно? Надобно взять его и похоронить.

Гам. Не вѣрьте этому.

Розен. Чему не вѣрить?

Гам. Тому, что, умѣя сохранять ваши тайны, я не умѣю сохранить моихъ тайнъ. Что будетъ отвѣчать сынъ короля, если его спрашиваетъ губка?

Розен. Развѣ я губка, принцъ?

Гам. Да, губка, которая напитываетъ въ себя милости, ласки и власть своего короля. Но вы самые лучшіе слуги для королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочекъ. Чуть понадобится взять обратно то, чѣмъ вы напитались — васъ пожмутъ, и — вы сухи, какъ губка!

Розен. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гам. Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ — дуракъ!

Розен. Скажите, гдѣ положили вы тѣло, и потомъ пожалуйте къ королю.

Гам. Тѣло бываетъ королемъ, но король не долженъ быть тѣломъ. Король есть нѣчто!

Розен. Нѣчто, принцъ?

Гам. Или ничто. Пойдемъ къ королю. Впередъ лисицы, а собака за ними!

(Уходитъ).

КОРОЛЬ И ПРИДВОРНЫЕ.

Кор. Я звать его велѣлъ и отыскать гдѣ трупъ.

Какъ страшно оставлять ему свободу!

Но строгій съ нимъ поступокъ неприличенъ,

Любимъ онъ глупою толпой народа;

Она безумно судить то, что видитъ,

И что наказанъ, тотъ и правъ въ ея глазахъ,

Его вина забыта. Тихо, скромно все устроить

И отъѣздъ его внезапный показать

Необходимостью. Мы злу поможемъ зломъ,

Или ничѣмъ.

(Розенкранцъ входитъ).

Ну, что такое? говорите!

Розен. Гдѣ тѣло скрылъ онъ, государь,

Мы не могли узнать.

Кор. Но гдѣ онъ самъ?

Розен. Онъ здѣсь, подъ стражею — ждемъ вашего приказа.

Кор. Ввести его.

Розен. Введите, Гильденштернъ.

(Вводятъ Гамлета).

Кор. Ну, Гамлетъ, гдѣ же Полоній?

Гам. На ужинѣ.

Кор. Какъ на ужинѣ?

Гам. Да, гдѣ не онъ ѣсть, а его ѣдятъ. Къ нему собралось множество премудрыхъ червяковъ. Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для червяковъ: мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя

откармливаемъ, чтобы откормить червяковъ. Король и нищій — что это такое? Два разныя блюда для нихъ, и оба будутъ на одномъ столѣ — одинъ конецъ обоимъ!

Кор. Велнкій Боже!

Гам. Человѣкъ ловить рыбу на червяка, который, можетъ быть, позавтракалъ королемъ, и ѣстъ рыбу, которая позавтракала этимъ червякомъ.

Кор. Что хочешь ты сказать?

Гам. Ничего, а я только хочу вамъ показать, что нищій можетъ съѣсть короля.

Кор. Гдѣ Полоній?

Гам. На небесахъ — пошлите справиться. Если не найдутъ тамъ, пошлите сыскать его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то черезъ мѣсяць онъ скажется вамъ благовоніемъ подъ лѣстницею галлерей.

Кор. Поспѣшите туда.

Гам. Зачѣмъ спѣшить — онъ подождетъ!

(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

Кор. Гамлетъ! послѣ такого страшнаго поступка,
Заботясь нѣжно о тебѣ, сколь намъ ни скорбно,
Но долженъ ты скорѣе удалиться. Будь готовъ.
Ужъ наряженъ корабль, готовься ѣхать
Въ Англію.

Гам. Какъ! въ Англію?

Кор. Да.

Гам. Хорошо!

Кор. Теперь тебѣ извѣстны наши мысли.

Гам. Да, ихъ слышитъ ангель небесный — но такъ и быть — поѣдемъ въ Англію. Простите, милая маменька!

Кор. Любящій тебя отецъ — хотѣлъ ты сказать, Гамлетъ?

Гам. Мать — говорю я: отецъ и мать — мужчина и женщина, но оба вмѣстѣ одно — мать, добрая мать — поѣдемъ въ Англію!

(Уходитъ).

Кор. Послѣдуйте за нимъ; уговорите ѣхать;
Не медлите, чтобъ ночь васъ не застала здѣсь.
Путь добрый! Все готово, что до вашего отъѣзда
Касается. Прошу васъ поспѣшить.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

А ты, о Англія! когда цѣнить умѣешь
Мою пріязнь (ее ты оцѣнить могла,
Почувствовавъ глубокіе удары
Меча, которымъ ты была поражена,
И данью покупая нашу дружбу),
Не хладнокровно ты услышишь просьбу
Мою, и грамоты, врученныя Гамлету,

Тебѣ покажутъ, что должна ты дѣлать —
Смерть Гамлету! Да, будь, Англія, послушна,
Избавь меня отъ тяжелой язвы...
Пока онъ живъ — нѣтъ счастья для меня!

(Уходитъ)

ПОСЛЫ ФОРТИНБРАСА ¹⁸).

Перв. пос. Идите съ поздравленьемъ къ Королю.
Скажите, что, его согласно волѣ,
Норвежскій принцъ ждетъ съ войсками своими,
Что черезъ Данію ему пройти позволятъ,
И ежели его величеству угодно
Назначить намъ свиданье — пусть укажетъ мѣсто,
Нашъ принцъ придетъ воздать ему почтенье.

Втор. пос. Исполню.

Перв. пос. Миръ и тишину мы соблюдаемъ.

ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ (входятъ).

Гам. Что за народъ?

Пос. Послы норвежскаго владыки.

Гам. Но что же вамъ угодно?

Пос. Мы на Польшу

Идемъ и просимъ позволенья перейти
Черезъ ваши области.

Гам. А вашъ начальникъ?

Пос. Фортинбрасъ, норвежскій принцъ.

Гам. Что-жь? всю ли Польшу воевать,

Иль такъ — клочекъ землицы взять,
Вы собрались?

Пос. Сказать по правдѣ,

Мы бьемся за клочекъ земли, который
Не стоитъ и пяти червонцевъ.

Гам. Что-жь? Его вамъ бросать и безъ драки.

Пос. Напротивъ — поляки рѣшились драться.

Гам. Въ двѣ тысячи людей, да въ двадцать тысячъ
Червонцевъ вамъ клочекъ земли придется —

Поздравить можно васъ съ завоеваньемъ!

Пос. Желаемъ счастья вамъ.

(Послы уходятъ).

Розен.

Пойдемте, принцъ!

Гам. Идите, я за вами не замедлю.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Какъ все противъ меня возстало
За медленное мщенье!.. Что ты, человекъ,
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и объдомъ? Звѣрь — не больше — ты!
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ — Онъ не для того
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его бесплодно,
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ,
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ —
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой!
Къ чему мнѣ жизнь? Твердить: я долженъ сдѣлать —
И медлить, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненья! Вотъ примѣръ!
Здѣсь юный вождь ведетъ съ собою войско,
Могучее и сильное; вождь смѣлый,
Онъ все приноситъ въ жертву чести, славѣ,
Все отдаетъ погибели и смерти.
И для чего? За что? Яичной скорлупы
Завоеваніе не стоитъ. Честь не велика,
Не велика и слава жертвовать собою
Ничтожному дѣянью. Но на что причина?
Ея дѣянья наши оправдаютъ...
А я... отецъ убить, безславы матери удѣлъ —
Какъ крови не кипѣтъ, уму не волноваться,
А я — бездѣйствую, когда, на мой позоръ,
На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
И многіе не знаютъ для чего идутъ,
И тысячи бѣгутъ за тѣнью славы,
И той земли, за что они погибнутъ —
На ихъ могилы мало!.. Нѣтъ! отъ сей поры
Кровь будетъ мысль единая — иль вовсе
Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Комнаты Королевы.

КОРОЛЕВА И ГОРАЦЦО.

Кор-ва. Я не хочу съ ней говорить!..

Гор. Она васъ проситъ,
Она достойна сожалѣнья.

Кор-ва. Что могу я?

Гор. Все объ отцѣ твердитъ она, твердитъ, что люди
Обманщики, рыдаетъ и безумствуетъ она.

Безмысленныя рѣчи произносить,
Но онѣ глубоко западаютъ въ душу,
Онѣ невольно заставляютъ мыслить.

Ея печаль, ея движенья, взгляды,
Все увѣряетъ, что въ душѣ ея таятся
Тоска глубокая, безумная печаль.

Кор-ва. Да, я должна съ ней говорить. Она
Опасныя возбудитъ подозрѣнья
И толки злые... Пусть войдетъ.

(Гораццо выходитъ).

О преступленье! малая причина
Тебя тревожить, предвѣщая горе,
И недовѣрчивость, сомнѣнiе — невольно
Разоблачаютъ черную порока тайну!

Офел. (вбѣгая) 1⁹). Гдѣ, гдѣ она, прекрасная владычица?

Кор-ва. Офелiя, что съ тобою?

Офел. (поетъ).

Моего вы знали-ль друга?
Онѣ былъ бравый молодецъ;
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Данiи боецъ.

Кор-ва. Ахъ, бѣдная Офелiя! что ты поешь?

Офел. Что я пою? Послушайте, какая пѣсня —

Но далеко, за морями,
Въ страшной онѣ лежитъ могила;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый.
Ложе — хладная земля!

Кор-ва. Милая Офелiя...

Офел. Да, слушаайте же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами,
И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.

Кор-ва. (входящему Королю). Пожалѣйте о бѣдняжкѣ, государь, посмотрите...

Кор. Что ты, Офелія?

Офел. А что я, Ничего. Покорно благодарю. Знаете ли, что совушка была дѣвушка, а потомъ стала сова? Ты знаешь, что ты теперь, а не знаешь, чѣмъ ты будешь. Здравствуйте! Добро пожаловать!

Кор. Бѣдная! Она не можетъ забыть отца.

Офел. Отца? Вотъ какой вздоръ — совсѣмъ не отца, а видите что: она пришла на самомъ разсвѣтѣ Валентинова дня, и говоритъ:

Милый другъ! съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ,
Валентиномъ будь прекраснымъ
Выглянь — здѣсь я, подъ окномъ!

* * *

*

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,
Обманулъ и — разлюбилъ!

Кор. Полно, Офелія!

Офел. Да, онъ ее обманулъ — это ничего, да зачѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою
Друга сердцемъ полюбить —
Онъ смѣется надо мною,
Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?

* * *

*

Другу дѣвица сказала:
«Ты всѣ клятвы измѣнилъ!
Я тебя не забывала —
Ты за что меня забылъ?»

* * *

*

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:

«Клятвъ моихъ я не забылъ —
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ — вѣдь я шутилъ»

Кор. Давно ли это съ ней сдѣлалось?

Офел. Все это будетъ ладно, повѣрьте — только потерпите... А все мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю! Братъ все это узнаетъ, а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!...

(Убѣгаетъ).

Кор. Идите за ней, поберегите ее!

(Гораціо уходитъ).

Печали ядъ ей душу отравилъ —
Отца погибель. Видишь ли, Гертруда,
Бѣды не ходятъ одиноко, но толпою:
Погибъ Полоній, сынъ твой удаленъ —
Безуміемъ онъ заслужилъ изгнанье —
И вотъ народъ волнуется, бунтуетъ,
Подозрѣваетъ смерть Полонія и ропщетъ.
Напрасно скрыли мы его причину смерти!
И вотъ Офелія теряетъ разумъ,
И что всего важнѣе — мнѣ извѣстно,
Что братъ ея сюда пріѣхалъ тайно.
Онъ злобой дышетъ, разсѣваетъ слухи
И мститъ за смерть Полонія рѣшился,
Насъ обвиняя въ гибели отца.
О милая Гертруда! тяжело сердцу
Противостать столь бѣдственнымъ событіямъ!

(Слышенъ шумъ).

Кор-ва. Но что такое? Шумъ, смятеніе народа!

Кор.. Кто здѣсь? Стражи! охраняйте входъ!

(Входитъ Гораціо).

Что за смятенье?

Гор.²⁰. Государь! простите —
Какъ волны моря разъяреннаго стремятся,
Такъ къ вамъ Лаертъ, съ толпой своихъ друзей,
Стремится въ ярости, съ мечами, и за нимъ
Толпа безумная бѣжитъ, провозглашаетъ
Лаерта имя. Мщенья за отца
Онъ требуетъ, онъ молить у народа!
Кор-ва. И на голову ихъ падетъ отмщенье!
Безумцы слѣдуютъ за нимъ...

Лаертъ (за сценою). Гдѣ онъ? Король?

Прочь, прочь съ дороги!

Народъ (за сценою). Прочь! Гдѣ, гдѣ король?

Лаертъ (врывается въ двери). Отдай мнѣ моего отца!

Кор-ва. Лаертъ!

Что это значить? Успокойся.

Лаертъ. Будь я проклять,

Пусть буду я безславень и безчестень,

Когда спокоень буду!

Кор. Не безпокойся, королева. Мнѣ не страшны

Угрозы безразсуднаго Лаерта.

Скажи, чего ты хочешь, безразсудный?

Лаертъ Гдѣ мой отецъ!

Кор. Онъ умеръ.

Кор-ва. И въ его кончинѣ

Мы не виновны.

Кор. Что же? Спрашивай, Лаертъ!

Я отвѣчаю.

Лаертъ. Нѣтъ! коварной рѣчью

Не обольститъ меня — скажи: онъ умеръ —

Кто былъ его убійца? Отвѣчай, иль страшно

Отмщенье сына будетъ!

Кор. Но за чѣмъ же стало?

Лаертъ. Остатокъ чести, вѣрности отцовской

Мой мечъ удержитъ, если ты мнѣ выдашь

Убійцу моего отца!

Кор. И снова

Я узнаю Лаерта. Добрый сынъ

Бунтовщикомъ, измѣнникомъ не будетъ,

И мстить невиннымъ не захочетъ — нѣтъ!

Онъ только отомститъ виновнымъ.

Лаертъ. Да, виновнымъ!

Кор. Ты ихъ узнаешь.

Лаертъ. Пусть они погибнутъ,

И снова кровь моя и жизнь принадлежатъ

Отечеству и королю!

Кор. Довольно.

Виновень ли я въ смерти былъ отца,

Пусть сынъ разсудитъ, пусть увидитъ онъ!

Народъ (за сценою). Впустить ее, выпустить!

Лаертъ. Что слышу?

(Входитъ Офелія, странно убранная соломой и цвѣтами).

Изсохни, мозгъ мой, лейтесь, мои слезы!

Сестра моя! твое безумство будетъ

Заплачено злодѣю — другъ, сестра,
Офелія! Да, лучше быть безумнымъ,
Когда намъ все, что было драгоцѣнно,
Все измѣнило — счастье и любовь!

Офел. (поетъ).

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
И горючія слезы кипѣли ручьемъ,
Какъ прощались они съ старикомъ.

Прощай, голубчикъ!

Лаертъ. Еслибы въ полномъ умѣ ты побуждала меня мстить — я менѣе былъ бы подвигнутъ къ отмщенію, нежели теперь — сестра несчастная!

Офел. Вы пойте между тѣмъ: „Долой, злодѣй! На казнь, злодѣй!“ Славная пѣсенка! Вы знаете? Это о томъ пажѣ, который похитилъ дочь рыцаря.

Лаертъ. Ея безуміе лишаетъ меня ума!

Офел. (перебирая цвѣты). Вотъ розмаринъ — это воспоминаніе! Душечка, миленькій! вспомни обо мнѣ! А вотъ незабудка — не забудь меня!

Лаертъ. Память пережила умъ несчастной!

Офел. Вотъ вамъ тминъ, вотъ ноготки, вотъ рута, горькая трава — вамъ и мнѣ. Вы носите ее только по праздникамъ — горе праздникъ человѣку! Ахъ! вотъ и маргаритка — фіялокъ нѣтъ — извините — всѣ завяли, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ. Да, не бойтесь: вѣдь онъ умеръ спокойно!

Радость-душечка пропала,
Какъ мила друга не стало!

Лаертъ. Мечта и печаль, и страсть, и самое безуміе въ ней очаровательны!

Офел. (поетъ).

Онъ не придетъ, онъ не придетъ,
Его мы больше не увидимъ.

Нѣтъ! умеръ онъ,
Похоронень!

Его мы больше не увидимъ!

* * *

*

Вѣтъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили;
Онъ плачутъ, какъ печаль моя, тоска!

Не плачьте, не плачьте, молитесь объ немъ —
Покой его, Боже мой! праведныхъ сномъ! ²¹⁾

И души всѣхъ, кто умеръ... Молитесь за него и — Богъ съ вами!

(Уходитъ).

Лаертъ. О Боже мой! ужели ей погибнуть?
Кор. Лаертъ! твою печаль я раздѣляю,
И ты отдашь мнѣ справедливость — удалимся.
Мнѣ надобно съ тобою говорить.
Возьми съ собой друзей, когда боишься
Коварства — пусть они судьями будутъ
Между тобой и мной, и если обвинятъ
Они меня — готовъ мою корону,
И жизнь, и все отдать тебѣ возмездьемъ.
Но если правъ я буду — согласись
Соединить тогда свои со мною силы
На мщенье нашему врагу!

Лаертъ. Да, будетъ такъ!
Безвѣстная родителя кончина,
Его забвенный гробъ, его могила,
Безъ украшеній, памяти достойной,
И погребеніе безъ почестей приличныхъ —
Все вопіеть о мщеньи — небо и земля
Велятъ мнѣ требовать отчета!

Кор. И отчетъ
Я дать тебѣ готовъ, и на главу
Виновнаго падеть съкира казни!
Иди за мной.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Гораціо).

Гор. (одинъ) ²²). Письмо Гамлета! Что такое,
Что пишетъ онъ — ко мнѣ и Королю?

„Когда ты получишь это письмо, Гораціо, знай, что вскорѣ меня увидишь.
Странное обстоятельство сдѣлало то, что я не поѣхалъ въ Англію, куда безъ
меня отправились Розенкранцъ и Гильденштернъ. Прилагаемое письмо отдай
королю. Я расскажу тебѣ много чудесъ.

Гамлетъ.”

Что это значить? Я не постигаю!

Кор. и *Лаертъ* (возвращаются).

Теперь, ты возвращаешь ли мнѣ дружбу,
Лаертъ? Ты понялъ ли, что мнѣ грозила
Такая же опасность, и я могъ
Погибнуть вмѣсто твоего отца?

Лаертъ. Я вижу, вѣрю, но еще не понимаю,
Какъ вы могли злодѣйству попустить
Быть ненаказаннымъ, когда опасность вамъ
Грозила гибелью...

Кор. Двѣ важныя причины.
Я объяснялъ тебѣ, *Лаертъ*, и повторю:

Гамлета любить Королева; жизнь ея
Такъ связана съ сыновней жизнью,
Что смерть его была-бъ ей приговоромъ.
Ничто ее не сильно удержатъ
Ему пожертвовать другими. Онъ любимъ
Народомъ. Безразсудная толпа
Могла вступиться за Гамлета, и стрѣла
Могла пронзить того, кто смѣлъ бы бросить
Ее въ отмщеніе виновному.

Лаертъ. Отецъ!

И такъ твоя безславная кончина
Не будетъ отмщена! И ты, сестра моя,
Ты, Божіе прекрасное созданье,
Погибла безъ отмщенья... Нѣтъ! ничто, ничто
Мой гнѣвъ не укротитъ — убійцу
Я отыщу за дальними морями...

Гор. (приближается) ²³).

Король, позвольте мнѣ... Письмо Гамлета.

Кор. Письмо Гамлета? Кто принесъ его?

Гор. Съ кѣмъ прислано письмо — мнѣ неизвѣстно.

Быть можетъ, принцъ самъ это объясняетъ.

Кор. Лаертъ! ты слышишь ли? — Гораціо! ты можешь
Оставить насъ.

Гор. Я поспѣшу на встрѣчу принца.

(Уходитъ).

Кор. Онъ здѣсь! Но гдѣ же посланные съ нимъ?

Мнѣ непонятно. Выслушай письмо:

„Нагой и одинокій возвращаюсь я въ королевство отца моего, ваше и матери
моей королевство. Лично буду я имѣть честь рассказать вамъ всѣ обстоятельства
моего страннаго возвращенія“.

Лаертъ. Его ли почеркъ?

Кор. Да, рука Гамлета.

Лаертъ! теперъ совѣтуй, говори, скажи,
Что дѣлать мнѣ? Такъ — праведному мщенью
Судьбу Гамлета я готовъ отдать!

Лаертъ. Пусть онъ придетъ, пусть явится, и смѣло
Я стану передъ нимъ, скажу ему:

„Убійца!“

Кор. Только?

Лаертъ. Жребій пусть рѣшитъ,

Кому изъ насъ погибнуть въ битвѣ!

Кор. Жребій — слѣпецъ! Но мы ему поможемъ,
И мщенье вѣрное не промахнется.

Ударъ падеть, куда назначень онъ.
Лаертъ! твоя довѣренность ко мнѣ
Необходима — замысель въ душѣ
Таимый я тебѣ открою!

Лаертъ. Вѣрьте,
Что я слѣпымъ орудьемъ вашимъ буду!

Кор. Ты согласишься — судъ и казнь Гамлета
Мнѣ невозможны. Средство есть одно:
Мы слышали, что ловкій ты боець,
Что въ самой Франціи не могъ ты встрѣтить
Соперника, достойнаго тебя.
Гамлетъ давно желалъ помѣряться съ тобою
Въ искусствѣ биться.

Лаертъ. Дайте мѣсто намъ,
И мечъ мой, вѣрный мой товарищъ, сыщеть,
Гдѣ бьется сердце моего врага!

Кор. Ты забываешь, что кровавый бой
Здѣсь невозможенъ — санъ и отношенья
Мнѣ не позволять вамъ согласья дать.

Лаертъ. Какъ?

Кор. Еслибъ я-и могъ тебѣ дозволить,
Кто знаетъ, кто падеть изъ васъ двоихъ?
И мщенье-ль будетъ, казнь ли будетъ этотъ бой?

Любилъ ли ты отца, скажи, Лаертъ?
Убійцѣ казнь готовъ ли ты воздать?

Лаертъ. О! палачемъ его готовъ я быть!

Кор. Довольно!

Скрой ненависть въ присутствіи другихъ;
Пусть возвращается Гамлетъ, а я устрою
Возможность вамъ помѣряться въ бою,
Друзьями, какъ соперникамъ въ искусствѣ.
Я съ нимъ держу закладъ противъ тебя,
И — онъ погибнетъ!

Лаертъ. Какъ погибнетъ?

Кор. Да — въ смертельный ядъ
Я мечъ твой обмочу — довѣрчивый Гамлетъ
Проникнуть хитрости не можетъ, и прикосновеньемъ
Однимъ ты смерть Гамлету нанесешь...

Лаертъ. Убійство тайное!

Кор. Нѣтъ! не убійство — месть
Преступнику, который внѣ закона!
И смерть отца ты отомстишь, Лаертъ,
И жизнь мою тогда обезопасишь,

И преступленью казнь ты совершишь!
Но, шумъ! Сюда идетъ поспѣшно королева ²⁴).
Она — Гамлета мать! Лаертъ — молчанье!
Что съ тобой, Гертруда?

Кор-ва. Горе
За нами неотступно по слѣдамъ.
Лаертъ! твоя сестра погибла!

Лаертъ. Какъ? Погибла!

Кор-ва. Погибла — утонула!

Лаертъ. Праведное небо!

Кор-ва. Тамъ, гдѣ на воды ручья склоняясь, ива
Стоитъ и отражается въ водахъ,
Офелія плела вѣнки и пѣла.

Вѣнки свои ей вздумалось развѣсить

На ивѣ — гибкій обломился сукъ,

И въ воду бѣдная упала, и въ водѣ,

Не чувствуя опасности и смерти,

Все пѣла и вѣнки свои плела,

Пока ея одежда не промокла,

И бѣдную не повлекло на дно... ²⁵).

Лаертъ. И утонула?

Кор-ва. Утонула, утонула!

Лаертъ. О бѣдная Офелія, сестра! Не плачу я —

Боюсь, чтобы слезами не залить мнѣ

Той злобы, пламенемъ въ груди горящей...

Нѣтъ! слезы потекли изъ глазъ моихъ —

Я долженъ скрыть ихъ...

(Уходитъ).

Кор. Поспѣшимъ, Гертруда!

Съ трудомъ я злобу укротилъ его,

Она возникнуть снова можетъ — поспѣшимъ!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Кладбище. Входятъ два могильщика, съ заступами. Одинъ начинаетъ рыть могилу.

Первый могильщикъ. Да, развѣ ее будутъ хоронить, какъ порядочнаго человѣка, когда она самовольно отправилась на тотъ свѣтъ?

Второй могильщикъ. Разумѣется — копай скорѣе могилу; судьи ужъ разсудили, что ее должно похоронить какъ водится.

Перв. Да, какъ же это, когда она утопила тѣло свое добровольно?

Втор. Открылось, что невольно.

Перв. Да, ужъ все повольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я топлю свое тѣло — такъ — дѣло, а дѣло дѣлаетъ — собственно дѣло, потомъ производство дѣла и исполненіе дѣла. Ну! какъ хочешь — она утопилась добровольно.

Втор. Послушай-ка, товарищъ.

Перв. Погоди! — Вотъ рѣка — такъ; тутъ человѣкъ — такъ; если человѣкъ пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ — споръ онъ или не споръ — онъ пошелъ — видишь ли? Онъ, а не она! Вотъ еслибы она пошла, такъ вышло бы, что она утонула, и выходитъ, что тотъ не виноватъ въ своей смерти, кто не покушался на смерть.... А?

Втор. Ну, а по закону?

Перв. По закону? Ну — да, такъ и есть — я объ законѣ-то и говорю.

Втор. Ахъ не такъ! Она была благородная, а потому и хоронится благородно.

Перв. Какъ? Ну, да, то-то и жаль, что кто посильнѣе, такъ ему и утопиться-то не плохо. Товарищъ, заступь! за работу! Чортъ побери — нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію, какъ садовникъ, землекопъ, да могильщикъ — у нихъ самое старинное ремесло, Адамово занятіе!

Втор. А развѣ что старше, то и лучше?

Перв. Разумѣется. — Экой безтолковый!

Втор. Такъ стало осель лучше меня, когда онъ старше меня?

Перв. А вотъ я тебя спрошу — отвѣчай.

Втор. Послушаемъ.

Перв. Что всего прочнѣе на свѣтѣ строится?

Втор. Что прочнѣе? Висѣлица — она переживаетъ всѣхъ своихъ жителей.

Перв. За это стоило бы тебя самого на висѣлицу. Видишь ты, умникъ: кто худо дѣлаетъ, тому хорошо идетъ висѣлица, а ты про худое говоришь хорошо, стало тебѣ надо худо. Да, отвѣчай-ка мнѣ на вопросъ!

Втор. На вопросъ? То есть, что прочнѣе всего на свѣтѣ строится?

Перв. Да, отвѣчай, и только.

Втор. Изволь — знаю....

Перв. Такъ говори!

Втор. Пожалуй.... Право, братъ, не знаю — дай подумать.

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо).

Перв. Не ломай головы до пустякамъ — лѣнивому ослу палкой не прибавишь ходу. Когда тебя спросятъ, что всего прочнѣе строится на свѣтѣ — отвѣчай: гробъ, потому что его строятъ человѣку на жизнь во вѣки вѣковъ. — Ступай-ка, да принеси винца.

(Одинъ могильщикъ уходитъ; другой остается, роетъ могилу и поетъ).

Лихой, удалый я бывальъ.

Любилъ играть и пѣть;

Теперь и старъ и хилъ я сталъ —

Пришлось не пѣть — кряхтѣть!

Гам. Понимаетъ ли этотъ болванъ, что онъ дѣлаетъ? Рыть могилу и — пѣть!

Гор. Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ своему занятію.

Гам. Правда. Когда руки заняты работою, о головѣ не думаютъ.

Могил. (поетъ).

Брела хрычевка съ костылемъ,
Не радъ — иди встрѣчай,
И сталь я старымъ дуракомъ,
А молодость — прощай!

(Выбрасываетъ черепъ).

Гам. У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ! Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швыряютъ теперь — составлялъ голову великаго политика, или человѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ — не правда ли?

Гор. Можетъ быть, принцъ.

Гам. Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: „Здравствуйте, М. Г., все ли вы въ добромъ здоровьи, М. Г.“ — Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

Гор. Да, принцъ.

Гам. Да, конечно, да, и — вотъ теперь, добыча г-на червяка, беззубая, разбитая заступомъ дурака могильщика — вотъ она, эта великая голова! Славная перемѣна, достойная того, чтобы объ ней подумать! Неужели эти черепы ни на что болѣе не годятся, какъ для игры въ кегли? Отъ этого трещить мой черепъ!

Могил. (поетъ).

Съ могилой люди споръ ведутъ —
Вотъ то-то и оно!
Живи, живи, а умирать
Придется всѣмъ равно.

(Выкидываетъ черепъ).

Гам. Еще черепъ! Почешу не можетъ быть это черепъ законовѣдца? Гдѣ теперь его законы, выписки, розыски, дѣла и ябеды? Какъ терпитъ онъ теперь обиду отъ заступа этого негодяя и грубіяна? Что не подастъ на него жалобу? Ха, ха, ха! Можетъ быть, это былъ мастеръ пріобрѣтать большія имѣнія, чинить записи, вводы во владѣнія, обезпеченія на неустойку. И конецъ всѣхъ пыльных бумагъ его тотъ, что черепъ его набить пылью, и всѣ его записи ввели его во владѣніе земли не длиннѣе двухъ листовъ пергамента, на которыхъ онъ писывалъ ихъ, и изъ всѣхъ его владѣній ему не оставляютъ даже и гроба — и его не оставитъ онъ наслѣднику!.... Увы!

Гор. Общая участь!

Гам. Пергаментъ дѣлается вѣдь изъ бараньей кожи?

Гор. Да, и изъ телячьей также.

Гам. Телята и бараны тѣ, кто полагается на прочность написаннаго на ихъ кожѣ! Мнѣ хочется поговорить съ этимъ могильщикомъ. — Эй, ты, дуралей! Чья эта могила?

Могил. Моя. (Поетъ).

Живи, живи, а умирать

Придется всѣмъ равно!

Гам. Разумѣется, твоя, потому что ты ее роешь. Да кто въ ней будетъ?

Могил. Не вы, сударь, это вы видите, потому что вы не въ могилѣ, да и не я, хоть я и въ могилѣ.

Гам. Не копай глупостей изъ могилы, пріятель!

Могил. О, я не копаю, а закапываю ихъ.

Гам. Скажи, для какого человѣка эта могила?

Могил. Не для человѣка, сударь, она.

Гам. Ну, такъ для женщины?

Могил. И не для женщины.

Гам. Да, кого-жъ схоронять тутъ?

Могил. Того, кто была женщина, а теперь — такъ, дрянъ, ни то, ни сѣ!

Гам. Каковъ удалецъ? Съ нимъ не скоро дороешься толку. Право, Гораціо, свѣтъ поумнѣлъ, такъ что теперь мужикъ ступаетъ на ногу дворянину и извиняться не думаетъ! Давно ли ты могильщикомъ?

Могил. Съ тѣхъ поръ, какъ покойный король нашъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гам. А давно ли это было?

Могил. Будто вы не знаете? И дуракъ вамъ скажетъ, что въ тотъ годъ родился принцъ Гамлетъ, вотъ что теперь сдѣлался дуракомъ и посланъ въ Англію.

Гам. А для чего же его послали въ Англію?

Могил. Для чего? Для того, что онъ дуракъ, и тамъ поумнѣетъ, а если и не поумнѣетъ, такъ не велика бѣда.

Гам. Почему же?

Могил. Потому, что между дураками однимъ больше или меньше — все равно.

Гам. Какъ же это онъ сдѣлался дуракомъ?

Могил. Очень чудно, говорятъ.

Гам. Очень чудно?

Могил. Да, чудно. Потерялъ то, чего у него не было.

Гам. Но на чемъ же онъ помѣшался?

Могил. Вѣроятно, на землѣ, на которой мнѣ суждено рыть могилы, а ему быть дуракомъ.

Гам. Въ сколько времени человѣкъ сгниваетъ въ могилѣ?

Могил. Если не подгнилъ немножко живой, такъ лѣтъ въ восемь или девять. Кожевникъ, вѣрно, пролежитъ девять.

Гам. Почему же кожевникъ долѣе другихъ?

Могил. Потому что его кожа выдѣляется заживо и не боится воды, а вода хуже всего портитъ этихъ дураковъ мертвыхъ. Вотъ черепъ, который пролежалъ въ землѣ лѣтъ двадцать.

Гам. А чей это?

Могил. Одного шалуна. Ну, чей бы вы думали?

Гам. Право, не знаю.

Могил. Чортъ его побери, негодяя! Онъ облилъ меня виномъ однажды. Это черепъ Юрика, бывшего шута королевскаго.

Гам. Эготь?

(Береть черепъ).

Могил. Да.

Гам. Ахъ! бѣдный Юрикъ! — Зналъ я его, Гораціо: это былъ весельчакъ и умница. Сколько разъ нашивалъ онъ меня на рукахъ, а теперь какой отвратительный видъ! Тутъ были губы, которыя цѣловали меня. Гдѣ теперь твои шуточки, твои остроты, твои пѣсенки, все, что такъ громко заставляло хохотать другихъ? Неужели не осталось ни одной, хоть посмѣяться надъ самимъ собою, какую глупую рожу ты дѣлаешь? Ни слова? Что, не пойдешь ли ты расхвалить какуюнибудь красавицу? Разсмѣшить ее? — Послушай, Гораціо!

Гор. Что угодно, принцъ?

Гам. Неужели и голова Александра Македонскаго теперь такая же?

Гор. Да, принцъ.

Гам. И такъ же пахнетъ могилой? Пфуй?

(Бросаетъ черепъ).

Гор. Такъ же, принцъ.

Гам. И до чего можемъ мы унизиться, Гораціо! И почему благородному праху Александра Македонскаго не быть замазкой какойнибудь хижины?

Гор. Это, кажется, невѣроятно.

Гам. Что же тутъ невѣроятнаго? Почему не разсуждать такъ: онъ умеръ, онъ погребенъ, онъ сдѣлался прахомъ... прахъ — земля...земля — глина...глина употребляется на замазку стѣнъ.

Великолѣпный Цезарь нынѣ прахъ и тлѣнъ

И на поправку онъ истраченъ стѣнъ.

Живая глина землю потрясала,

А мертвая замазкой печи стала!

Но, тише, тише! Вотъ король!

Несутъ гробъ Офеліи. ЛАЕРТЬ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА И СВИТА
КОРОЛЕВСКАЯ.

Гам. Король и королева, Дворъ — что это значить?

Лаертъ, и такъ печалень?

(Гробъ опускають въ могилу ^к).

Лаертъ. Миръ тебѣ, сестра!

Да расцвѣтутъ цвѣты, и да украсятъ

Твой холмъ могильный!

Гам. Какъ? Офелія? Что слышу!

Кор-ва. Прости, Офелія! Мечтала прежде я,

Что счастье моему Гамлету ты составишь;

Тебѣ къ вѣнцу готовила цвѣты,

И ихъ на гробъ печальный твой бросаю!

Лаертъ. Проклятіе, проклятіе убійцѣ!

Не зарывайте гроба — дайте насмотрѣться —

Засыпьте и меня съ моей сестрою!

Гам. (приближается). Кто хнычетъ тутъ? Кто смѣетъ плакать?

Лаертъ (бросается на него). Будь проклятъ ты, убійца.

Гам. Тише, тише!

Зачѣмъ за горло схватывать меня!

Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

Кор. Остановите ихъ!

Кор-ва. Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

Гам. Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ!

Онъ хочетъ удивить меня печалью —

Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ

Любить не могутъ!

Кор-ва. Онъ съ ума сошелъ!

Гам. Чего ты хочешь? Плакать, драться, умирать,

Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!

Да, я на все готовъ, на все, на все —

Получше брата я ее любилъ...

(Онъ уходитъ поспѣшно).

Кор. Послѣдуйте за нимъ — онъ помѣшался.

Не плачь, Гертруда! — Мы еще увидимъ

Дни счастья... Помнишь ли нашъ разговоръ, Лаертъ?

Теперь его исполнить время будетъ.

(Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И ГОРАЦІО ²⁷).

Гам. Да, я ихъ обманулъ, Гораціо, я отвратилъ погибель

И обратилъ ее на голову злодѣевъ.

Безумцемъ притворяясь, было мнѣ легко
Похитить грамоты, ихъ прочитавъ, поддѣлать.
По счастью, у меня была печать
Отца покойнаго; печатью этой
Я запечаталъ — хочешь ли ты знать,
Что было въ грамотахъ?

Гор. Принцъ, я желалъ бы...

Гам. Приказъ — казнить меня не медля! Не дивись,
Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцъ у сь Гидьденштерномъ,
Я написалъ взаимно ихъ казнить,
Едва они достигнутъ Англійской земли.
Пускай они увидятъ, какъ опасно
Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый
Бой начался межъ сильными людьми!

Гор. Онъ не король — злодѣй!

Гам. Съ нимъ рѣшено теперь:

Убійца моего отца, престола хищникъ
И матери моей безчестный соблазнитель,
Коварно умышлявшій погубить меня,
Погибнуть долженъ — совѣсть мнѣ велитъ
Казнить злодѣя — преступленье будетъ
Его оставить на позоръ земли.

Гор. Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу.

Гам. Онъ не успѣетъ разгадать — его минуты
Изочтены. — Но совѣстью теперь тревожусь я
За оскорбленіе Лаерта — я забылся,
Я долженъ былъ печаль его уважить —
Его судьба моей судьбѣ подобна...

Гор. Сюда идутъ. Принцъ! Тише, ради Бога!

Осрикъ (входитъ). Свѣтлѣвшій принцъ! мое нижайшее поздравленіе съ
возвратомъ въ Данію.

Гам. Усердно благодарю. — Ты знаешь ли этого жука, Гораціо?

Гор. Нѣтъ, принцъ.

Гам. Тѣмъ лучше для тебя — стыдно знать его. Онъ богатъ, да пусть скотина
владѣетъ скотами и вмѣсто конюшни ходитъ за королевскій столъ — а между
тѣмъ у этого попугая много въ обладаніи грязи, что люди называютъ землею.

Осрикъ. Свѣтлѣвшій принцъ! если имѣете досугъ выслушать, что я буду
имѣть честь сообщить.

Гам. Со всевозможною охотою. Да, употребите шляпу вашу для того, на что
она сдѣлана — надѣньте ее на голову.

Осрикъ. Всепокорнѣйше благодарю — тепло!

Гам. Нѣтъ, очень холодно. Вѣтеръ отъ сѣвера.

Осрикъ. Да, принцъ — ужасный холодъ!

Гам. Нѣтъ, буря и жарко — мнѣ такъ кажется!

Осрикъ. Чрезвычайно, принцъ — такой вѣтеръ, такой жаръ, что сказать нельзя! Принцъ, король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ...

Гам. Да надѣньте же вашу шляпу.

Осрикъ. Повѣрьте, принцъ, что мнѣ такъ лучше, и вы слишкомъ добры. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, что Лаертъ возвратился изъ Франціи, и клянусь, что это совершенство молодыхъ людей, полнота отличнѣйшихъ качествъ, красавецъ, ловкій — истинно, говоря безъ лести, образецъ, компасъ юношамъ, потому что въ немъ находите все, что только составляетъ совершенство молодыхъ господъ!

Гам. ОНѢ ничего не теряетъ въ вашемъ изображеніи, хоть я увѣренъ, что никакой ариѳметики не достанетъ исчислить всѣ его достоинства. Безъ всякой лести сказать — только зеркало можетъ изобразить его похоже на него, а все другое выразить только тѣнь его!

Осрикъ. Вы говорите сущую правду, принцъ!

Гам. Положимъ, что такъ. Но для чего же мы наряжаемъ его въ наши похвалы?

Осрикъ. То есть?

Гор. То есть, нельзя ли какъ нибудь говорить иначе?

Гам. И объяснить, для чего мы говоримъ.

Осрикъ. О Лаертѣ?

Гам. Да. Мнѣ очень извѣстно, что кошелекъ вашего краснорѣчія неистоцимо набить червонцами, но размѣняйте ихъ на простую монету.

Осрикъ. Принцъ! вамъ, конечно, извѣстно должно быть...

Гам. Оставимъ — что мнѣ извѣстно или неизвѣстно — въ чемъ дѣло?

Осрикъ. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, принцъ, что Лаертъ превосходитъ...

Гам. Да, почему мнѣ знать его превосходство, сдѣлайте милость?

Осрикъ. Я хотѣлъ только сказать, что онъ превосходитъ въ искусствѣ биться на шпагахъ и сабляхъ.

Гам. Что-жъ изъ этого?

Осрикъ. Королю угодно было удариться съ нимъ объ закладъ — шесть превосходныхъ коней со стороны его величества, и шесть чудныхъ, драгоцѣнныхъ кинжаловъ и шесть шпагъ со стороны Лаерта. — что изъ двѣнадцати разъ онъ не дастъ вамъ трехъ ударовъ, а онъ бился, что изъ девяти дастъ вамъ три. — Споръ такъ горячо начался, что король прислалъ меня узнать: угодно ли и когда вамъ угодно назначить время для испытанія?

Гам. (задумчиво). А если я не соглашусь?

Осрикъ. Закладъ останется такъ.

Гам. Зачѣмъ ему такъ оставаться. Скажите королю, что я согласенъ. Пусть принесутъ рапиры, и я постараюсь выиграть его величеству шесть шпагъ и шесть кинжаловъ.

Осрикъ. Такъ прикажете мнѣ сказать?

Гам. Да, разумѣется — только украсьте смыслъ цвѣтами вашего краснорѣчія.

Осрикъ. И вамъ угодно, принцъ, приступить къ рѣшенію немедленно?

Гам. Хоть сію минуту.

Осрикъ. Король, королева и весь Дворъ поспѣшаютъ на зрѣлище столь увлекательное.

Гам. Очень радъ.

Осрикъ. Ея величество проситъ васъ прежде всего сказать Лаерту нѣсколько примирительныхъ словъ.

Гам. И это исполню.

Осрикъ. Препоручаю себя вашему вниманію.

(Уходитъ).

Гор. Принцъ! я боюсь — вы проиграете закладъ.

Гам. Не думаю. Владѣть шпагою могу я порядочно. Но, Гораціо... Ты не можешь себѣ вообразить... Мнѣ такъ грустно, такъ грустно... Да, оставимъ это!

Гор. Для чего же, принцъ?

Гам. Это вздоръ. Только женщину могутъ пугать предчувствія.

Гор. Если душа ваша чтонибудь вамъ подсказываетъ, не презирайте этимъ увѣдомленіемъ души. Я пойду извѣстить, что вы теперь не расположены.

Гам. Нѣтъ! это глупость. Презримъ всякія предчувствія. Безъ воли Провидѣнія и воробей не погибнетъ. Чему быть сегодня, того не будетъ потомъ. Чему быть потомъ, того не будетъ сегодня — не теперь тому быть, такъ послѣ. Быть всегда готову — вотъ все! Если никто не знаетъ того, что съ нимъ будетъ — оставимъ всему быть такъ, какъ ему быть назначено.

(Онъ задумывается).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЕРТЪ, ОСРИКЪ, ПРИДВОРНЫЕ, ПРИДВОРНЫЯ,
СТРАЖА.

Торжественный маршъ.

Кор. Гамлетъ! дай руку — я ее Лаерту передамъ.

(Онъ складываетъ руки Лаерта и Гамлета).

Гам. Лаертъ! рука моя и просьба о прощеньи.

Не я, безуміе мое причиной было,

Что оскорбилъ Гамлетъ Лаерта. Все равно,

Какъ бы нечаянно стрѣлой сразилъ я друга,

Такъ оскорбилъ и я тебя...

Лаертъ. Довольно, принцъ.
Пусть насъ разсудятъ, пусть рѣшатъ обиду,
Но я готовъ забыть ее, и здѣсь
Встрѣчаю я привѣтомъ дружбы и почтенья
Готовность вашу прекратить вражду.
Гам. Довольно. Дайте намъ рапиры — я готовъ.

Лаертъ. И я!

Гам. Я чучелой тебѣ согласенъ быть.
Моя неловкость, при твоёмъ искусствѣ,
Побѣду вѣрную тебѣ даетъ.

Лаертъ. Вы насмѣхаетесь!

Гам. Нѣтъ!

Кор. Дайте имъ рапиры.

Закладъ тебѣ извѣстенъ ли, Гамлетъ?

Гам. Да, да!

Вы проиграете — и это мнѣ извѣстно.

(Они выбираютъ рапиры).

Кор. Гамлетъ! я приказалъ, чтобы твою побѣду
Громъ пушекъ возвѣщалъ, и каждый разъ
Я буду пить твое здоровье. Кубки здѣсь
Поставьте. Въ каждый кубокъ я бросаю
Жемчужины, какихъ дороже нѣтъ у насъ
Въ сокровищницѣ королевской. Начинайте!

(Кубки ставятъ на столъ. Въ одинъ изъ нихъ король
сыплетъ ядъ).

Гам. Готово ли?

(Беретъ одну рапиру и обращается къ королю.
Лаертъ подмѣниваетъ другую рапиру).

Кор. Внимательнѣе наблюдайте за ударомъ,
И доносите мнѣ немедленно. Надежда
Насъ не обманетъ на успѣхъ!

(Гамлетъ и Лаертъ бьются).

Гам. (останавливаясь). Ударъ!

Лаертъ. Нѣтъ!

Гам. Судьи! говорите!

Осрикъ п друг. Да, ударъ, ударъ безспорно!

Лаертъ. Пусть такъ будетъ — продолжимъ!

Кор. Остановитесь!

Я пью Гамлетово здоровье!

(Трубы и пушечные выстрѣлы).

Гамлетъ! бери свой кубокъ!

(онъ подаетъ ему кубокъ).

Гам. Нѣтъ! прежде кончимъ дѣло!

(Сражаются. Король ставит кубокъ на столъ).
Вотъ ударъ еще!

Лаертъ. Да, признаюсь!

Кор. Побѣда, мой Гамлетъ!

Кор-ва. Твое здоровье,

Мой сынъ, я пью!

(Беретъ кубокъ).

Кор. Нѣтъ, нѣтъ! не пей, Гертруда!....

Кор-ва. Здоровье сына моего!

(Пьетъ).

Кор. (въ сторону). Она погибла! Въ кубкѣ ядъ!

Кор-ва. Раздѣлимъ кубокъ, мой Гамлетъ!

Гам. Благодарю!

Сперва окончимъ споръ.

Лаертъ. Ударъ Гамлету!

Гам. Нѣтъ!

(Бьются сильнѣ).

Мнѣ кажется, ты шутишь,

Лаертъ — играешь, а не бьешься!

Лаертъ. Я шучу?

Увидимъ!

(Онъ ранитъ Гамлета).

Гор. Что это? принцъ ранень!

(Гамлетъ выбиваетъ рапиру у Лаерта и бросаетъ свою. Лаертъ, въ бѣшенствѣ, схватываетъ его рапиру. Гамлетъ беретъ Лаертову. Бьются).

Кор. Стойте!

Довольно — разнимите ихъ!

(Королева лишается чувствъ).

Осрикъ. Что съ королевой?

Кор. Она, конечно, испугалась!

Лаертъ. Что это? Я ранень —

Гамлетъ моей рапирой бился — я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ).

Гам. Мать моя! ты испугалась за меня.

Кор-ва. Нѣтъ! ядъ,

Ядъ въ кубкѣ былъ — ядъ — о мой милый сынъ!

(Умираетъ).

Гам. Злодѣйство! Запирайте двери! Никого не выпускать,
Искать злодѣя.

Лаертъ (падаетъ). Онъ передъ тобою,

Гамлетъ! Ты ранень на смерть —

Ядъ въ твоей крови — я умираю за измѣну —

Рапира — была — отравлена — въ твоихъ рукахъ
Орудіе погибели обоихъ —
Тебя и королеву погубилъ —
Король... Король....

Гам. Ядъ! на работу!

(Колеть короля).

Кор. Помогите!

Осрикъ и другіе. Измѣна!

Гам. Что — скажи: каковъ мой кубокъ,
Убійца, отравитель? Пей мою погибель!

(Король падаетъ и умираетъ).

Лаертъ. Онъ заслужилъ погибель — онъ насъ погубилъ!

Прости, Гамлетъ, мнѣ смерть твою, прости!

Какъ я тебѣ прощаю смерть отца!

(Умираетъ).

Гам. Усни спокойно! — Смерть! Такъ, вотъ она,

Гораціо?... А вы, свидѣтели злодѣйства,

Вы, блѣдные, трепещущіе люди!

Когда бы смерть языкъ мой не вязала,

Я вамъ сказалъ бы.... Смерть неумолима!

Гораціо! ты оправдаешь предъ людьми меня...

Гор. Нѣтъ! въ кубкѣ есть остатокъ, и — онъ мой!

Гам. Нѣтъ, нѣтъ, Гораціо, ты долженъ жить,

Ты долженъ оправдать Гамлета имя!

Ты имъ расскажешь страшныя дѣла,

Гамлета имя ты спасешь отъ поношенья....

(Слышеть маршъ) ²⁸).

А! это возвращенье Фортинбраса —

Судьба ему передаетъ вѣнецъ —

Гораціо! ты все ему расскажешь....

(Умираетъ).

Гор. И разорвалось доблестное сердце!

Примите, ангелы, въ блаженство ваше

Его, достойнаго блаженной жизни!

Фортинбрасъ (входитъ). Какое зрѣлище! Какой кровавый пиръ!

Смерть торжествуетъ страшную побѣду....

Гор. Привѣтъ мой принцу! Я отчетъ отдамъ тебѣ

Въ дѣлахъ неслыханныхъ, кровавыхъ, страшныхъ,

Въ погибели виновныхъ и невинныхъ,

Судьбы рѣшеніяхъ, для насъ непостижимыхъ,

И голось я передаю тебѣ Гамлета,

Которымъ онъ тебѣ вѣнецъ свой отдаетъ.

Фортинбр. Прискорбный даръ умершаго приѣмлю.

Слезами память мы почтимъ Гамлета,
И почестъ воздадимъ умершимъ погребеньемъ.

(Слышна унылая музыка).

(Занавѣсъ опускается).

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Приводимъ по полнымъ переводамъ „Гамлета“ тѣ мѣста, которыя у Полевого сокращены, переименованы или совсѣмъ пропущены (см. Предисловіе). Цифры соотвѣтствуютъ цифрамъ, поставленнымъ въ текстъ перевода Полевого и указывающимъ пропуски и проч.

1) *Берн.* Ему пѣтухъ отвѣтитъ помѣшалъ.

Гор. И вздрогнулъ онъ, какъ грѣшное творенье

При воплѣ ужаса. Я слышалъ, что пѣтухъ,

Трубачъ зари, своего звонкой пѣснью

Сгоняетъ сонъ съ очей дневного бога

И по его пронзительному крику

Изъ водъ, огня, эфира и земли

Стекаются блуждающіе духи

Въ свою страну — и истину повѣрять

Намъ доказалъ мертвецъ, насъ посѣтившій.

Марц. Онъ вдругъ исчезъ при крикѣ пѣтуха.

Вотъ, говорятъ, что въ ночь на Рождество,

Когда мы ждемъ Спасителя явленье,

Вплоть до зари поетъ предвѣстникъ утра.

Тогда блуждать не смѣютъ привидѣнья:

Та ночь чиста, созвѣздія безвредны;

И лѣшій спить, и вѣдьмы не колдуютъ:

Такъ эта ночь свята и благодатна.

Гор. Да, слышалъ я и вѣрится отчасти.

Но вотъ и Фебъ въ пурпуровой одеждѣ

Идетъ на холмъ по жемчугу росы.

Пора. Оставимъ постъ, идемъ, идемъ!

И мой совѣтъ — видѣнье этой ночи

Гамлету рассказать. Клянусь вамъ жизнью,

Духъ нѣмъ для насъ, но съ нимъ заговорить!

Согласны-ль вы сказать объ этомъ принцу,

Какъ намъ велятъ и долгъ нашъ, и любовь?

2) *Лаертъ.*

Нѣтъ.

Природа въ насъ растетъ не только тѣломъ:

Чѣмъ выше храмъ, тѣмъ выше возникаетъ

Души и разума святая служба.

Онъ, можетъ быть, теперь тебя и любить:

Обманъ и зло еще не запятнали

Въ немъ добродѣтели души; но бойся:

Какъ первый принцъ, онъ не имѣетъ воли,

Онъ рабъ происхожденья своего;

Не можетъ онъ, какъ мы, простые люди,
Избрать подругу по сердцу себѣ:
Съ избраніемъ ея сопряжены
Упадокъ силъ иль счастье государства —
И потому души его желанья
Ограждены согласіемъ людей,
Которымъ онъ глава. И если снова
Онъ о любви съ тобой заговоритъ,
Умно ты сдѣлаешь, когда не больше
Повѣришь страстному его признанью,
Какъ сколько можетъ онъ осуществить
Свои слова: не больше, чѣмъ позволить
Всеобщій голосъ датскаго народа.
Обдумай, сколько пострадаетъ честь,
Когда твой слухъ къ его любовной пѣснѣ
Довѣрчиво прильнетъ, когда ты сердце
Ему отдашь — и бурное стремленье
Похититъ скромности твоей алмазь.
Страшись, Офелія! страшись, сестра!
Подальше отъ опаснаго желанья,
Отъ вспышки склонности твоей.
Изъ дѣвъ чистѣйшая ужъ не скромна,
Когда лунѣ ея открыта прелесть.
Отъ клеветы и святость не уйдетъ.
Дѣтей весны не рѣдко истребляетъ
Червякъ, когда еще закрыта почка;
И въ молодости утро на росу
Опасно вѣетъ ядовитый вѣтеръ.
Смотри-жь, сестра, остерегайся! Страхъ —
Ограда отъ бѣды; а наша юность
И безъ враговъ въ борьбѣ сама съ собой.

3) А долгъ есть ядъ въ хозяйственномъ разчетѣ.
Но главное: будь вѣренъ самому себѣ,
И, слѣдственно, какъ дважды два — четыре,
Ни передъ кѣмъ не будешь ты фальшивъ.

4) Гам. Да, конечно такъ —
И я къ нему, какъ здѣшній уроженецъ,
Хоть и привыкъ, однако же по мнѣ
Забить его гораздо благороднѣй,
Чѣмъ сохранять. Похмѣлье и пирушки
Мараютъ насъ въ понятіи народа:

За нихъ зовуть насъ Бахуса жрецами
И съ нашимъ именемъ соединяють
Прозванье черное. Сказать по правдѣ,
Всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ
Смываетъ съ насъ вино. Такую участь
Несеть и частный человѣкъ; его,
Когда онъ заклеимъ пятномъ природы,
Какъ, напимѣрь, не въ мѣру пылкой кровью,
Берущей верхъ надъ силою ума —
Въ чемъ и невиненъ онъ: его рожденье
Есть случай безъ разумной воли —
Или привычкою, которая, какъ ржа,
Съѣдаетъ блескъ поступковъ благородныхъ,
Его, я говорю, людское мнѣнье
Лишитъ достоинства; его осудятъ
За то, что въ немъ одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо слѣпой природы
И самъ онъ будь такъ чистъ, какъ добродѣтель,
Съ безмѣрно благородною душой.
Пылинка зла уничтожаетъ благо.

5) Какъ добродѣтели не обольститъ
Развратъ, хоть будь онъ въ одѣяньи неба,
Такъ точно страсть и съ ангеломъ въ союзѣ
Наскучить, наконецъ, небеснымъ ложемъ —
И жаждетъ недостойнаго

6) Этихъ словъ Короля у Шекспира совсѣмъ нѣтъ. Ихъ говоритъ Розенкранцъ; „Дай Богъ, чтобы нашъ прїездъ и наши старанія были прїятны и полезны ему“. Пер. Кетчера.

7) У Полевого пропущено. Приводимъ это мѣсто по переводу Кетчера.

Гам. Что же побудило ихъ къ странствованію? Пребываніе на одномъ мѣстѣ далеко вѣдь выгоднѣй какъ для славы, такъ и для кармана.

Розен.—Послѣднія, я думаю, нововведенія.

Гам. Были они такъ же любимы, какъ въ то время, когда я былъ въ городѣ? Посѣщались такъ же?

Розен. Далекое не такъ.

Гам. Отчего же? Начали баловаться?

Розен. Нѣтъ, были по прежнему старательны; но явился выводокъ дѣтей — безперыхъ птенцовъ, крикливый пискъ которыхъ вызываетъ громы рукоплесканій. Теперь они въ модѣ, и такъ кричатъ противъ простонародныхъ

театровъ — такъ называютъ они всѣ другіе, — что многіе и изъ носящихъ мечъ, убоясь гусиныхъ перьевъ, почти совсѣмъ не посѣщаютъ послѣднихъ.

Гам. Какъ! дѣти? Кто же содержитъ ихъ? что же имъ платять? Покинуть они это искусство, какъ только утратятъ способность пѣть дискантомъ? Не скажутъ они послѣ, когда выростутъ до обыкновенныхъ актеровъ — а это весьма вѣроятно, если не найдутъ лучшихъ средствъ къ существованію, — что ихъ писатели сдѣлали имъ большое зло, заставивъ декламировать противъ своей собственной будущности.

Розен. Была страшная съ обѣихъ сторонъ перепалка, и само общество не считало за грѣхъ ихъ стравливать; нѣкоторое время ни одна пьеса не давала даже сбора, если авторъ и актеры не дѣлали въ ней какихъ-нибудь по этому поводу выходокъ.

Гам. Возможно ли?

Гильд. И чѣмъ тутъ не перебрасывались.

Гам. И дѣти одержали побѣду?

Розен. И надъ Геркулесомъ, и надъ его ношей.

8) У Шекспира иначе. Пер. Кетчера.

Гам. О, Іефай, судья Израиля, какое имѣлъ ты сокровище!

Пол. Какое сокровище, принцъ?

Гам. Какое?

Имѣлъ одну онъ дочь прекрасную,

И любилъ онъ эту дочь.

9) Монологъ этотъ, сокращенный Полевымъ, приводимъ цѣликомъ по переводу Кронеберга;

Гам. Богъ съ вами! Я одинъ теперь.

Какой злодѣй, какой я рабъ презрѣнный!

Не дивно ли: актёръ, при тѣни страсти,

При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояннн

Своимъ мечтамъ всю душу покорить;

Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣеть,

Въ глазахъ слеза дрожить и млѣть голосъ,

Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ

И весь составъ его покорень мысли.

И все изъ ничего — изъ-за Гекубы!

Что онъ Гекубѣ, что она ему?

Что плачетъ онъ о ней? О еслибъ онъ,

Какъ я, владѣлъ призывомъ къ страсти,

Что-бъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену

Въ своихъ слезахъ и страшными словами

Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ

Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,

Незнающихъ привель бы онъ въ смятенъе,
Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.
А я, презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ безплодныхъ
Боюсь за короля промолвить слово,
Надъ чѣмъ вѣнцомъ и жизнью драгоцѣнной
Совершенно проклятое злодѣйство.
Я трусь? Кто назоветъ меня негоднымъ?
Кто черепъ раскроить? кто прикоснется
До моего лица? кто скажетъ мнѣ: ты лжешь?
Кто оскорбитъ меня рукой иль словомъ?
А я обиду перенесъ бы. Да!
Я голубъ мужествомъ; во мнѣ нѣтъ жолчи
И мнѣ обида не горька; иначе,
Уже давно раба гніющимъ трупомъ
Я вороновъ окрестныхъ угостилъ бы.
Кровавый сластолюбецъ, лицемѣрь!
Безчувственный, продажный, подлый извергъ!
Глупецъ, глупецъ! Куда какъ я отваженъ!
Сынъ милаго, убитаго отца,
На мщенъе вызванный и небесами,
И тартаромъ, я расточаю сердце
Въ пустыхъ словахъ, какъ красота за деньги,
Какъ женщина, весь изливаюсь въ клятвахъ.
Нѣтъ, стыдно, стыдно! Къ дѣлу, голова!
Гмъ! Слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искусство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что признавалися они въ злодѣйствахъ.
Убійство нѣмо, но оно порою
Таинственно, но внятно говорить.
Пусть кое-что предъ дядею представляютъ
Подобное отцовскому убійству:
Я буду взоръ его слѣдить, я испытаю
Всю глубину его душевной раны.
Смутится онъ — тогда свой путь я знаю.
Духъ могъ быть сатана; лукавый властенъ
Принять заманчивый, прекрасный образъ.
Я слабъ и преданъ грусти; можетъ статья,
Онъ, сильный надъ скорбящею душой,
Влечетъ меня на вѣчную погибель.
Мнѣ нужно основаніе потвѣрже.
Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленъе —

И совѣсть скажется и выдасть преступленье.

10) Такъ какъ этотъ монологъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, приводимъ его по нѣсколькимъ переводамъ:

Гам. Быть, иль не быть — таковъ вопросъ; что
Что благороднѣй для души: сносить ли лучше,
Удары стрѣлъ враждующей фортуны,
Или возстать противу моря бѣдствій,
И ихъ окончить? Умереть — уснуть —
Не болѣ; сномъ всегдашнимъ прекратить
Всѣ скорби сердца, тысячи мученій,
Наслѣдье праха — вотъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умереть — уснуть!
Уснуть? — Но сновидѣнья? — Вотъ препона:
Какія будутъ въ смертномъ снѣ мечты,
Когда мятежную мы свергнемъ брэнность,
О томъ помыслить должно. Вотъ источникъ
Столь долгой жизни бѣдствій и несчастій!
И кто-бъ снесъ бичъ и поношенья свѣта,
Обиды гордыхъ, притѣсненья сильныхъ,
Законовъ слабость, знатныхъ своевольство,
Осмѣянной любви муки, злое
Презрѣнныхъ душъ презрѣнїе къ заслугамъ,
Когда кинжала лишь одинъ ударъ —
И онъ свободенъ? Кто въ ярмѣ ходилъ бы,
Стеналъ подъ игомъ жизни и томился,
Когда бы страхъ грядущаго по смерти —
Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
Сюда возврата — не тревожилъ воли,
Не заставлялъ скорѣй сносить зло жизни,
Чѣмъ убѣгать отъ ней къ бѣдамъ безвѣстнымъ?
Такъ робкими творить всегда насъ совѣсть;
Такъ яркїй въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнїю тускнѣеть размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны укрощая бѣгъ свой,
Имень дѣяній не стяжаютъ. Ахъ,
Офелїя! — О нимфа! помяни
Грѣхи мои въ своей молитвѣ!

М. Вронченко.

Гам. Быть, иль не быть? вотъ въ чемъ вопросъ

Что благороднѣе: сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончить жизнь — уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончить грусть и тысячи ударовъ —
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть? уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненъе,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣнiе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни,
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти —
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, — смущаетъ волю,
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять: слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ предпріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.
Офелія! о, нимфа! помяни
Мои грѣхи въ твоей святой молитвѣ!

Кронебергъ.

Гам. Быть, или не быть! Вопросъ въ томъ, что благороднѣе: сносить ли пращи и стрѣлы злобствующей судьбины, или возстать противъ моря бѣдствій и, сопротивляясь, покончить ихъ. — Умереть — заснуть — не больше; и зная, что сномъ этимъ мы кончаемъ всѣ скорби, тысячи естественныхъ, унаслѣдованныхъ тѣломъ противностей — конецъ желаннѣйшій. Умереть, — заснуть, — заснуть! Но можетъ быть и сны видѣть? — Вотъ препона; какія могутъ быть сновидѣнья въ этомъ смертномъ снѣ, за тѣмъ какъ стряхнемъ съ себя земныя тревоги, — вотъ что останавливаетъ насъ. Вотъ что дѣлаетъ

бѣдствія такъ долговѣчными, иначе кто же сталь бы сносить бичеваніе, издѣвки современности, гнетъ властолюбцевъ, обиды горделивыхъ, муки любви отвергнутой, законовъ бездѣйствіе, судовъ своевольство, ляганье, которымъ терпѣливое достоинство угощается недостойными, когда самъ однимъ ударомъ кинжала можетъ отъ всего этого избавиться? Кто, крехтя и потѣя, несъ бы бремя тягостной жизни, если бы страхъ чего-то по смерти, безвѣстная страна, изъ-за предѣловъ которой не возвращался еще ни одинъ изъ странниковъ, не смущали воли, не заставляли скорѣй сносить удручающія насъ бѣдствія, чѣмъ бѣжать къ другимъ, невѣдомымъ? Такъ всѣхъ насъ совѣсть дѣлаетъ трусами; такъ блекнетъ естественный румянецъ рѣшимости отъ тусклаго напора размышленья, и замыслы великой важности совращаются съ пути, утрачиваютъ названіе дѣяній. — А, Офелія! — О, нимфа, помяни меня въ своихъ молитвахъ.

Н. Кетчеръ.

Гам. Жить иль не жить — вотъ въ чемъ вопросъ!
Безропотно сносить удары стрѣль. Честнѣе-ль
Враждебной намъ судьбы, иль кончить разомъ
Съ безбрежнымъ моремъ горестей и бѣдъ,
Возставъ на все? — Окончить жизнь — уснуть!
Не болѣе! — когда-жъ при этомъ вспомнить,
Что съ этимъ сномъ навѣки отлетятъ
И сердца боль, и горькія обиды —
Наслѣдье нашей плоти — то не въ правѣ-ль
Мы всѣ желать подобнаго конца?
Окончить жизнь — уснуть!.. уснуть? а если
При этомъ видѣть сны?... Вотъ остановка!
Какого рода сны тревожить будутъ
Насъ въ смертномъ снѣ, когда мы совлечемъ
Съ себя покрывку плоти? — Вотъ что можетъ
Связать рѣшимость въ насъ, заставя вѣчно
Терпѣть и зло и бѣдственную жизнь!...
Кто сталь бы въ самомъ дѣлѣ выносить
Безропотно обиды, притѣсненья,
Рядъ горькихъ мукъ обманутой любви,
Стыдъ бѣдности, неправду власти, чванство
И гордость знатныхъ родомъ — словомъ все,
Что суждено достоинству терпѣть
Отъ низости — когда бы каждый могъ
Найти покой при помощи удара
Короткаго ножа? — Кто сталь влачить бы
Въ поту лица томительную жизнь,

Когда бы страхъ предъ тою непонятной,
Невѣдомой страной, откуда нѣтъ
И не было возврата, не держаль
Въ оковахъ нашей воли и не дѣлаль
Того, что мы скорѣй сносить готовы
Позоръ и зло, въ которыхъ родились,
Чѣмъ ринуться въ погоню за безвѣстнымъ?...
Всѣхъ трусами насъ сдѣлала боязнь!
Рѣшимости роскошный цвѣтъ блѣднѣеть
Подъ гнетомъ размышленья! Наши всѣ
Прекраснѣйшіе замыслы, встрѣчаясь
Съ ужасной этой мыслью, отступаютъ,
Теряя имя дѣль! — Но тише! вотъ
Офелія! О нимфа! помяни
Меня, прошу, въ святыхъ твоихъ молитвахъ!

Соколовскій.

11) *Оф.* О Боже, Боже! что за дивный духъ
Такъ страшно палъ! Воителя отвага,
Умъ мудреца, способность царедворца,
Отчизны цвѣтъ, надежда всей страны,
Прекраснѣйшій примѣръ для подражанья —
Всему, всему конецъ! — И мнѣ, несчастной,
Внимавшей въ дни былые сладкимъ звукамъ
Рѣчей его, судьба судила видѣть,
Какъ оборвался этотъ чудный умъ,
Подобно струнамъ арфы; какъ исчезли
Краса и свѣжесть юности подъ гнетомъ
Безумія! — О горе, горе мнѣ,
Когда сравнить, что видѣла я прежде,
И что теперь увидѣть мнѣ пришлось!

12) *Гам.* Произнеси, пожалуйста, этотъ монологъ такъ, какъ я тебя училъ: легко и развязно. Но если ты вздумаешь его прокричать, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то доставишь мнѣ столько же удовольствія, какъ еслибы стихи мои декламировалъ площадной разнощикъ. Не махай безъ толку руками, но старайся, чтобъ твои жесты были благородны. Въ этомъ случаѣ надо соблюдать гармоническую умѣренность не только въ потопѣ или бурѣ, но даже въ вихрѣ страсти. Меня бѣситъ, когда я вижу, какъ здоровый болванъ, въ лохматомъ парикѣ, рветъ страсть въ клочки и деретъ уши райка, привыкшаго цѣнить только глупыя пантомимы, или бѣшенный ревъ. У меня чешутся руки прибить палками подобныхъ дураковъ, которые, во что бы то ни стало, хотятъ

представить Ирода болѣе Иродомъ, чѣмъ онъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ. — Пожалуйста, избѣгай этого.

1-й акт. Ручаюсь вашему высочеству, что этого не случится.

Гам. Не будь однако и слишкомъ сдержанъ. Вообще руководствуйся при игрѣ болѣе всего своимъ собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Соразмѣряй жесты съ словами, а слова съ жестами, для того, чтобъ не насиловать благоразумной умѣренности природы. Всякій излишекъ въ этомъ случаѣ выходитъ за предѣлы цѣли, которую имѣетъ театр; а цѣль эта всегда состояла и всегда будетъ состоять въ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности, какъ въ зеркалѣ. Добродѣтель, преступленіе, нравы вѣка — все должно быть представлено на сценѣ такимъ, какимъ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ. Разъ такое изображение преувеличено или ослаблено, то, конечно, этимъ можно добиться одобренія и смѣха невѣждъ, но утонченно понимающій дѣло зритель будетъ этимъ оскорбленъ. Мнѣніе-жъ одного такого зрителя должно цѣниться гораздо выше, чѣмъ восторгъ всей прочей толпы, наполняющей театральную залу. Мнѣ случалось видѣть актеровъ, которымъ толпа рукоплескала даже неистово; но сами они не походили не только на изображаемыхъ ими личностей, но даже просто на людей. Они рычали и кривлялись такъ непозволительно, что можно было подумать, будто это не люди, а просто прескверно сдѣланныя куклы: такъ мало было въ нихъ человѣческаго обличья.

1-й акт. Я надѣюсь, достойный принцъ, что въ нашей труппѣ мы успѣли почти совершенно освободиться отъ подобныхъ недостатковъ.

Гам. Не почти, а совсѣмъ должно ихъ уничтожить. — Не позволяй также клоунамъ болтать болѣе чѣмъ написано въ піесѣ. Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые, для того, чтобъ вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачились въ такихъ интермедіяхъ, когда напротивъ слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобъ обдумать и усвоить видѣнное. Это нехорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, небрезгающемъ подобными продѣлками. Теперь ступай и будьте готовы начать представленіе.

13) Послушай: съ той поры, какъ это сердце

Властителемъ своихъ избраній стало

И научилось различать людей,

Оно тебя избрало передъ всѣми.

Страдая, ты, казалось, не страдалъ;

Ты бралъ удары и дары судьбы,

Благодаря за то и за другое.

И ты благословень: разсудокъ съ кровью

Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь

Для счастья дудкою, не издаешь,

По прихоти его, различныхъ звуковъ.

Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть

Не сдѣлала рабомъ — и я укрою

Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя.

14) *Гам.* А вотъ мы узнаемъ отъ этого молодца; актеры ничего не могутъ сохранить втайнѣ, все выболтаютъ.

Оф. Скажетъ онъ намъ, что значить это представленіе?

Гам. Да, какъ и всякое представленіе, которое вы ему представите. Не постыдитесь только представить, а онъ не постыдится сказать вамъ, что это значить.

Оф. Нехорошо, принцъ, нехорошо. Я лучше буду слушать піесу.

15) *Розен.* Коль скоро каждый
Отдѣльный гражданинъ имѣеть право
Всей силою разсудка и души
Стараться защитити себя отъ бѣдствій
И всякихъ золь, то тѣмъ скорѣй обязанъ
Заботиться о томъ же тотъ, на комъ
Лежить отвѣтственность за жизнь и счастье
Толпы людей. Король не умираетъ
Безслѣдно и одинъ: онъ, какъ потокъ,
Уноситъ за собой судьбу стоявшихъ
Вокругъ его престола. Онъ похожъ
На колесо, огромнаго размѣра,
Стоящее у всѣхъ въ виду на выси
Крутой горы. На этомъ колесѣ
Нанизаны десятки миллионовъ
Существъ ему подвластныхъ. Если разъ
Покатится такое колесо,
То вмѣстѣ съ нимъ найдутъ погромъ и гибель
Всѣ эти существа. Печаль царей
Влечетъ бѣду для множества людей.

16) „Страшно, за человѣка страшно мнѣ" — эти слова принадлежатъ Полевому и произвели на тетрѣ, когда игралъ Гамлета Мочаловъ, потрясающее впечатлѣніе. Слова эти, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно сильно изображаютъ состояніе души Гамлета. У Шекспира ихъ совсѣмъ нѣтъ и монологъ Гамлета оканчивается такъ:

Гдѣ-жъ твой румянецъ, стыдъ? Когда ты можешь,
Лукавый адъ, горѣть въ костяхъ матроны,
Такъ пусть какъ воскъ растопится стыдливость
Горячей юности въ твоёмъ огнѣ!
Не восклицай: „о стыдъ!" — когда взиграетъ
Младая кровь: и самый снѣгъ холодный

Горить, а разумъ волю соблазняетъ.

17) *Призр.* Затѣмъ, чтобъ поддержать въ твоей душѣ
Готовую угаснуть, твердость духа —
Но посмотри: — отчаянье совсѣмъ
Твою сразило мать. Подай ей помощь
Въ борьбѣ ужасной съ собственной душой!
Чѣмъ въ насъ слабѣе плоть, тѣмъ нестерпимѣй
Страдаетъ духъ. Скажи ей слово ласки.

18) *Фортинбрасъ* и войска на маршѣ.
Форт. Полковникъ! Передайте мой поклонъ
Монарху Даніи и доложите,
Что *Фортинбрасъ* желаетъ получить
Проводниковъ для перехода войска
Черезъ владѣнія датчанъ.
Вы знаете, гдѣ насъ найдти. Когда угодно
Его величеству со мной поговорить,
Я лично выполню мой долгъ. Скажите такъ.
Полк. Исполню, принцъ.
Форт. Впередъ! не торопиться!

(*Фортинбрасъ* и войско уходятъ).

19) Приводимъ сцену, когда является сумасшедшая *Офелія*, по переводамъ
Кронеберга и *Соколовскаго*.

Офел. Гдѣ прекрасная королева Даніи?

Кор-ва. Что съ тобою, *Офелія*?

Офел. (поетъ). Гдѣ же милый твой, дѣвица?

Онъ пошелъ къ святымъ мѣстамъ

Босикомъ и въ власяницѣ —

Скоро-ль будетъ снова къ намъ?

Кор-ва. Къ чему эта пѣсня, милая *Офелія*?

Офел. Что вы говорите? Нѣтъ, пожалуйста, послушайте.

(Поетъ).

Будь покойна: схоронили —

Не воротится домой!

Вѣчный домикъ осѣнили

Крестъ и камень гробовой.

Кор-ва. Однако же, *Офелія*...

Офел. Пожалуйста, слушайте. (Поетъ).

Какъ прекрасенъ былъ твой милый...

Входитъ *Кор.*

Кор-ва. Ахъ, смотри, другъ мой!

Офел. (поеть). Въ бѣломъ саванѣ, въ цвѣтахъ,
Какъ вокругъ его могилы
Всѣ стояли мы въ слезахъ!

Кор. Что съ тобою, милая Офелія?

Офел. Благодарю васъ, ничего. Говорятъ, сова была дочь хлѣбника. Боже мой!
мы знаемъ, что мы, да не знаемъ что съ нами будетъ. Хлѣбъ-соль вамъ!

Кор. Намекъ на отца.

Офел. Полно объ этомъ говорить; но если васъ спросятъ, что это значитъ,
такъ отвѣчайте. (Поеть).

Занялась уже денница,
Валентиновъ день насталь,
Подъ окномъ стоитъ дѣвица:
„Спишь ли, милый, или всталъ?“
Онъ услышалъ, встрепенулся,
Быстро двери отворилъ,
Съ нею въ комнату вернулся,
Но не дѣву отпустилъ.

Кор. Милая Офелія...

Офел. Право божиться нечего, а я сейчасъ кончу.
(Поеть).

Пресвятая! какъ безбожно
Клятву вѣрности забыть!
Ахъ, мужчинѣ только можно
Полюбить и разлюбить!
„Ты хотѣлъ на мнѣ жениться“,
Говорить ему она.

Онъ отвѣчаетъ:

„Позабылъ! Хотъ побожиться,
Въ этомъ не моя вина“.

Кор. Какъ давно она въ этомъ положеніи?

Офел. Надѣюсь все пойдетъ хорошо. Надо быть терпѣливымъ, а невольно
плачется, какъ подумаешь, что они положили его въ холодную землю. Братъ
мой долженъ все узнать. Спасибо вамъ за совѣтъ. Подать мою карету!
Покойной ночи, прекрасныя дамы, покойной ночи. (Уходитъ).

Кронебергъ.

Офел. Гдѣ датская красавица царица?

Кор-ва. Офелія! что, милая, съ тобой?

Офел. (напѣваетъ). Отличу ли таинственнымъ утромъ
Я, мой милый, тебя отъ другихъ,
По значку на плечѣ съ перламутромъ,
Иль по банту изъ лентъ дорогихъ?

Кор-ва. Офелія! что значить эта пѣсня?

Офел. Что вы сказали? Не перебивайте! слушайте!

Ахъ онъ умеръ, онъ умеръ, въ сосновый
Гробъ руками любви положонъ!
Холмъ надъ тѣломъ насыпанъ дерновый,
Тяжкій камень въ ногахъ наваленъ!

Кор-ва. Офелія!

Офел. Говорю вамъ, слушайте!

Гробовыми обвить пеленами...

(Входитъ *Кор.*).

Кор-ва. Ахъ, добрый другъ, взгляни на нее!

Офел. (продолжая пѣть). Чище дѣвственныхъ горныхъ снѣговъ,

Онъ въ могилу зарытъ со слезами,
Подъ кошницами свѣжихъ цвѣтовъ!

Кор. Что съ тобой, милая Офелія?

Офел. Со мной? Пока ничего! благодарю васъ. А что съ вами будетъ завтра — никто сказать не можетъ. Вѣдь и у хлѣбника дочь была сначала дѣвушкой, а потомъ сдѣлалась совой!.. Храни васъ Богъ отъ всего дурного!

Кор. Она все думаетъ объ отцѣ.

Офел. Ахъ, полноте! стоитъ ли объ этомъ говорить? А если васъ будутъ спрашивать, то отвѣчайте вотъ какъ:

Въ Валентиновъ денекъ,
Только зорька зашла,
Я къ тебѣ, мой дружокъ,
Валентиной пришла!
Чистой дѣвушкѣ въ ночь
Двери онъ отворилъ,
Но не дѣвушку прочь
Отъ себя отпустилъ!

Кор. Офелія!

Офел. Молчите! проклинать не хорошо, а досказать надо!

Стыдно, стыдно ему
Было такъ поступить!
Не ему одному
Впрочемъ вѣтренымъ быть!
„Я тебѣ, милый мой,
Вѣдь женой клялась быть“.

А онъ въ отвѣтъ:

„Плакать надо самой!
Кто велѣлъ приходить!“

Кор. Давно ли съ нею это сдѣлалось?

Офел. О ничего! все пройдетъ; надо только терпѣнье. Но я все-таки не могу не заплакать, когда вспомню, что они зарыли его въ холодную землю! Братъ мой

впрочемъ объ этомъ узнаеть, а васъ я благодарю за добрыя слова и ласку!
Велите подавать мою карету! — Покойной ночи, мои милые! Покойной ночи!
(Убѣгаетъ).

Соколовскій.

20) У Шекспира это говоритъ не Гораціо, а придворный. Полевой смягчилъ слова этого Вѣстника, который говоритъ Королю, что народъ провозглашаетъ Лаерта Королемъ.

21) Приводимъ по переводамъ Кронеберга и Соколовскаго пѣсню, которую поеть Офелія въ этой сценѣ:

Офел. (поеть). Такъ не придѣтъ онъ къ намъ опять?
Его намъ больше не видать?
Его ужъ нѣтъ, его ужъ нѣтъ!
Какъ опустѣлъ вдругъ бѣлый свѣтъ!
Онъ не придетъ ужъ къ намъ опять!
Его волосъ пушистыхъ лёнь
Весеннимъ снѣгомъ убѣлѣнь.
Но что печаль? Моей слезѣ
Не возвратитъ его землѣ!
Будь въ небесахъ превознесенъ!

Офел. (напѣвая). Не увидимъ его!
Не увидимъ его!
Мертвымъ нѣтъ и не будетъ возврата!
Гробъ его дорогой
Взять сырою землей!
Не вернется, что разъ ею взято!
Были волны кудрей,
Льна и снѣга бѣлѣй,
И зарытъ онъ навѣки въ могилу!
Онъ почилъ вѣчнымъ сномъ,
Плачь напрасенъ по немъ,
Скорбный духъ его, Боже, помилуй.

22) У Полевого эта сцена значительно сокращена. Приводимъ ее по переводу Кронеберга.

Входятъ *Гораціо* и *слуга*.

Гор. Кто хочетъ говорить со мной?

Слуга.

Матросы:

У нихъ есть письма къ вамъ.

Гор. Впусти ихъ.

(Слуга уходитъ).

Не знаю, кто-бъ во всей вселенной бренной
Мнѣ могъ поклонъ прислать свой, какъ не Гамлетъ.

Входятъ *матросы*.

1-й матр. Богъ помощь.

Гор. Спасибо.

1-й матр. Вотъ къ вамъ письмо отъ посланника, ѣхавшаго въ Англію, если вы
Гораціо, какъ мнѣ сказали.

Гор. (читаетъ). „Гораціо! Когда ты просмотришь этотъ листокъ, доставь
матросамъ доступъ къ королю: у нихъ есть къ нему письма. Мы и двухъ дней
еще не были на морѣ, какъ сильный корсаръ вздумалъ за нами поохотиться.
Нашъ корабль шель не довольно быстро и намъ пришлось поневолѣ быть
храбрыми. Во время схватки я взошелъ на корсарскій фрегатъ, но въ то же
мгновеніе они отчалили отъ нашего корабля и я одинъ попался въ плѣнъ. Они
обошлись со мною какъ благородные мошенники. Впрочемъ, они хорошо
знали, что дѣлаютъ; должно отплатить имъ тѣмъ же. Постарайся доставить
королю посланныя письма и поспѣши ко мнѣ, какъ бы бѣжалъ отъ смерти. Я
скажу тебѣ на ушко слова, которыя тебя оглушаютъ; а они все еще слишкомъ
легки въ сравненіи съ ихъ содержаніемъ. Матросы приведутъ тебя ко мнѣ.
Розенкранцъ и Гильденштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англію. О
нихъ есть много чего поразказать. Прощай. Вѣчно твой Гамлетъ”.

(Матросамъ).

Пойдемъ: вы отдадите ваши письма
И тѣмъ скорѣй, что надо вамъ со мною
Идти къ тому, кто вамъ велѣлъ вручить ихъ.

(Уходятъ).

23) У Шекспира не Гораціо, а Вѣстникъ.

24) У Полевого сцена эта сильно сокращена; приводимъ по Соколовскому:

Кор. Если ты
Рѣшаешься на это — а иначе
Тебѣ нельзя конечно поступить —
Дай слово мнѣ, что ты во всемъ поступишь
Какъ я тебѣ скажу.

Лаертъ. Я общаюсь
Послушнымъ быть во всемъ, лишь только-бъ вы
Не вздумали склонять меня мириться.
Кор. Я точно помирить хочу тебя,
Но лишь съ твоей душой. Коль скоро онъ

Вернулся съ тѣмъ, чтобы остаться здѣсь,
Какъ соколъ испугавшійся охоты,
Тогда пушу я въ ходъ иное средство,
Давно ужъ мной рѣшенное, и средство
На столько это точно, что въ концѣ
Навѣрно приведетъ оно его
Къ гибели; причемъ постигнуть будетъ
Онъ смертью такъ естественно и просто,
Что эта смерть не возбудитъ ни въ комъ
Сомнѣнья иль догадокъ. Даже мать
Ее припишетъ случаю, увидя
Въ томъ приговоръ судьбы.

Лаертъ. Я соглашаюсь
На все, что вы задумали, прибавивъ,
Что очень я хочу быть въ этомъ дѣлѣ
Орудьемъ вашихъ рукъ.

Кор. И ты имъ будешь
По всѣмъ правамъ. — Когда ты былъ въ отлучкѣ,
Молва людей расхваливала часто
При Гамлетѣ въ тебѣ одинъ талантъ,
Въ которомъ ты, по общему признанью,
Не знаешь равныхъ. Всѣ твои другія
Достоинства не возбуждали тѣни
Въ немъ зависти, но въ этомъ Гамлетъ страшно
Тебѣ завидовалъ, хотя, признаться,
Я лично вовсе не считаю этотъ
Талантъ особо важнымъ.

Лаертъ. Въ чемъ же дѣло?
Кор. Такъ, пустяки! игрушка самолюбыя
Веселой юности; но и пустое
Подчасъ быть можетъ важнымъ. Мѣхъ и перья,
Какими обшиваетъ молодежь
Свои плащи и шляпы, служатъ имъ
Лишь только для красоты, тогда какъ старость
Подкладываетъ пухомъ иль мѣхами
Одежду, чтобъ согрѣться и придать
Себѣ серьезный видъ. — Тому назадъ
Два мѣсяца, насъ посѣтилъ одинъ
Норманскій дворянинъ. Я хорошо
Знакомъ съ французами, сражался съ ними,
И знаю ихъ искусство гарцовать
На лошадахъ; но этотъ молодецъ
Въ искусствѣ ѣздить кажется пошелъ

На сдѣлку съ дьяволомъ. Въ сѣдлѣ держался
Онъ какъ скала и заставлялъ коня
Продѣлывать при томъ такія штуки,
Что, право, мнѣ казалось, будто оба,
И конь и всадникъ, составляли вмѣстѣ
Одно и то же тѣло. То, что видѣлъ
При этомъ я, превосходило все,
Что можно лишь представить иль придумать
Въ искусствѣ ловкости.

Лаертъ. Онъ былъ нормандецъ?

Кор. Нормандецъ.

Лаертъ. Ну такъ я готовъ поклясться,
Что это былъ Ламонъ.

Кор. Онъ самый.

Лаертъ. Знаю

Его я хорошо. Любимецъ онъ
И баловень всей націи.

Кор. Онъ много

Рѣчей вель о тебѣ и между прочимъ
Съ восторгомъ отзывался о твоёмъ
Искусствѣ фехтовать и особливо
Рапирами. Онъ восклицалъ не разъ,
Что счелъ большимъ бы чудомъ, еслибъ встрѣтилъ
Когонибудь, кто могъ бы въ этомъ дѣлѣ
Помѣряться съ тобой, и клялся часто,
Что ни одинъ изъ лучшихъ ратоборцевъ
Его страны, будь ты его противникъ,
Не выказалъ навѣрно-бъ половины
Искусства, глазъ и ловкости, какими
Владѣешь ты. — Его слова вселили
Такую зависть въ Гамлета, что онъ
И спалъ и видѣлъ только, чтобъ вернулся
Ты вновь домой и могъ сразиться съ нимъ.
Лови-жъ прекрасный случай...

Лаертъ. Случай? въ чемъ?

Кор. Скажи, Лаертъ: былъ дорогъ твой отецъ
Тебѣ дѣйствительно, иль носишь ты
Печали только маску, выражая
Ее однимъ лицомъ?

Лаертъ. Что за вопросъ!

Кор. Я дѣлаю его не потому,
Чтобъ сомнѣвался въ искренности чувства
Любви твоей къ отцу, но вѣдь извѣстно,

Что чувства въ насъ бываютъ зачастую
Рабами времени. Случалось мнѣ
Нерѣдко видѣть, какъ гасило время
Огонь любви. Въ любви самой живетъ
Какое-то зловредное начало,
Способное порой гасить любовь
Въ томъ родѣ, какъ нагаръ свѣтильни гаситъ
Горящую свѣчу. Чѣмъ выше въ насъ
Желанія и чувства, тѣмъ труднѣе
Ихъ намъ сберечь. Они нерѣдко гибнуть,
Не выдержавъ напора лишнихъ силъ.
Ковать желѣзо надобно, покуда
Желѣзо горячо; иначе воля
Въ насъ можетъ измѣниться, встрѣтивъ столько-жъ
Помѣхъ и затрудненій, сколько въ жизни
Встрѣчаемъ мы различныхъ взглядовъ, мнѣній
И случаевъ. Живое чувство долга
Становится для насъ тогда такимъ же
Тяжелымъ и болѣзненнымъ, какимъ
Бываетъ вздохъ, которому не можетъ
Найти исхода грудь. — Но возвратимся
Къ горячему вопросу. Гамлетъ долженъ
Быть скоро здѣсь. Скажи же, что намѣренъ
Ты предпринять, чтобъ показать себя
Достойнымъ сыномъ болѣе на дѣлѣ,
Чѣмъ на словахъ?

Лаертъ. Убить хотъ въ церкви.
Кор. Для мести, я вполнѣ съ тобой согласенъ,
Нѣтъ ни границъ, ни заповѣдныхъ мѣсть.
Но сдѣлавъ такъ, вѣдь долженъ будешь ты
Скрываться самъ. Не лучше-ль потому,
Едва вернется Гамлетъ и узнаетъ,
Что ты вернулся также, подослать
Къ нему двухъ-трехъ надежныхъ краснобаевъ,
Которые расхвалятъ передъ нимъ
Твое искусство драться выше даже,
Чѣмъ говорилъ объ этомъ твой французъ?
А тамъ ужъ мы съумѣемъ васъ поставить
Лицомъ къ лицу и заложить пари
На ваши головы. При добродушии,
Какимъ извѣстенъ Гамлетъ, онъ не станетъ
Тебя подозрѣвать и не увидитъ
Разставленныхъ тенетъ, а ты межъ тѣмъ

Успѣшь подмѣнить тупой клинокъ
Рапиры заостреннымъ и, съ твоимъ
Искусствомъ нападать, отмстить убійцѣ
За смерть отца.

Лаертъ. Такъ точно поступлю я!

А чтобъ игра была навѣрняка,
Я отравлю конецъ моей рапиры. —
Есть зелье у меня; его мнѣ продалъ
Одинъ бродячій лекаръ. Сила яда
Такъ велика, что если помочить
Въ немъ лезвіе ножа и оцарапать
Уколомъ легкимъ кожу, то напрасно
Вы будете искать во всей вселенной
Цѣлебныхъ травъ, которыя спасли бы
Отъ гибели того, въ чью кровь попалъ
Мой страшный ядъ. Я омочу конецъ
Рапиры въ немъ и если мнѣ удастся
Врага поранить шпагой хоть слегка,
Все будетъ съ нимъ покончено.

Кор. Полезно

Обдумать будетъ намъ равно другія
Случайности и обсудить вопросъ
Со всѣхъ сторонъ. Когда затѣя наша,
Въ послѣдствіе какойнибудь пустой
Ошибки, не удастся — было-бъ лучше
Тогда не начинать ее совсѣмъ.
Поэтому намъ надо приготовить
Иной исходъ, когда сорвется первый.
Посмотримъ же! Что, если мы объявимъ
Торжественный закладъ о томъ, который
Изъ васъ одержитъ верхъ. Чѣмъ выше будетъ
Такой закладъ, тѣмъ жарче увлечетесь
Вы битвою — (и я прощу тебя
Имѣть это въ виду). — Когда же Гамлетъ,
Разгорячася, захочетъ пить — велю я
Поднести ему такой бокаль питья,
Что если онъ къ нему коснется только
Краями губъ — то дѣло наше будетъ
Покончено и такъ.

(Входитъ Королева).

25) *Кор-ва.* Тамъ ива есть: она, склонивши вѣтви,
Глядится въ зеркало кристальныхъ водъ.

Въ ея тѣни плела она гирлянды
Изъ лилій, розъ, фіалокъ и жасмина.
Вѣнки цвѣтущіе на вѣтвяхъ ивы
Желая размѣстить, она взобралась
На дерево; вдругъ вѣтвь подъ ней сломалась —
И въ воды плачуція пали съ нею
Гирлянды и цвѣты. Ея одежда,
Широко разстилаясь по волнамъ,
Несла ее съ минутой, какъ сирену.
Несчастливая, бѣды не постигая,
Плыла и пѣла, пѣла и плыла,
Какъ существо рожденное въ волнахъ.
Но это не могло продлиться долго:
Одежда смокла — и пошла ко дну.
Умолкли жизнь и нѣжные напѣвы!

26) У Полевого пропущенъ разговоръ Лаерта со священникомъ. Приводимъ его по Кронебергу:

Лаертъ. Какіе же еще обряды будутъ?

Гам. Вотъ благородный юноша, Лаертъ.

Смотри!

Лаертъ. Какіе же еще обряды?

1-й священ. Обрядъ печальный нами совершонъ

Насколько намъ дозволено: кончина

Ея сомнительна и если-бъ высшій

Приказъ не измѣнилъ порядка церкви,

Она-бъ до страшнаго суда лежала

Въ землѣ неосвященной. Прахъ и камни,

А не молитвы чистыхъ христіанъ

Должны-бъ ее въ могилу провожать.

Она-жъ въ вѣнкѣ дѣвическомъ лежитъ,

На гробъ легли невинные цвѣты

И онъ святой покроется землею

При похоронныхъ звукахъ мѣди.

Лаертъ. Какъ —

И больше ничего?

1-й священ. Нѣтъ, ничего.

Мы осквернили бы святую службу,

Пропѣвъ ей реквиемъ, какъ всѣмъ почившимъ въ мирѣ.

Лаертъ. Спустите гробъ. Изъ дѣвственнаго праха

Фіалки выростутъ. Священникъ грубый,

Я говорю тебѣ: страдая въ адѣ,

Ты ангеломъ сестру мою увидишь.

27) У Полевого сокращено. Приводимъ по Соколовскому:

Гам. Достаточно объ этомъ. Перейдемъ
Къ дальнѣйшимъ приключеньямъ. Ты вѣдь помнишь,
Что я о нихъ рассказывалъ тебѣ?

Гор. Все помню, принцъ.

Гам. Въ моей душѣ кипѣла
Какая-то борьба, изъ-за которой
Не могъ заснуть ни на минуту я.
Мнѣ чувствовалось вдесятеро хуже,
Чѣмъ каторжнымъ въ цѣпяхъ; по счастью, смѣлость
Взяла свое — и будь благословенъ
Тотъ мигъ, когда на смѣлость я рѣшился!
Порой и безразсудство служить намъ
Какъ вѣрный другъ, особенно въ минуты,
Когда расчеты рушатся. Мы въ этомъ
Должны признать вмѣшательство судьбы,
Рѣшающей за насъ порывы наши
По своему.

Гор. Нельзя сказать вѣрнѣе.

Гам. Накинувши въ потьмахъ матросскій плащъ,
Я выбрался тихонько изъ каюты,
Съискалъ обоихъ ихъ и началъ шарить
Въ ихъ сумкахъ, взялъ пакетъ и незамѣтно
Вернулся вновь къ себѣ. Затѣмъ, отбросивъ
Пустую щепетильность, распечаталъ
Таинственный пакетъ. О другъ мой добрый!
Что въ немъ нашель я! — царственную подлость!
Представь себѣ, что это былъ приказъ,
Позолоченный разнымъ пустословьемъ
О счастья англичанъ, о благѣ датчанъ,
Съ прибавкой доказательствъ, что нельзя
Оставить жизнь такой зловредной твари,
Какой сталъ нынче я — ну, словомъ, дѣло
Все было сведено къ тому, чтобъ тотчасъ,
По высадкѣ на берегъ, мнѣ снесли-бъ
Немедля голову, не давши даже
Наладить палачу его топоръ.

Гор. Возможно ли?

Гам. Смотри, бумага здѣсь.
Прочти ее потомъ. Но хочешь знать ты,
Что сдѣлалъ я?

Гор. О да, прошу, скажите.

Гам. Почувствовавъ себя въ сѣтяхъ такой
Презрѣнной западни, я сталъ искать,
Какъ выдти изъ нея. По счастью, разумъ
Успѣлъ подать благой совѣтъ мнѣ, прежде,
Чѣмъ могъ придти въ себя я. Взявъ перо,
Я настрочилъ немедленно другое,
Подобное-жъ посланье. Написалъ
Его, какъ писарь, четко. Говорятъ вѣдь,
Что почеркъ государственныхъ людей
Быть долженъ дурень. Я не раздѣляю
Такого мнѣнья и работалъ много
Ему наперекоръ, за что и былъ
Теперь вознагражденъ. Желаетъ знать,
Что было мной написано?

Гор. Скажите.

Гам. Внушительная просьба къ королю
Британіи, какъ къ даннику и другу
Монарха датчанъ. Въ просьбѣ излагалось,
Что если онъ желаетъ, чтобы дружба
Межъ Англіей и Даніей цвѣла
Роскошной пальмой, чтобы миръ всегда
Вѣнчалъ чело цвѣтами и союзъ
Обѣихъ странъ ничѣмъ не нарушался, —
Все вздоръ въ такомъ же родѣ, — то, чтобъ тотчасъ,
Лишь только будетъ прочтено письмо,
Казнили бы безъ всякихъ церемоній
Тѣхъ, кто его принесъ, не давъ имъ даже
Покаяться.

Гор. Откуда-жъ взяли вы
Печать съ гербомъ?

Гам. Судьба и тутъ явилась
На помощь мнѣ. Въ моихъ вещахъ нашлась
Старинная отцовская печать
Съ гербомъ страны. Я ею запечаталъ
Пакетъ, свернувъ его точь-въ-точь какъ первый,
И такъ же подписалъ. Затѣмъ вложилъ
Откуда былъ онъ взять, исполнивъ все
Такъ ловко и умно, что мой подкидышъ
Замѣченъ не былъ. Утромъ загорѣлся
Нашъ бой съ врагомъ, — а то, что было дальше,
Ты слышалъ ужъ.

Гор. Такъ значитъ съ Розенкрапцемъ
И Гильденштерномъ кончено?

Гам. Другъ милый!

Они получаютъ то, къ чему пошли
На встрѣчу сами! гибель ихъ нимало
Мою не мучить совѣсть. Ихъ стубило
Излишнее желанье подслужиться.
Для низкихъ душъ всего опаснѣй стать
На томъ пути, гдѣ перекрестятъ шпаги
Два страшные бойца.

Гор. Но Боже, Боже!
Что за Король!

Гам. Онъ развязалъ за то
Вполнѣ теперь мнѣ руки! Кѣмъ убить
Былъ мой отецъ, а мать осквернена
Позоромъ и стыдомъ; кто сталъ помѣхой
Межъ волею народа и моими
Надеждами; кто строилъ наконецъ
На жизнь мою предательскіе ковы —
Не въ правѣ-ль я убить своей рукой
Подобнаго злодѣя, и не грѣхъ ли
Оставить было-бъ жизнь такому злему
Отребью человѣчества, чтобъ дать
Ему возможность дѣлать зло и дальше.

Гор. Не забывайте: онъ получитъ скоро
Извѣстіе изъ Англіи о томъ,
Какъ выполненъ приказъ его.

Гам. Пускай!
Зѣвать я тоже долго вѣдь не буду.
Что значить человѣческая жизнь?
Сказалъ: разъ — два — и кончено! Досадно
Мнѣ только то, зачѣмъ я оскорбилъ
Достойнаго Лаерта... Въ тяжкомъ горѣ,
Постигнувшемъ его, я вижу образъ
Того, что самъ я вынесъ. Я ценю
Его расположенье. Все случилось
Къ несчастью потому лишь, что излишній
Порывъ его горячности смутилъ
Разсудокъ мнѣ до головокруженья.

28) У Полевого эта сцена сокращена; приводимъ ее по Кронебергу:

Осрикъ. То юный Фортинбрасъ
Изъ Польши возвращается съ побѣдой
И англійскихъ привѣтствуетъ пословъ.

Гам. Гораціо, я умираю. Ядъ

Стѣсниль мой духъ. Я не дождусь вѣстей
Изъ Англіи, но предрекаю: выборъ
Падеть на молодого Фортинбраса.
Ему даю я голосъ мой предсмертный.
Ты обо всемъ случившемся ему
Подробно расскажи; конецъ — молчанье.

(Умираеть).

Гор. Вотъ сердце благородное угасло!
Покойной ночи, милый принцъ! Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!

(Громъ барабановъ ближе. Маршъ за сценой).

Входятъ *Фортинбрасъ, англійскіе послы* и прочіе.

Фор. Какое зрѣлище!

Гор. Чего ты ищешь?
Несчастья и чудесь? Такъ не ищи ихъ дальше.

Фор. Кровавый видъ! Какому торжеству
Ты въ вѣчныхъ принесла твоихъ чертогахъ,
Смерть гордая, такъ много царскихъ жертвъ?
1-й послан. Ужасень этотъ видъ! Мы опоздали

По дѣлу Англіи. То ухо мертво,
Которому должны бы мы донести,
Что Розенкранцъ и Гильденштернъ скончались,
Согласно королевскому приказу.
Кто скажетъ намъ „благодарю“?

Гор. Не онъ,
Хотя-бъ уста его и были живы.
Онъ не давалъ на казнь ихъ повелѣнья.
Но такъ какъ быстро за кровавымъ дѣломъ
Явились вы изъ Англіи и Польши,
Велите же, чтобъ мертвыхъ положили
На катафалкъ въ виду всего народа;
А мнѣ незнающимъ позвольте рассказать,
Какъ все произошло. То будетъ повѣсть
Кровавыхъ, неестественныхъ убійствъ,
Суда случайнаго, нечаянныхъ кончинъ
И козней, павшихъ на главу злодѣевъ.
Всю истину могу я вамъ открыть.

Фор. Мы поспѣшимъ послушать твой рассказъ,
Созвавши на совѣтъ вельможей царства.

Я съ горестью мое встрѣчаю счастье,
На датскій тронъ имѣю я права,
И ихъ я объявляю всенародно.

Гор. Я долженъ и объ этомъ говорить.

Вамъ тотъ далъ голосъ свой, за кѣмъ все царство
Признаетъ васъ царемъ. Но къ дѣлу, къ дѣлу!
Умы людей раздражены: не трудно злобѣ
Настроить бѣдъ средь общаго смятенья.
Фор. Пусть Гамлета, какъ воина, внесутъ
На катафалкъ четыре капитана.
Онъ все величье царское явилъ бы,
Когда-бъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
При погребеньи почестью военной!
Возьмите трупы доблестные эти:
На полѣ битвы мѣсто ихъ.
Скажите, чтобъ начали пальбу!